В. А. ОБОРИН

ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ УРАЛА

В КОНЦЕ XI— НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

www.perm-book.ru

В. А. ОБОРИН

ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ УРАЛА

В КОНЦЕ XI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1990

www.perm-book.ru

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 168 с.

В монографии исследован процесс заселения и освоения Урала в эпоху феодализма, проблемы вхождения Урала в состав Российского государства.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, учителей истории, краеведов.

Представлено к изданию Пермским государственным университетом им. А. М. Горького

Научный редактор д-р ист. наук. *А. А. Преображенский*

Рецензенты: д-р ист. наук *А. С. Черкасова*,
д-р ист. наук *И. С. Капцугович*

О $\frac{0503020200-11}{M\ 179\ (03)-90}$ 8.90

ISBN 5—7430—0130—8

© Оборин В. А., 1990

www.perm-book.ru

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА

Изучение исторического опыта народных масс в развитии производительных сил, их роли в прогрессивных изменениях общественного строя является одной из актуальных задач советской исторической науки. В заселении и освоении новых территорий принимали участие различные общественные силы, но главную роль играло трудовое население. Выявление особенностей этих процессов в разных общественно-экономических формациях, в разных регионах представляет значительный теоретический интерес.

На Урале был накоплен опыт заселения и освоения края, использованный затем в освоении Сибири. В ходе массовой народной колонизации сложились предпосылки превращения его в один из основных экономических районов России: «С положением и интересами уральской горнопромышленности связаны и история колонизации и настоящее положение края»[1].

Буржуазная историческая наука извращает сущность колонизации, преувеличивая ее значение среди других социальных процессов, ставя знак равенства между ней и колониальной политикой царизма, пытается доказать тождество национальной политики СССР с колониальной[2]. Присоединение к России и освоение новых земель она рассматривает как завоевание[3], приписывая политике России извечную агрессивность. Буржуазные идеологи утверждают, что народы России якобы не могли своими силами освоить издревле принадлежавшие им земли, чем обосновывают «законность» агрессии

---

[1] *Ленин В. И.* — Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 416.

[2] См.: *Махмурян Г. Г.* Развитие культур народов СССР в трактовке американских советологов // ВИ. — 1983. — № 2. — С. 165.

[3] См.: *Преображенский А. А.* Сибирь в кривом зеркале господина Хёльцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. — М., 1962. — С. 292—301.

www.perm-book.ru

против СССР[4]. XXVII съезд КПСС призвал советских историков усилить борьбу с буржуазной идеологией, воспитывать советских людей на лучших традициях советского патриотизма и интернационализма.

В процессе заселения и освоения таких крупных регионов, как Урал, происходило взаимодействие разных этнических общностей. В противоположность буржуазной науке, раздувающей негативные стороны отношений между народами, представляющей взаимодействие как русификацию, советская наука обращает главное внимание на изучение истоков дружбы народов, опыта совместной борьбы против царизма, взаимного влияния их культур друг на друга. Это может иметь практическое значение и в наши дни. «Нужно упорно искать новые, отвечающие сегодняшним требованиям методы и формы работы, позволяющие сделать еще более плодотворным взаимное обогащение культур, открыть всем людям еще более широкий доступ ко всему лучшему, что дает культура каждого из наших народов»[5]. Большое значение имеет также выявление прогрессивного влияния культуры русского народа на культуру других народов, что отмечал еще Ф. Энгельс: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[6].

Советские историки призваны изучать социальный опыт прошлого, исходя из наших сегодняшних потребностей[7], в том числе и опыт использования природной среды и ее ресурсов[8], историю формирования территориально-экономических комплексов прошлого, от которых берут начало современные экономические районы. Грандиозность свершений советского народа, освоившего целинные земли и осваивающего бескрайние просторы Сибири, можно глубже понять в сравнении с опытом освоения новых земель в далеком прошлом. Трудовой подвиг народных масс в условиях жестокой эксплуатации, при низком уровне техники, часто вопреки воле царизма осваивавших окраины России в период феодализма, достоин изучения историками наших дней.

---

[4] См.: *Преображенский А. А.* Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В. И. Ленина // Актуальные проблемы истории России периода феодализма. — М., 1970. — С. 374.

[5] *Андропов Ю. В.* Шестьдесят лет СССР // Коммунист. — 1983. — № 1. — С. 7—8.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 27. — С. 241.

[7] См.: *Афанасьев Ю.* Прошлое и мы // Коммунист. — 1985. — № 14. — С. 113—116.

[8] См.: *Дулов А. В.* Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX века. — М., 1983. — С. 3.

www.perm-book.ru

Основную часть народных масс при феодализме составляло крестьянство. Важнейшей задачей является изучение его роли в освоении новых территорий, обмене трудовыми навыками, орудиями труда, предметами быта, что сближало крестьян разных национальностей и способствовало добровольному объединению разных народов с Россией. На осваиваемых окраинах, в том числе и на Урале, возникали первые русские города и заводы, поэтому важно изучить роль посадских и работных людей в освоении края, роль служилых людей в защите осваиваемых земель от внешней опасности. Во время заселения и освоения Урала сложились феодальные отношения, в значительной степени под воздействием русского населения. Изучение генезиса феодализма в конкретных условиях невозможно без учета влияния на эти процессы условий колонизации. Заселение и освоение новых районов оказывало прямое влияние и на формирование государственной территории России. Эти проблемы как в целом по стране, так и по Уралу изучены еще недостаточно.

Классики марксизма-ленинизма рассматривали колонизацию как особый социальный процесс, подчиненный закону обязательного соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. В. И. Ленин отмечал, что колонизация — это прежде всего миграция населения, ведущая к освоению новых земель и влияющая на экономическое и общественное развитие. В статье «Некритическая критика» он подчеркивал необходимость специального изучения таких миграций. «... Разве может хоть один экономист... *не придавать значения* ежегодным переселениям... чтобы изучать особенности экономического строя и развития России... необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России?»[9]. Главным условием колонизации в России было «обилие свободных земель»[10], что обеспечивало «экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь»[11]. Особенностью России в сравнении с Западной Европой В. И. Ленин считал «внутреннюю колонизацию страны»[12], когда осваивались «незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»[13] в пределах одной государственной территории.

К. Маркс отличал от собственно капиталистических колоний свободные колонии, сущность которых «заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью,

---

[9] *Ленин В. И.* — Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 629.
[10] *Там же.* — С. 253.
[11] *Там же.* — Т. 16. — С. 405.
[12] *Там же.* — Т. 2. — С. 220, 223.
[13] *Там же.* — Т. 16. — С. 224.

www.perm-book.ru

поэтому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднейшему переселенцу поступить таким же образом»[14]. Такого типа колонии, очевидно, возникали и в период позднего феодализма при освоении новых земель, принадлежащих не отдельным феодалам, а всему феодальному государству. Видимо, их имел в виду Ф. Энгельс, считавший, что «до конца XVII в. русский крестьянин не подвергался сильному угнетению, пользовался свободой передвижения, был почти независим»[15].

Главным стимулом переселения крестьян на новые территории было их стремление улучшить свое материальное и правовое положение. Ф. Энгельс, говоря о переселенцах к востоку от Эльбы в средние века, подчеркивал, что они поселялись «в качестве вольных крестьян, плативших очень льготную подать, но отнюдь не в условиях того или иного вида барщины»[16]. Зависимость миграций от форм феодальной ренты неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, считая, что переселение происходило «из наиболее заселенных местностей... в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее; — из местностей с наибольшим развитием отработков в местности слабого развития отработков и высокого развития капитализма»[17]. Ленин показывает, что правительственная колонизация идет вслед за стихийной крестьянской. В качестве примера он приводит переселение в Сибирь, «когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь — тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина побежало за ними вдогонку, чтобы донять их и на новом месте»[18].

Правительство иногда использовало народную колонизацию в интересах господствующего класса — для разрядки классовых противоречий в ранее освоенных районах. Ф. Энгельс писал, что «классовые столкновения затушевываются всякий раз благодаря отливу избыточного пролетарского населения...»[19]. Переселенцы сначала осваивают «не самый плодородный район, а лучше всего расположенный район, в пределах же этого последнего, естественно, — при прочих равных условиях местоположения — ту землю, которая является наиболее плодородной... что для них в первую очередь имеет решающее значение, так это — *местоположение,* расположение

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 777—778.
[15] *Там же.* — Т. 20. — С. 645.
[16] *Там же.* — С. 181.
[17] *Ленин В. И.* — Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 233.
[18] *Там же.* — Т. 5. — С. 89.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 7. — С. 441.

www.perm-book.ru

у моря, у больших рек и т. д.»[20] Переселение чаще шло в родственную этническую среду.

Классики марксизма четко разграничивали колониальную политику, проводимую господствующим классом, от народной колонизации. В. И. Ленин резко осудил политику царизма по отношению к Башкирии: «Колонизаторы» сводили корабельные леса и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики». Это — такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке»[21]. Ленин не случайно взял в кавычки слово «колонизаторы», имея в виду, что они отличаются от колонистов-крестьян, как и колониальный грабеж от мирного освоения края.

Большая часть высказываний классиков марксизма об особенностях колонизации относится к периоду капитализма. Однако некоторые из особенностей начали проявляться еще в период феодализма. Все эти мысли и положения были использованы автором в анализе конкретного материала по истории заселения и освоения Урала.

Целью нашего исследования является изучение истории заселения и освоения Урала в период становления и укрепления феодальных отношений, выявление роли этого освоения в расширении и укреплении государственной территории России, в экономическом, социальном и этническом развитии края.

История освоения Урала в период феодализма привлекала внимание многих дореволюционных и советских историков. В начале обзора исследований по этой теме следует выделить немногочисленные собственно историографические работы.

Историографии колонизации Урала в период феодализма наибольшее внимание было уделено в работах выдающегося профессионального уральского историка дореволюционного периода — А. А. Дмитриева. Почти в каждом из восьми выпусков его основного труда — «Пермская старина»[22] имеется солидное историографическое введение, в котором дается оценка работ историков и публикаций источников. Историографические замечания и комментарии содержатся и в самом тексте исследования А. А. Дмитриева.

Рассмотрению исторических взглядов А. А. Дмитриева посвящена статья Ф. А. Андерсона[23], в которой в основном дана правильная его оценка, как буржуазного либерального

---

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 26. — Ч. 2. — С. 340.

[21] *Ленин В. И.* — Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 253.

[22] *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1889—1902. — Вып. 1—8.

[23] См.: *Андерсон Ф. А.* А. А. Дмитриев как историк Урала // Учен. зап. ПГУ. — Пермь, 1951. — Т. 6. — Вып. 4. — С. 25—48.

www.perm-book.ru

историка. Однако с рядом утверждений автора трудно согласиться. Ф. А. Андерсон относит А. А. Дмитриева к числу провинциальных историков-краеведов, коллекционировавших факты и лишь дополнявших общие работы по истории России, в то время, как он выдвинул свою периодизацию истории колонизации Урала, исследовал все ее основные формы, его работами пользовались и вступали с ним в полемику известные русские историки. Советский историк Н. В. Устюгов считал, что без использования трудов А. А. Дмитриева не может обойтись ни один историк, занимающийся историей Урала XVI—XVIII вв.[24] Нельзя согласиться с отнесением Ф. А. Андерсоном А. А. Дмитриева к великодержавным русским националистам. Анализ работ А. А. Дмитриева показывает, что он с глубоким уважением относился к истории нерусских народов Урала и немало сделал в изучении вопросов их этногенеза и национальных движений.

В работах И. П. Ермолаева рассмотрены взгляды классиков марксизма на колонизацию, исследованы труды дореволюционных буржуазных историков по истории колонизации[25], главным образом на примере казанской школы историков второй половины XIX — начала XX в. (изучение колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в XVI—XVIII вв.). Автор убедительно показал, что буржуазная историография подняла проблему колонизации на «неправомерно большую высоту», поставила этот процесс в основу исторического развития, обратив главное внимание на правительственную форму в ущерб изучению роли народных масс, в большинстве случаев обходила острые вопросы классовой борьбы, критики колониальной политики царизма.

Вопросы историографии крестьянской колонизации южного Зауралья нашли отражение в статьях А. А. Кондрашенкова[26], отметившего значение работ советских историков в изучении стихийной народной колонизации, ее связи с классо-

---

[24] См.: *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII — начале XVIII века. — М., 1957. — С. 11—12.

[25] См.: *Ермолаев И. П.* Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX — начало XX веков): Автореф. дис... канд. ист. наук. — Куйбышев, 1965; *Он же.* Понятие термина «колонизация» и его применимость к региону Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. — Чебоксары, 1973. — С. 32—35.

[26] См.: *Кондрашенков А. А.* К вопросу об изучении истории сельского хозяйства и крестьянства Зауралья в XVII—XVIII веках в советской исторической науке // Историческая наука на Урале за 50 лет. — Свердловск, 1967. — С. 44—49; *Кондрашенков А. А., Лапин Н. А.* Некоторые проблемы истории западносибирского крестьянства в феодальную и капиталистическую эпоху // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1966. — С. 37—48.

www.perm-book.ru

вой борьбой крестьянства. В работах А. А. Преображенского показано огромное значение трудов В. И. Ленина по теоретическим вопросам истории колонизации, дан анализ спорных вопросов истории похода Ермака [27].

Пока еще не создано общего историографического исследования по вопросам колонизации Урала в период феодализма, хотя создание его вполне назрело. Автор не ставит своей задачей дать полный историографический обзор, а делает попытку выявить наиболее важные с его точки зрения направления и отдельные исследования, написанные дореволюционными и советскими историками, и наметить вытекающие из этого обзора задачи дальнейшего изучения данной темы. Основное внимание при этом уделяется не общим работам, а конкретным исследованиям, касающимся непосредственно уральского региона.

Первыми историческими произведениями, посвященными началу массовой колонизации Урала, были Сибирские летописи, в которых была даны первые оценки роли различных сил в этом процессе. В Есиповской летописи на первое место выдвигалась роль божественного провидения и царской власти, в Строгановской — крупные феодалы Строгановы, в Кунгурской — казацкая дружина Ермака [28]. В челобитных участников похода Ермака также отразилась ведущая роль народных масс в освоении земель Урала и Сибири [29].

Дворянские историки ввели в научный оборот много ценных источников, преимущественно исходящих из кругов господствующего класса (летописи, акты официального делопроизводства, законодательные акты и т. д.), что повлияло на их оценку колонизации. Ведущую роль в изучении этого процесса на Урале сыграли труды Г. Ф. Миллера [30], собравшего и использовавшего огромный фонд разнообразных источников (сведений по этнографии, археологии, топонимике Урала). Одним из первых он заинтересовался вопросами этногенеза народов Урала и Сибири, влиянием русской колонизации на нерусские народы.

В освещении колонизации Г. Ф. Миллер исходил из пер-

---

[27] См.: *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. — 1984. — № 1. — С. 101—118.

[28] См.: *Мирзоев В. Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. — М., 1960. — С. 92—94; ПСРЛ. — 1987. — Т. 36. Ч. 1.

[29] См.: *Преображенский А. А.* У истоков историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. — М., 1975. — С. 376—384.

[30] См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1937—1941. — Т. 1—2.

www.perm-book.ru

венствующей роли самодержавия[31]. Присоединение Урала и Сибири к России он считал завоеванием, оправдывая действия царизма по осуществлению этого захвата, считая, что это открыло возможности для эксплуатации богатств Урала и Сибири русскими феодалами и купечеством, а местное население, находившееся, по его мнению, в полудиком состоянии, приобщило к «свету» христианства и благам цивилизации. Он не усматривал какой-либо закономерности в колонизации и считал ее целиком зависящей от деятельности отдельных лиц. Схема Миллера оказала влияние на взгляды других дворянских, а позднее и буржуазных историков.

Буржуазные историки унаследовали от дворянских отношение к правительственной колонизации как ведущей форме, но рассматривали ее уже как определенную закономерность исторического развития, выдвигая на первый план среди других закономерностей. Отчасти это было вызвано социальным заказом, ибо в период капитализма колонизационные процессы все больше стали подчиняться колониальной политике царизма, которая нуждалась в теоретическом обосновании и оправдании.

«Государственная школа» С. М. Соловьева обратила внимание на изучение не только субъективных, но и объективных, в частности естественно-исторических факторов, — роли географической среды (наличие свободных земель, природных ресурсов, плотность населения) для хозяйственного освоения в ходе колонизации[32]. С. М. Соловьев сильно преувеличивал роль географического фактора, считал его чуть ли не основной причиной миграций. Буржуазия была заинтересована в освоении новых земель и в отличие от дворянских историков, делавших упор на политическую сторону колонизации, больше внимания было уделено вопросам экономического развития.

Идеализируя буржуазно-помещичье государство как якобы общенародный орган, буржуазные историки считали, что заинтересованность феодалов в закрепощении крестьян противоречила стремлению государства к освоению новых земель. От дворянской историографии был унаследован интерес к таким политическим проблемам, как расширение границ и рост престижа государственной власти в ходе колонизации. Наиболее прогрессивные буржуазные историки объективно подходили к оценке роли народной колонизации как ведущей формы этого процесса. Они ввели в научный оборот много новых источников, в том числе массовых (переписи, хозяйственные

[31] См.: *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. Досоветский период. — М., 1978. — С. 59.

[32] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. — М., 1959. — Кн. 1 (Т. 1—2). — С. 35—36, 62—63, 74.

www.perm-book.ru

описания и др.), разработали их классификацию и приемы научной критики.

Изучению роли церкви в колонизации, явно преувеличивая ее значение, много внимания уделяли местные церковные историки. Они ввели в научный оборот документы монастырских архивов, изучали экономические результаты колонизации. В работе А. Луканина был дан очерк истории одного из первых городов Урала — Соликамска [33], в статье И. Словцова — характеристика сельского хозяйства и быта крестьян Соликамского уезда в XVI в. [34] В первой половине XIX в. чиновником В. Н. Берхом было опубликовано значительное количество источников XVI—XVIII вв., собранных им на Урале из частных рук и в местных архивах [35]. В книге Н. Устрялова была тенденциозно преувеличена роль Строгановых в колонизации Урала [36].

Один из последователей С. М. Соловьева видный историк С. В. Ешевский, рассматривая правительственную колонизацию как ведущую форму, отмечал и роль крестьян в освоении уральских земель [37]. В работах местных историков Г. Балбашевского [38] и А. Крупенина [39] показан ход правительственной и монастырской колонизации Пермского края. По их мнению, причинами колонизации были необходимость завоевания новых территорий для укрепления могущества государства и распространения христианства. В обеих работах принижался социально-экономический уровень развития нерусского населения Урала, преувеличена цивилизаторская роль царизма, христианской церкви и Строгановых.

На исследования местных историков большое влияние оказали труды выдающегося русского ученого В. О. Ключевского, в которых вся история России была представлена как история колонизации и ее периодизация дана по этапам колонизации [40]. В его работах, написанных на основе широкого кру-

---

[33] См.: *Луканин А.* Город Соликамск в историческом и археологическом отношениях. — ПГВ. — 1856. — № 58; 1858. — № 40—46, 48, 49; 1860 — № 50—53.

[34] См.: *Словцов И.* Деревня Соликамского края в XVI веке // Перм. сб. — М., 1859. — Кн. 1. — Отд. 1. — С. 116—123.

[35] См.: *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. — СПб., 1821; *Он же.* Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. — СПб., 1821.

[36] *Устрялов Н.* Именитые люди Строгановы. — СПб., 1842.

[37] См.: *Ешевский С. В.* Русская колонизация Северо-Восточного края // Вестник Европы. — 1866. — № 1.

[38] *Балбашевский Г. И.* Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. — ПГВ. — 1855. — № 21—26.

[39] *Крупенин А.* Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Перм. сб. — М., 1859. — Кн. 1. — Отд. 1. — С. 1—45.

[40] См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. — М., 1956—1958. — Т. 1—5.

www.perm-book.ru

га источников, были отмечены благотворное влияние русской народной земледельческой культуры на нерусское население окраин и мирный характер отношений между народами при освоении в основном свободных, незанятых земель. Однако в объяснении причин миграций крестьянского населения В. О. Ключевский преувеличивал зависимость их от систем земледелия, считая, что подсечная система толкала на грандиозные по масштабам переселения, а сам крестьянин превращался чуть ли не в бродягу, не имеющего прочной оседлости.

Заметную роль в изучении освоения Урала сыграла публикация источников в «Трудах» Пермской и Вятской ученых архивных комиссий и особенно в капитальной работе местного историка-краеведа, врача по образованию В. Н. Шишонко — «Пермская летопись»[41] — серии сборников документов и материалов, расположенных в хронологическом порядке — с 1263 по 1715 гг. В ней не затрагиваются общие проблемы колонизации, выводы автора, стоявшего на официальной монархической позиции, сделаны лишь по частным вопросам. В них немало домыслов, построенных на народных преданиях и непроверенных фактах. Не обладая профессиональными навыками, автор допустил немало искажений в публикациях источников[42]. Несмотря на допущенные ошибки и искажения, «Пермская летопись» и другие публикации В. Н. Шишонко сохраняют свое значение для изучения истории Урала до наших дней как источник, хотя и требующий внимательного критического анализа.

Наибольший вклад в изучение проблем колонизации Урала в дореволюционный период внес А. А. Дмитриев (1854—1902), проделавший огромную работу по собиранию, классификации, критике и публикации источников[43], легших в основу его более 140 печатных работ. От работ краеведов исследования А. А. Дмитриева отличались широкой постановкой изучаемых проблем, использованием не только местных, но и центральных архивов, аргументированностью выводов. Заслугой А. А. Дмитриева является изучение экономического развития Урала в XVI—XVII вв. как результата освоения края. И хотя он не выделял разные формы колонизации, объективно главное внимание им было уделено крестьянской и посадской. Им исследованы пути проникновения русского населе-

---

[41] *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. — Пермь, 1881—1889. — Первый—пятый периоды.

[42] См.: *Коловарский Л., Мельков Ю.* Новый список писцовых книг М. Кайсарова // На Западном Урале. — Пермь, 1952. — Вып. 1. — С. 201—208.

[43] См.: *Оборин В. А.* Археографическая деятельность А. А. Дмитриева // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. — Пермь, 1970. — С. 183—185.

www.perm-book.ru

ния на Урал и происхождение первопоселенцев, рассмотрены эволюция местных органов управления в ходе колонизации, вопросы этногенеза местного населения, возникновения первых русских городов Урала.

Однако А. А. Дмитриев обходил социальные вопросы — о роли закрепощения крестьян, классовой борьбы, преувеличивал роль феодалов Строгановых в колонизации, хотя и подвергал умеренной критике насильственные методы их действий[44]. Вслед за С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским он считал колонизацию главной закономерностью исторического процесса и периодизацию истории Урала связывал не с этапами развития русского феодализма, а с этапами колонизации. Выделяя эти этапы, он допустил неточности в их названиях и датировках. Ранний период (XI—XV вв.) он называет новгородским, в то время как ему было известно по летописям, что уже с XII в. начинается проникновение русского населения из Ростово-Суздальского, а с XIV в. — Московского княжеств в Приуралье. Второй период (XV—XVII вв.) он назвал московским, хотя сам же показал, что основной поток русских переселенцев на Урал шел в это время с севера — из бывших новгородских земель. А. А. Дмитриев не выяснил конкретные причины миграций, взаимодействие разных форм колонизации между собой. Присоединение Прикамья и Западной Сибири он считал завоеванием.

В конце XIX — начале XX в. местными историками был написан ряд небольших очерков по истории заселения Урала, которые вводили в оборот некоторые новые источники и развивали положения, высказанные А. А. Дмитриевым[45]. Появились исследования крупных историков, посвященные колонизации русского Поморья, в состав которого входило и Приуралье. В работах М. М. Богословского дан анализ социально-экономического положения разных категорий русского населения, сложившихся в ходе колонизации, показана ведущая роль северного черносошного крестьянства в этом процессе[46]. М. Островская показала, что земледельческая колонизация Поморья шла не только из новгородских, но и с ростово-суз-

---

[44] См.: *Дмитриев А. А.* Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // ТПУАК.—Пермь, 1901.—Вып. 6. — С. 71—77.

[45] См.: *Блинов Н.* Исторический очерк заселения Осинского уезда // Сб. Перм. губ. земства. — Пермь, 1898. — Отд. 3. — Кн. 3—4. — С. 1—15; *Ефремов В.* Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII веке // Вестн. Оренбург. учеб. округа. — Оренбург, 1914. — № 8. — С. 1—10 (отд. оттиск); *Понюшев К. Д.* Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии // Тр. Перм. губ. комитета по подготовке земельной реформы. — Пермь, 1917. — Т. 1. — С. 1—3.

[46] См.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском севере в XVII веке. — М., 1909. — Т. 1; *Он же.* Поморье в XVII веке // Великая реформа. — СПб., 1911. — С. 39—50.

www.perm-book.ru

дальских земель[47]. В небольшой работе С. Ф. Платонова[48] преувеличена роль боярской и промысловой форм колонизации, идеализируется восприятие нерусским населением христианской религии.

Особое место среди работ дореволюционных историков занимает популярный очерк В. Н. Трапезникова[49], в котором сделана попытка пересмотра взглядов буржуазных историков на колонизацию Урала по существу с народнических позиций и под влиянием марксизма. Автор выступает против переоценки значения колонизации в историческом процессе, считая ее подчиненной более общим закономерностям. Основной причиной переселения на Урал он считал усиление закрепощения крестьянства, а основными формами — крестьянскую и посадскую колонизацию. Он подчеркивает, что русские крестьяне начали осваивать свободные земли задолго до появления Строгановых, обращает внимание на бегство крестьян из их владений как одну из форм переселения в пределах Урала. В работе показано влияние классовой борьбы на переселения, дана критика политики царизма по отношению к нерусскому населению. Однако автор переоценивает роль монастырской колонизации, заимствует терминологию буржуазной науки («инородцы», «бунты» и т. д.).

Таким образом, дореволюционная дворянская и буржуазная историография, хотя и ввела в научный оборот значительный круг источников и поставила многие вопросы истории колонизации Урала в период феодализма, оказалась бессильной в решении главного вопроса о роли колонизации среди основных закономерностей исторического развития, явно переоценивая ее значение, переоценивая роль отдельных личностей и недооценивая роль народных масс. Принижался уровень развития нерусских народов, идеализировалась роль церкви.

Глубокое овладение теоретическими положениями марксизма по проблемам колонизации и применение их к изучению конкретного материала произошло уже в советской науке. На первом этапе развития советской исторической науки встала задача критического пересмотра выводов буржуазных историков с классовых, марксистских позиций, исследования закономерностей исторического развития, ведущей роли народных масс. В решение этой задачи существенный вклад внесла школа первых советских историков, возглавляемая

---

[47] См.: *Островская М.* Земельный быт сельского населения Русского севера в XVI—XVII веках. — СПб., 1913.

[48] *Платонов С. Ф.* Прошлое русского севера (Очерки по истории колонизации Поморья). — Берлин, 1924.

[49] *Трапезников В. Н.* Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.). — Архангельск, 1911.

www.perm-book.ru

М. Н. Покровским. Наряду с бесспорными успехами молодой советской науки были допущены и определенные ошибки, когда марксистское понимание истории иногда подменялось вульгарно-социологическими схемами. Модернизация исторических процессов проявилась и в трудах местных историков.

Революция всколыхнула интерес широких народных масс к истории, что нашло отражение в появлении на местах различных краеведческих организаций. В их изданиях было опубликовано немало работ, посвященных истории колонизации Урала, преимущественно научно-популярного типа. Почти во всех из них чувствовалось влияние школы М. Н. Покровского.

Основным центром изучения истории колонизации Урала в 20-е годы XX в. становится Пермский университет. В нем развернулась активная деятельность профессора П. С. Богословского. Он возглавил местные краеведческие организации, в изданиях которых опубликовал ряд статей по истории края периода феодализма [50], организовал сбор и изучение новых источников.

В научно-популярных очерках «Прошлое Урала» и других работах А. А. Савича [51] впервые с марксистских позиций колонизация Урала рассматривается как процесс, подчиненный общим закономерностям развития русского феодализма. Главной формой ее он считал стихийную крестьянскую колонизацию, результаты ее видел в экономическом освоении края, а причину массовых миграций — в бегстве крестьян из районов наиболее интенсивного их закрепощения на свободные уральские земли. Отмечена роль городов в обороне и освоении края. Выявлены некоторые особенности хозяйственного освоения новых земель монастырями, подчеркнута их роль в усилении идеологического влияния русского феодализма на народные массы. Однако вслед за буржуазными историками А. А. Савич принижал уровень развития нерусского населения, считая его хозяйство рыболовно-охотничьим, а общественный строй — родовым, приписывал Строгановым роль пионеров в освоении Чусовского и Сылвенского поречий.

В отличие от А. А. Савича А. П. Пьянков [52] переоценивал уровень развития сельского хозяйства у нерусского населения,

[50] См.: *Богословский П. С.* О Пермском крае в археологическом и архивном отношениях // Перм. краевед. сб. — Пермь, 1924. — Вып. 1. — С. 84—90; *Он же.* Город Соликамск на рубеже XVI—XVII веков // Перм. краевед. сб. — Пермь, 1925. — Вып. 2. — С. 49—52; и др.

[51] См.: *Савич А. А.* Прошлое Урала. — Пермь, 1925; *Он же.* Из истории монастырской колонизации и хозяйства на Урале в XVI—XVII веках // Перм. краевед. сб. — Пермь, 1928. — Вып. 4. — С. 145—175; *Он же.* Монастырское землевладение на русском Севере (XIV—XVII вв.) // Учен. зап. ПГУ. — Отд. обществ. наук. — Пермь, 1931. — Вып. 2. — С. 153—197.

[52] См.: *Пьянков А. П.* Хозяйство уральской деревни в эпоху торгового капитала (Очерк из экономической истории Урала XVII в.). — Пермь, 1928.

www.perm-book.ru

считая, что русская колонизация не внесла в него ничего нового. В статьях А. А. Введенского были введены в научный оборот обширные материалы личного архива Строгановых и на их основе проведено исследование их роли в освоении Урала с марксистской точки зрения [53]. В ранних работах С. В. Бахрушина [54] исследованы основные пути проникновения русского населения в Зауралье, социально-экономическое развитие местных народов, история заселения отдельных уездов. Он преувеличил роль торгово-промысловой колонизации, правильно оценив прогрессивность вхождения нерусского населения Урала и Сибири в состав Русского государства, в этот период недостаточно уделил внимания критике политики царизма, что было сделано в более поздних его работах.

В научно-популярных очерках Л. М. Каптерева [55] показаны ход заселения Урала русским крестьянством и нерусским населением, роль Урала в освоении Сибири. Однако автор явно преувеличивает степень ассимиляции местного населения русским, говорит о якобы вымирании его в ходе русской колонизации. Отдельные статьи по истории колонизации публиковали в местных изданиях и другие краеведы Урала [56].

Резкая критика политики царизма по отношению к нерусским народам сочеталась у некоторых историков с ошибками в общей оценке колонизации и взаимоотношений народных масс разных национальностей. В книге Н. И. Ульянова [57] о борьбе с великодержавным шовинизмом буржуазных историков, принижавших уровень развития нерусских народов и оправдывавших политику их угнетения, впервые было доказано ведущее значение пашенного земледелия и скотоводства в хозяйстве коми до начала массовой русской колонизации, разложение у них родового строя и начало формирования классового общества. Автор правильно показал насильственные меры по христианизации нерусского населения, верно оценил роль Строгановых как феодалов, захватывающих земли, уже частично освоенные русскими и нерусскими поселенцами.

---

[53] См.: *Введенский А. А.* Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII веках // Север. — Вологда, 1923. — Кн. 3—5; *Он же.* Торговый дом XVI—XVII веков. — Л., 1924; и др.

[54] См.: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII веках. — М., 1927; *Он же.* Научные труды. — М.; Л., 1952—1955. — Т. 1—3.

[55] См.: *Каптерев Л. М.* Русская колонизация Северного Зауралья в XVII—XVIII веках. — Свердловск, 1924; *Он же.* Как русские пришли на Урал. — Свердловск, 1930; и др.

[56] См.: *Поносов В. Н.* Начало солеварения в Пермском крае и его пионеры; *Пушвинцев И. С.* Пути рати Федора Пестрого в 1472 году // Чердынский край. — Чердынь, 1928. — Вып. 3. — С. 3—9; *Мартюшев А. М.* Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 году // Зап. об-ва изуч. Коми края. — Сыктывкар, 1930. — Вып. 5. — С. 66—84; и др.

[57] *Ульянов Н. И.* Очерки истории народа коми. — М.; Л., 1932.

www.perm-book.ru

Под влиянием школы Покровского Н. И. Ульянов считал вотчины Строгановых колониями капиталистического типа. Вхождение нерусских народов Севера и Урала в состав России рассматривается им только как завоевание, а действия царской администрации — как политика разрушения якобы уже сложившихся у коми феодальных отношений. Он ставил знак равенства между русской колонизацией периода феодализма и капиталистической колонизацией Америки и Океании. Против таких утверждений выступил в рецензии на эту книгу А. А. Введенский[58], утверждавший, что в ходе колонизации между русским и нерусским народами преобладали мирные отношения. Тезис о формировании феодальных отношений у коми до прихода русских он считал слабо обоснованным и не согласился с общей отрицательной оценкой роли русской колонизации.

Достоинства и ошибки Ульянова в какой-то степени повторила и работа М. Н. Мартынова[59], утверждавшего, что новгородцы задержали своими грабительскими набегами в Приуралье развитие удмуртского населения. Однако, в отличие от Н. И. Ульянова, он выступает против преувеличения уровня общественных отношений у удмуртов накануне русской колонизации, отвергая гипотезу А. П. Смирнова[60], считавшего удмуртские городища сложившимися феодальными городами. В работе П. Н. Луппова[61] на архивных источниках было доказано прогрессивное влияние русского населения на развитие удмуртов, что отразилось и в росте их численности.

В работах первых советских историков по истории заселения и освоения Урала были достигнуты серьезные успехи по определению места колонизации среди других исторических процессов в связи с принятием марксистско-ленинской периодизации истории по общественно-экономическим формациям, по изучению роли народных масс в этом процессе. Были подвергнуты резкой критике взгляды буржуазных историков. Однако были допущены и ошибки, связанные с модернизацией исторического процесса, механическим переносом процессов капиталистического периода на период феодализма, с переоценкой данных тогда еще немногочисленных археологических источников.

На втором этапе развития советской исторической науки, продолжавшемся до начала 60-х годов, значительно увели-

[58] См.: *Введенский А. А.* — Рец. на книгу: Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми // Ист. сб. — Л., 1934. — Вып. 1. — С. 333—334.

[59] См.: *Мартынов М. Н.* Удмурты (вотяки) в эпоху раннего феодализма // Ист. сб. — Л., 1934. — Вып. 1. — С. 4—87.

[60] См.: *Смирнов А. П.* Финские феодальные городища // На удмуртские темы. — Л., 1932; и др.

[61] См.: *Луппов П. Н.* Удмурты Вятской земли в XVII веке // Тр. Вят. пед. ин-та. — Вятка, 1926. — Т. 1.

www.perm-book.ru

чился круг введенных в оборот новых источников. Проблемы заселения и освоения Урала и Сибири заняли важное место в исследованиях общерусского масштаба, появились крупные работы по этим проблемам.

Начало широкому исследованию крестьянской колонизации Зауралья и Сибири было положено работами В. И. Шункова[62], доказавшего стихийность этой формы, выявившего ее причины и особенности, подчеркнувшего всемирно-историческое значение трудового подвига русского крестьянства, совершившего переворот в использовании природных богатств ранее пустынного края. Показано коренное отличие русской колонизации Сибири во взаимоотношениях с местным населением от колониальной политики западноевропейских держав. В этих работах в противовес взглядам сибирских «областников» доказана общность исторического развития феодализма при заселении Зауралья и Сибири с центральными русскими районами. В. А. Александров[63] и ряд других советских историков считают, что В. И. Шунков преувеличил сходство феодальных отношений в Сибири с крепостничеством в центре государства и недооценил значение других форм феодальных отношений — государственного феодализма. Следует отметить все же, что В. И. Шунков не отрицал преобладания в Сибири именно государственного (черносошного) крестьянства.

В монографии И. И. Смирнова[64] был сделан вывод, что толчком к массовому освоению восточных окраин Русского государства послужил так называемый хозяйственный кризис конца XVI в., приведший к переселению из центральных и северных районов. В монографии С. Г. Струмилина[65] крестьянская колонизация Урала рассматривалась как условие превращения его в основной горнозаводский район страны, проведены экономические расчеты, показавшие более низкую норму феодальной ренты в этом регионе (один из притягательных стимулов освоения края).

В ряде работ советских историков была исследована посадская колонизация. Роль городов в экономическом развитии Урала XVI — начала XVII в. отмечена в исследованиях

---

[62] См.: *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. — М., 1946; *Он же.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. — М., 1956; *Он же.* Вопросы аграрной истории России. — М., 1974.

[63] См.: *Александров В. А.* Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века // История СССР. — 1977. — № 1. — С. 97—108.

[64] См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова (1606—1607). — М., 1951.

[65] См.: *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. — М., 1956. — Т. 1.

www.perm-book.ru

С. В. Бахрушина[66] и М. Н. Тихомирова[67]. В монографии географа Л. Е. Иофа[68] на основе опубликованных источников дан первый очерк истории городов Урала периода феодализма, выявлены даты их возникновения, некоторые причины, направления и темпы посадской колонизации. Однако нельзя согласиться с автором, что одной из предпосылок заселения Приуралья русскими был экономический упадок этого района. Раскопки памятников родановской и чепецкой культуры XIII—XV вв. показывают, что именно в это время у коми-пермяков и удмуртов уже зарождались торгово-ремесленные центры.

На следующем этапе развития исторической науки, продолжающемся и в настоящее время, исследование проблем колонизации Урала продолжалось широким фронтом. Итоги его были подведены в коллективных трудах[69], монографиях и статьях.

Наиболее значительный вклад в изучение проблем истории Урала периода феодализма был внесен монографией[70] и рядом статей А. А. Преображенского, в которых на основе введенных в оборот новых архивных источников, в том числе крестьянских архивов, изучен ход крестьянской колонизации, показано значение освоения края в общем историческом развитии России. Автор, одновременно рассматривая Урал и Западную Сибирь, показал, что основной поток переселенцев составляли черносошные крестьяне Поморья, а основной формой было не бегство, а легальный отход с разрешения крестьянских «миров». Убедительно показана зависимость направлений и темпов колонизации от форм феодальной ренты, выявлены конкретные особенности сложения феодальных отношений в условиях колонизации, ее прогрессивное влияние на социально-экономическое развитие нерусского населения.

Вопросы крестьянской колонизации Южного Урала в XVI—первой половине XIX вв. исследованы в статье Ю. М. Тарасова[71]. Роли уральского крестьянства в освоении Сибири

---

[66] См.: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII века // *Бахрушин С. В.* Научные труды. — М., 1952. — Т. 1. — С. 33—161.

[67] См.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI веке. — М., 1960.

[68] См.: *Иофа Л. Е.* Города Урала. — М., 1951. — Т. 1. Феодальный период.

[69] См.: История Урала. — Пермь, 1963. — Т. 1; 2-е изд. — 1976; История Сибири. — Л., 1963. — Т. 2; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982; История северного крестьянства. — Архангельск, 1984. — Т. 1.

[70] См.: *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII века. — М., 1973.

[71] См.: *Тарасов Ю. М.* Крестьянская колонизация Южного Урала в XVI — первой половине XIX века // ВИ. — 1975. — № 11. — С. 34—49.

www.perm-book.ru

посвящена интересная статья А. Д. Колесникова[72]. В монографиях и статьях П. А. Колесникова миграционные процессы русского крестьянства прослежены на всей территории Поморья, в состав которого входило и Северное Приуралье. На большом хронологическом отрезке автор капитально изучил динамику экономического и социального развития этого региона, выявил роль северного крестьянства в накоплении ценного производственного опыта[73].

Возникновению первых уральских городов и их роли в освоении края посвящена диссертация и ряд статей В. И. Сергеева[74]. Н. И. Никитин изучил роль военно-служилых людей в освоении Урала и Сибири[75], Г. В. Алферова и Ф. М. Мансурова — роль посадских людей в строительстве городов[76]. Однако Мансурова явно преувеличивает фактор стихийности возникновения городов и недооценивает регулирующую роль правительства. Историю городов Верхнего Прикамья в XV — начале XVIII в. исследовал в своей диссертации[77] В. А. Шмыров. Большое значение для изучения состава посадских семей, общественного и домашнего быта горожан имеет первая обобщающая работа М. Г. Рабиновича по этнографии русского феодального города[78].

В монографии А. А. Введенского[79] изучена история формирования вотчин Строгановых и их хозяйственное освоение в период колонизации. Однако в ней подробнее рассмотрена вычегодская часть вотчин и слабее — пермская их часть. Вслед за А. А. Дмитриевым автор преувеличивает роль Строгановых, недооценивает освоение их земель крестьянами еще до появления вотчинников. Слабо исследованы особенности

---

[72] См.: *Колесников А. Д.* Роль Прикамья в освоении Сибири // 250 лет Перми. — Пермь, 1973. — С. 89—94.

[73] См.: *Колесников П. А.* Северная Русь. — Вологда, 1971; *Он же.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. — Вологда, 1976; и др.

[74] См.: *Сергеев В. И.* Основание городов Западной Сибири (до середины XVII в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1962; *Он же.* Первые сибирские города, их военное, культурное и хозяйственное значение // Вопр. истории материальной культуры. — 1962. — № 3. — С. 112—124; и др.

[75] См.: *Никитин Н. И.* Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР. — 1980. — № 2. — С. 161—173; *Он же.* Сибирская эпопея XVII века. — М., 1987.

[76] См.: *Алферова Г. В.* Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII веках // В. И. — 1977. — № 7. — С. 161—173; *Мансурова Ф. М.* Рост городов Прикамья (XVI—XVII вв.) // В. И. — 1977. — № 8. — С. 214—220.

[77] См.: *Шмыров В. А.* Города Верхнего Прикамья в XV — начале XVIII века: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Пермь, 1982.

[78] См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. — М., 1978.

[79] См.: *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. — М., 1962.

www.perm-book.ru

феодальных отношений в вотчинах, явно завышена степень развития капиталистических отношений, особенно в кожевенном и иконописном деле, которые автор определяет как мануфактуру.

Из всех форм колонизации слабее всех изучена монастырская, которой кроме разделов монографий А. А. Преображенского прямо посвящена по Зауралью лишь глава в диссертации Л. П. Шорохова [80]. Дискуссионными остаются вопросы о роли крепостничества в монастырской колонизации.

Советские историки внесли существенный вклад в изучение истории заселения и освоения Урала в период развитого феодализма. К анализу некоторых исследований мы еще вернемся непосредственно в главах нашей работы. Лучше исследованы крестьянская народная колонизация, хотя и не по всем частям Урала в равной степени, вопросы социально-экономического развития Урала в начале XVII в.

Однако нет ни одной сводной работы, учитывающей взаимодействие всех форм колонизации в масштабах всего региона. Недостаточно прослежена их связь с общерусскими социальными процессами, слабо изучены ранний этап колонизации (до конца XVI в.), посадская и монастырская ее формы, освоение пермской части вотчин Строгановых, причины и направления миграций нерусского населения и их взаимодействие с русской колонизацией. Недостаточно используется весь комплекс источников (включая вещественные и устные). В данной работе изучение основных проблем истории заселения и освоения Урала ведется в целом по региону.

Основными задачами нашего исследования являются: 1) выявить зависимость колонизации Урала в ее ранний период от общих закономерностей русского феодализма в связи с преодолением феодальной раздробленности и формированием и укреплением единого Российского многонационального государства, а также конкретные особенности заселения и освоения этого региона; 2) выявить причины, формы, темпы, направления и последствия миграционных процессов на Урале, определить роль каждой из форм и их взаимодействие между собой; 3) изучить влияние русской колонизации на социально-экономическое и этническое развитие нерусских народов Урала; 4) исследовать влияние колонизации на экономическое и социальное развитие Урала, определить свою позицию по спорным вопросам генезиса феодализма в крае.

Хронологические рамки работы определяются как конец XI в. (со времени первого упоминания в летописях о проникновении русских на Урал) по начало XVII в. (до вхождения

---

[80] См.: *Шорохов Л. П.* Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII веке: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1971.

www.perm-book.ru

всей территории Урала в состав России и начала его массового заселения и освоения — по материалам переписей 1621—1625 гг.). При характеристике нерусского населения в период до начала массовой русской колонизации исследование начинается с IX в. В пределах этого времени можно выделить два периода, органически связанных с общей периодизацией русского феодализма: 1-й — конец XI — середина XVI в., разделяющийся на два этапа: а) конец XI — первая половина XIV в., совпадающий с временем феодальной раздробленности и характеризующийся борьбой Новгородской земли и Владимиро-Суздальского (позднее Московского) княжества за уральские земли. Это время начала проникновения русских людей на Урал и появления оседлого русского населения на Вятке; б) вторая половина XIV—первая половина XVI в.— период формирования и начала укрепления Русского единого государства вплоть до отпадения военной опасности со стороны Казанского ханства, сдерживавшей заселение края. Наличие увеличивающегося русского населения способствовало мирному вхождению приуральских земель (Перми Великой и Вятской земли) в состав государства, формированию обычных для него феодальных отношений и органов управления, а также началу вписывания социальных отношений нерусского населения в систему русского феодализма; 2-й — вторая половина XVI — начало XVII в. — укрепление феодальных отношений и вхождение всего Урала в состав Российского государства, начало его массового заселения и освоения.

В данной работе исследуется начальный период заселения и освоения Урала. Периоду массового освоения Урала в XVII — начале XVIII в. будет посвящена следующая работа автора.

Нами рассматриваются процессы, происходившие на Среднем Урале, выделенном по всей совокупности природных условий — от Вишеры, Колвы и Тавды на севере, до Белой, Уфы, Пышмы и Миасса — на юге[81]. В XVI — начале XVII в. эту территорию занимали Кайгородский, Чердынский, Соликамский, формирующийся Осинский, Верхотурский, Пелымский уезды и вотчины Строгановых; позднее она в основном вошла в состав Пермской губернии. Нами привлекаются также материалы по Северному и Южному Уралу и Вятской земле.

В работе использован комплекс письменных, вещественных и устных источников, как опубликованных, так и находящихся в различного типа хранилищах и впервые введенных автором в научный оборот.

---

[81] См.: *Комар И. В.* Урал. Экономико-географическая характеристика. — М., 1959. — С. 18—19.

www.perm-book.ru

Основой исследования послужили письменные источники, хранящиеся в центральных (ЦГАДА, ЦГИА, ЛОИИ, ИА и ЛОИА АН СССР) и местных архивах (ГАПО, ГАСО, архивы кабинетов археологии ПГУ, УрГУ, УдГУ), рукописные фонды центральных и местных музеев и библиотек (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Гос. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Гос. библиотека Пермской области им. А. М. Горького, Пермский областной и Свердловский областной историко-революционный музей, Чердынский, Соликамский, Березниковский, Кунгурский, Ильинский районные музеи Пермской области) [82].

Большая часть документов сохранилась в подлинниках, некоторые представлены копиями, современными подлинникам (списки XVI—XVIII вв.) или более поздними копиями (XIX—XX вв.). Большинство их хранится в фондах фондообразователей (Поместный приказ, Сибирский приказ, Верхотурская и Чердынская приказные избы, Оружейная палата и др.) или в фондах более поздних учреждений (Коллегия экономии, Археографическая комиссия, Пермская ученая архивная комиссия и др.), в личных фондах феодалов (Строгановых, Шуваловых) и историков (А. А. Дмитриев, В. Н. Шишонко, Н. К. Чупин, Волеговы, Богословские и др.), а также в виде отчетов археологов в архивах археологических учреждений.

В работе использованы четыре основных группы письменных источников: 1. Историко-статистические материалы переписей XVI — начала XVII вв. (писцовые, переписные, дозорные, окладные, ясачные книги), содержащие наиболее полную информацию, поддающуюся статистической и другим видам обработки.

Материалы первой переписи И. Боброва (1530 г.) по Перми Великой дошли до нас только в итоговых данных уставной грамоты 1553 г. Переписи по отдельным уездам за разные годы сохранились как в полных списках-подлинниках, так и в более поздних списках и сотных выписях с 1579 по 1629 гг. Неточные публикации В. И. Берха и В. Н. Шишонко корректировались нами при сличении с рукописными списками (исправление цифровых данных, искажений топонимов и т. д.). Всего было исследовано 11 переписей по отдельным уездам, вотчинам и монастырским владениям, большая часть которых приходится на Приуралье (Чердынский — с 1579 по 1623 гг., Соликамский — с 1579 по 1623 гг., Осинский — с 1596 по 1621 гг., вотчины Строгановых — с 1579 по 1623 гг.) и мень-

---

[82] См.: *Оборин В. А.* Документы XVII — начала XVIII века в рукописных фондах музеев Пермской области (краткий обзор) // Уральский археографический ежегодник за 1972 г. — Пермь, 1974. — С. 110—119.

www.perm-book.ru

шая на Зауралье (Верхотурский — с 1621 по 1625 гг., Пелымский — 1625 г.).

Переписи дают представление о численности и расселении поселенцев, половом, возрастном и семейном составе населения, местах выхода, времени проживания, об этнической, профессиональной и социальной принадлежности. Писцовые и дозорные книги содержат также сведения о хозяйстве, ремесле, размерах и качестве земельных угодий, формах и размерах налогообложения, материалы по топонимике и ономастике. Переписные книги лишь изредка упоминают об оброчных статьях хозяйственной деятельности и более полно — о происхождении населения. В окладных книгах хорошо отражен состав служилого населения, а в ясачных — расселение, этнический состав, формы и размеры хозяйства, налогообложения и общественной организации части нерусского населения Урала. Переписи являются наиболее ценным массовым источником как для изучения миграций, так и других социально-экономических процессов.

2. Материалы делопроизводства местных органов управления, главным образом экономические, которых по периоду XVI — начала XVII в. обнаружено пока очень мало. Наиболее ценными из них являются таможенные книги как по уральским уездам, так и по сопредельным территориям. По приуральским уездам до начала XVII в. они почти не сохранились. Описание сельских угодий и оброчных статей имеется в межевой книге 1603—1609 гг. Чердынского, в оброчных книгах 1626 г. Верхотурского уезда.

3. Наиболее многочислен и разнообразен актовый материал: а) акты официального делопроизводства центральной и местной администрации (царские указы, жалованные, данные, уставные грамоты, памяти и переписка воевод и т. д.), в которых отразилась государственная политика по регулированию колонизации; б) частные акты светских и духовных феодалов — документы вотчинного делопроизводства, челобитные, тарханные, деловые, меновые и другие грамоты, содержащие сведения о социально-экономическом развитии вотчин; в) частные акты посадского и крестьянского населения — чаще всего это документы имущественных сделок (купчие, закладные, духовные, меновые, вкладные, заемные, поручные и т. д.). Удалось выявить в разных фондах группы документов, входивших в личные архивы отдельных семей, а также немногочисленные акты служилого населения — казаков, стрельцов, ямщиков и других его категорий. Актовый материал дает наиболее полное представление о хозяйственном освоении, социальном составе и формах повинностей, имущественном расслоении, сведения по топонимике, ономастике, генеалогии, этнографии.

www.perm-book.ru

4. Опубликованные летописи — общерусские (Повесть временных лет, Московский летописный свод), региональные (Новгородская летопись старшего и младшего изводов, Вычегодско-Вымская, Вологодско-Пермская, Устюжский летописный свод и др.) и местные (Сибирские, Соликамские, Вятские, Кунгурская и др.). Большинство их опубликовано в «Полном собрании русских летописей» и отдельными изданиями. Использованы также неопубликованные списки местных летописей XVII—XIX вв., хранящиеся как в центральных (ГБЛ), так и в местных архивах. Они явились основным источником для изучения ранних этапов заселения и освоения Урала. В местных летописях есть сведения о народной колонизации, поскольку их авторами нередко были выходцы из родной среды — служилого, посадского населения и низших слоев духовенства.

К сожалению, эти интересные источники мало используются исследователями, сомневающимися в достоверности их сведений. Проведенная нами проверка их сведений другими источниками (в частности археологическими) показала, что они имеют гораздо большее значение для изучения истории Урала, чем считалось до сих пор. В них содержатся факты, не вошедшие в общерусские своды. По их описаниям удалось уточнить датировки отдельных частей культурного слоя таких городов, как Пелым и Орел-городок.

Кроме основных групп использованы и такие виды письменных источников, как публикации разрядных книг, в которых отразилась служилая и отчасти посадская колонизация; жития местных святых (Стефана Пермского, Трифона Вятского), важных для изучения церковно-монастырской колонизации, взаимоотношений русского и нерусского населения; опубликованные картографические материалы (планы уральских городов С. У. Ремезова, Книга Большому чертежу и др.).

В работе широко использован также археологический материал — результаты разведок и раскопок русских поселений и могильников XV—XVII вв., проводившихся под руководством автора с 1949 по 1984 гг. на 11 памятниках — в Чердыни, Соликамске, Орле-городке, Нижнем Чусовском городке, Кудымкаре, Очерском острожке, Пыскоре, Осе, Верхотурье, Пелыме, Лозьвинском городке. Использованы также полевые отчеты о раскопках А. И. Россадович, Л. Д. Макарова, Л. П. Гуссаковского, А. В. Шмидта, Н. А. Прокошева в архивах ИА и ЛОИА АН СССР, публикации этих и других авторов. Изучены археологические коллекции ИА АН СССР, ГИМ, Казанского, Башкирского, Удмуртского, Коми республиканского, Пермского и Свердловского областных, Нижне-Тагильского, Чердынского, Соликамского, Березниковского и

www.perm-book.ru

Кунгурского районных музеев, кабинетов археологии Пермского, Уральского, Казанского, Башкирского, Удмуртского и Сыктывкарского государственных университетов.

Были также привлечены материалы историко-бытовых экспедиций в северных районах Урала, проводившихся под руководством автора, а также публикации этнографов, данных палеоантропологии и антропологии русского населения, народные предания (коми-пермяцкие предания о Кудым-оше и Пере-богатыре, некоторые русские предания), в том числе и записанные автором, исследования лингвистов по топонимике и ономастике, была предпринята попытка самостоятельного анализа топонимики и ономастики как по письменным источникам, так и по полевым наблюдениям. Использованы публикации и наблюдения по памятникам архитектуры и искусства.

Ограниченность объема работы не дает возможности полностью раскрыть все методы обработки и взаимной проверки источников, что частично сделано в самом ее тексте.

* *
*

Географическая среда оказывает прямое или косвенное влияние на переселения людей, их направления и интенсивность. От природных ресурсов зависит уровень и тип хозяйства, что в свою очередь накладывает отпечаток на развитие общественного строя и этнические процессы. В процессе колонизации происходит освоение переселенцами географической среды. Оно состоит в ее изучении, расширении представлений об окружающем мире и является целью географических открытий [83]. Человек не только приспосабливается к новым условиям, используя природные богатства, стремясь устранить неблагоприятные воздействия окружающей среды, но и изменяет эту среду в процессе своей деятельности [84].

Средний Урал представляет собой особый природный район в составе обширного уральского региона. В его пределах находится наиболее пониженная часть Уральского хребта, что обеспечивало с древности лучшие возможности для переселения человека с одной стороны хребта на другую. Обе стороны хребта неплохо связаны между собой речными путями и волоками. Истоки рек близко подходят друг к другу (Више-

[83] См.: *Ястребов Е. В.* Географические открытия русских на Урале в XI—XV веках // Тр. Моск. об-ва испытателей природы. — М., 1966. — Т. 18. — С. 255—268; *Архипова Н. П., Ястребов Е. В.* Как были открыты Уральские горы. — Пермь, 1971.

[84] См.: *Оборин В. А.* Освоение территории и природная среда в период феодализма (на примере Урала в XI—XVII вв.) // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. — М., 1981. — С. 108—118.

www.perm-book.ru

ра — Лозьва, Уфа — Миасс, Исеть и др.). Особое значение издревле имела Чусовая, пересекающая среднюю часть хребта почти по диагонали.

Естественные пути сообщения — реки — в значительной степени определяли пути расселения русского и нерусского населения по территории Урала. Первоначально осваиваются северные районы Урала по обоим его склонам, лежащие на удобных речных путях и волоках, соединяющих их с северным Поморьем. Местное население, которому эти пути были известны ранее, помогало в их освоении русским первопроходцам. После падения Казанского ханства, перекрывавшего путь с юга, в Приуралье начинается приток населения из Поволжья вверх по течению Камы. Русское и нерусское население проникает в верховья Камы с притоков Вятки. На восточном склоне Урала основной водной магистралью расселения становится Тура с ее притоками.

Внутри среднеуральского района выделяются и более дробные природные ареалы: в Предуралье — верхнекамская зона тайги с суровым климатом и малоплодородными почвами и среднекамская зона южной тайги с более мягким климатом, языками лесостепи с плодородными почвами, в Зауралье — северный, тавдинско-сосьвинский таежный район с холодным климатом и сильной заболоченностью, туринско-ницинский с умеренным климатом и более плодородными почвами и лесостепное Зауралье с сухим климатом и черноземными почвами [85].

Северо-западная часть Среднего Урала примыкает к районам Европейского Севера. В XVI—XVII вв. в официальном делопроизводстве она включалась в состав русского Поморья. П. А. Колесников выделяет ее как особый район — восточное Поморье [86]. Путь с притоков Камы на притоки Северной Двины и на Печору был освоен человеком с глубокой древности [87].

Изолированность Среднего Урала с юга была больше, чем с севера. Однако речные пути по основным многоводным рекам связывали его с Поволжьем и южными районами Западной Сибири, а сухопутные — со Средней Азией. Камский речной путь был удобным для движения с севера — по течению. В Зауралье первые русские поселения распространялись по притокам Оби тоже по течению — с верховий к устьям.

Уральский хребет стал известен русским не позже, чем с конца XI в. Сначала русские узнали Северное Приуралье, затем Прикамье, а во второй половине XIV в. перевалили на

---

[85] См.: *Комар И. В.* Урал. — С. 71—74.

[86] См.: *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. — С. 58—61.

[87] См.: *Оборин В. А.* Путями древности седой // Звезда. — Пермь, 1964. — 2 дек.

www.perm-book.ru

восточный склон Урала. На русских и иностранных картах XV—XVI вв. хребет был нанесен в основном правильно-вытянутым в меридиональном направлении, как отдельные «острова» гор. Но не была еще нанесена его южная часть, ставшая известной русским гораздо позднее. На картах хребет назван или просто «горами» или «горами, имеющими земной пояс»[88], что позднее закрепилось в названии «каменный пояс». Название «Урал» в русских источниках появляется лишь в конце XVII — начале XVIII в. Оно было заимствовано из тюркских языков народов Южного Урала, в которых означало «островные горы», «пояс-гора»[89].

Местное население Урала задолго до прихода русских стало разрабатывать полезные ископаемые края — медистые песчаники Прикамья и сульфидные руды Зауралья, болотные железные руды, различные породы камня, глин и соль. На дне старичного озера Коджиль у с. Вильгорт Чердынского района сохранились примитивные рассольные трубы, которые местные жители связывают с легендарной «чудью». В том же районе известны и другие выходы соляных рассолов и древние соляные трубы[90]. Интерес русских к рудным богатствам Урала проявился с самого начала их проникновения. В русских летописях и актах неоднократно упоминаются открытия руд, месторождений драгоценных и строительных пород камня, хороших глин и других полезных ископаемых, которые создали базу для зарождения горнозаводской промышленности Урала[91].

Русские летописи XVI—XVII вв., составленные в северных районах Русского государства, фиксируют климатические колебания на севере Русской равнины в XI—XVII вв., которые, очевидно, касались и Урала, особенно Приуралья. С XIV в. увеличивается число засух, чередующихся с ранними заморозками, избытком осадков, сильными морозами и снежными бурями. Особенно много их приходится на вторую и третью четверть XV в.[92] Засухи, наводнения и морозы отрицательно

---

[88] См.: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М., 1974. — С. 9, 27, 55, 81—83.

[89] См.: *Матвеев А. К.* О происхождении названия «Урал» // Вопр. истории Урала. — Свердловск, 1961. — Вып. 39. — Ч. 1. — С. 25—30; *Конкашнаев Г. К.* По поводу названия «Урал» // Вопр. топономастики. — Свердловск. — 1971. — Вып. 5.

[90] См.: *Поносов В. Н.* Солеварение и его пионеры в Прикамском крае // Чердынский край. — Чердынь, 1928. — Вып. 3. — С. 3—7.

[91] См.: *Ястребов Е. В.* Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России. XVII век. Очерки по исторической географии XVII века. — М., 1974. — С. 54—97.

[92] См.: *Бучинский И. Е.* Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. — Л., 1954. — С. 65, 83; УЛС. — М.; Л., 1950. — С. 45, 46, 72, 73, 81, 83, 86, 91, 108, 109; ПСРЛ. — М.; Л., 1959. — Т. 26. — С. 175, 182, 184, 185, 191, 208, 221, 223, 275, 289.

www.perm-book.ru

сказывались на развитии сельского хозяйства, а оттепели и заморозки и на развитии охоты. Они влекли за собой, как правило, голодные годы. В XV в. семнадцать лет были неблагоприятными по своим климатическим условиям, т. е. почти пятая часть всего столетия. Неурожайными были иногда несколько лет подряд (например, восемь лет — 1420—1427 гг. в первой четверти века и четыре года во второй половине — 1465—1468 гг.).

В XVI в. стихийные бедствия следовали одно за другим. На этот период приходится 45 голодных лет, в результате которых на рубеже 60—70-х годов наступило «великое разорение»[93]. Приуралье было захвачено общерусским голодом 1602 г.: «пермяки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам и инии померли с неядения»[94].

Можно представить, в каких трудных условиях осваивали русские крестьяне северную часть Среднего Урала, с которой началась колонизация. Стихийные бедствия, поражавшие чаще именно северные уезды, послужили одной из причин оттока из них населения в районы с более благоприятными климатическими условиями.

Большая часть рек Среднего Урала до прихода русских была освоена местным населением, давшим им свои названия. В XVI—XVII вв. нерусские названия рек составляли 4/5 всех названий в Чердынском уезде, округе Ново-Никольской (Осинской) слободы, и в Верхотурском уезде, 2/3 — в вотчинах Строгановых и лишь в Соликамском уезде, менее освоенном местным населением, — чуть более половины[95]. Русские названия давались преимущественно небольшим речкам и значительной части озер.

На освоение края отрицательно влияли дождливые годы, высокие весенние паводки, затоплявшие селения, луга, пашни, соляные промыслы. Местные летописи фиксируют лишь самые крупные из них — в 1516, 1517, 1628 гг.[96] Следы этих наводнений обнаружены в виде мощных прослоек речного песка в культурном слое, например, на Орле-Городке[97]. Боль-

---

[93] *Борисенков Е., Пасецкий В.* Рокот забытых бурь // Наука и жизнь. — 1981. — № 10. — С. 102—103.

[94] ВВЛ // Истор.-филол. сб. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 268.

[95] См.: *Оборин В. А.* Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI—XVII веков // Географические названия Прикамья. — Пермь, 1968. — С. 69; *Он же.* Русская топонимия Верхотурского уезда в XVII веке // Языки и ономастика Прикамья. — Пермь, 1973. — С. 43.

[96] См.: УЛС. — С. 108; ГАПО. — Ф. 597. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 5. об.; Д. 24. — Л. 5 об.

[97] См.: *Шмыров В. А., Болонкин П. Ф., Спирин Л. Н.* Позднеголоценовая история Соликамской депрессии по геоморфологическим и археологическим данным // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил нечерноземного Урала. — Пермь, 1977. — С. 48—55.

www.perm-book.ru

шие реки, как, например, Кама, отличались в XVI—VXII вв. чистотой воды и спокойным течением — «и водные струи тихи зело, яко стекло»[98]. Берега небольших рек сплошь заросли лесом, как например, р. Сива: «А по той де речке с устья и до вершины леса пустые и лесные места и гаривало от молнии и лежит большой заломной лес и по той речке лужки и наволоки сенные покосы по обе стороны»[99].

В актах встречаются краткие описания лесов Урала как в целом («а место лешее» — лесистое), так и по составу пород. Причем для северных районов наиболее характерны хвойные леса (ельник, пихтовник, кедровник, сосняк), а южнее — лиственные (березник, вязник, ивняк, осинник, липовые дубровы)[100]. Участки лесостепи («степное место», «дикое поле») отмечены в южной части Верхотурского уезда и в Сылвенско-Иренском поречье.

В писцовых и дозорных книгах XVI — начала XVII в.[101] определяется качество почвы (земли) в оценке писцов по каждому населенному пункту. Все земли делились тогда на три категории — худая, средняя и добрая (табл. 1). В Чердынском уезде худая земля составляла 65,1%, средняя 34,9%. Средняя земля располагалась в основном небольшими островками. Сплошной массив средней земли находился только в Иньвенско-Обвинском поречье. В Соликамском уезде худая земля составляла 83,8%, а средняя 16,2%.

Более плодородные почвы находились в вотчинах Строгановых (худая 17,5%, средняя 65,9%, добрая 16,6%) и около Ново-Никольской слободы по Тулве и Каме, где вся земля была доброй, так же как и в Сылвенско-Иренском поречье. При сравнении с современной почвенной картой Прикамья[102] худая земля совпадает с сильно- и среднеподзолистыми и песчаными, средняя — со слабоподзолистыми, дерновоподзолистыми и серыми лесостепными почвами, а добрая — с дерново-карбонатными, дерново-луговыми и выщелоченными и оподзоленными черноземами.

В Зауралье — в Пелымском уезде — преобладала худая земля и лишь около Новой слободы на р. Сосьва была средняя, в Верхотурском уезде по Салде, Тагилу и Туре преобладала добрая, а остальная — средняя и лишь рядом с г. Верхотурье почва была быстро истощена (худая — «выпашь»).

---

[98] ТПУАК. — Пермь, 1905. — Вып. 9. — С. 62.

[99] ААЭ. — СПб., 1883. — Т. 3. — С. 431.

[100] См.: *Полякова Е. Н.* Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века. — Пермь, 1972.

[101] ЦГАДА. — Ф. 214. — Кн. 5; Ф. 1111. — Оп. 4. — Д. 1; Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7,24; ГБЛ, Р. Ф. — Ф. 256. — Д. 308; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1893. — Вып. 4; 1902. — Вып. 8.

[102] Пермская область. — Пермь, 1959. — С. 91—102.

www.perm-book.ru

Таблица 1

Соотношение населенных пунктов Верхнего Прикамья, имеющих русские и нерусские названия, с археологическими памятниками местного населения и качеством земли, по оценке переписей XVI в. (1579—1596 гг.) [103]

Территория	Русские топонимы	Нерусские топонимы	Рядом с ними памятники роданов. и сылв. культуры	Качество и кол-во земли, десятин
Чердынский уезд	63	71	74	средняя — 876,5 худая — 2 944,5
Соликамский уезд	27	7	11	средняя — 43 худая — 389,5
Вотчины Строгановых	36	12	9	худая — 86 средняя — 580,5 добрая — 1 423,5
Ново-Никольская слобода (Оса)	4	—	1	добрая — 1 500
Всего по Перми Великой	130	90	95	худая — 3 420 средняя — 1 499 добрая — 2 923

[103] ЦГАДА. — Ф. 1279. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7; ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 308; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1889. — Вып. 1; 1900. Вып.8; *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. — М., 1952. — № 27; Каб. археол. ПГУ. Отчеты об археологических экспедициях ПГУ за 1947—1985 гг.; Археологические коллекции музеев Пермской области.

В целом Зауралье обладало большим, чем Прикамье, фондом плодородных земель, что и обусловило позднее быстрое его заселение русскими в XVII в. В Зауралье худая земля совпадает с подзолами и песчаными, средняя — с торфяно- и подзолисто-болотными и серыми лесными, а добрая — с выщелоченными и оподзоленными черноземами и луговочерноземными почвами [104].

По определению костных остатков из раскопок археологических памятников IX—XV вв. можно заключить, что на Среднем Урале преобладали таежные животные, которые и были основным объектом охоты местного, а затем и русского населения, как мясные (лось, олень, медведь, кабан, заяц, косуля), так и пушные (бобр, куница, белка, рысь, лиса). Объектом охоты была также водоплавающая (гуси, лебеди, ут-

[104] См.: *Комар И. В.* Урал. — С. 57—59.

www.perm-book.ru

ки) и лесная птица (глухарь, рябчик) [105]. Русские, начиная с XI в., обращали внимание прежде всего на пушные богатства Урала, которые составляли главную часть дани с местного населения.

Среди остатков (из раскопок) промысловых рыб, которыми изобиловали тогда уральские реки, преобладали кости осетровых (стерлядь, осетр, севрюга) и щуковых, реже встречались лососевые, сомовые, окуневые, карповые (лещ, язь, плотва, голавль, сазан). В раскопках на Троицком городище в г. Чердыни в русском культурном слое XV—XVII вв. по определению П. Багимова были найдены кости 24 видов промысловых рыб, причем кроме крупных (осетровых и щуковых) встретилось много костей мелкой, в том числе озерной рыбы (окунь, ерш, карась, густера, чехонь, подуст, красноперка, плотва). В северных районах Урала в XVII в. добывали нельму, линей, сигов, хариусов и семгу [106].

Природные условия Урала до начала и в период начала массовой русской колонизации мало отличались от современных. Суровый климат, малоплодородные почвы, сильная облесенность представляли немалые трудности при освоении края. Однако природные ресурсы Среднего Урала были не беднее, чем в центральном и северном Поморье, откуда шел основной приток русских людей, а почвы и климат южной части этого района были гораздо более благоприятны для развития сельского хозяйства, как и полезные ископаемые — для развития ремесла и промышленности. На раннем этапе (XI—XV вв.) преимущественно использовались пушные, рыбные и отчасти соляные богатства края. С XVI в. возрастает значение сельскохозяйственного освоения сначала малоплодородных земель, использования лесных богатств не только в бытовых, но и в промышленных целях (солеварение, строительство сооружений, связанных с ним, топливная база, получение химических продуктов — смола, деготь и т. д.). Рудные богатства использовались еще в очень ограниченных размерах.

Природные условия в значительной степени определяли выбор места для поселений, в том числе и городов, их планировку (расположение на естественных путях, учет рельефа местности, выбор незатопляемых мест, близость к соляным источникам, к местам обитания местного населения, естественная защита от ветров и т. д.).

---

[105] См.: *Андреева Е. Г., Петренко А. Г.* Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волгокамья. — Казань, 1976. — С. 150—155.

[106] См.: Архив ЛОИИ. — Ф. 122. — Переплет 3. — Д. 42 (939). — л. 2,47; картон 5. — Д. 235; *Букирев А. И., Усольцев Э. А.* К истории ихтиофауны бассейна р. Камы // Зоол. журн. — М., 1958. — Т. 37. — Вып. 6. — С. 885—897; *Оборин В. А.* Отчет о раскопках в г. Чердыни, Пермской области в 1984 году: Рукопись — Архив ИА АН СССР. — С. 40.

www.perm-book.ru

Глава I
МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО УРАЛА В IX—XV вв.

1.1. ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ СРЕДНЕГО УРАЛА И ИХ РАССЕЛЕНИЕ

Освоение Урала было процессом многонациональным. Ведущая роль в этом принадлежала русским переселенцам. Для объективной оценки роли русской колонизации, ее влияния на развитие нерусского населения необходимо изучение происхождения, численности, уровня социально-экономического развития нерусского населения и степени освоения им Среднего Урала до начала массовой русской колонизации.

Основными источниками для изучения ранней истории местного населения Урала являются археологические, как наиболее массовые и объективные. Мы начинаем обзор истории местного населения с IX в., поскольку именно к этому времени относятся ранние даты археологических культур, предшествовавших началу русской колонизации и отчасти совпадающих с ее ранним этапом. Привлечены также данные этнографии, антропологии, лингвистики и немногочисленные письменные источники, в основном происходящие из неместной среды (среднеазиатские, булгарские, русские), поскольку племена и народы Урала не имели своей письменности.

При реконструкции разных сторон древней истории местного населения Урала приходится учитывать неравномерность изученности их по отдельным его частям. Слабее всего изучены северные районы и лесное Зауралье, совсем не изучена горная часть Среднего Урала. Не весь археологический материал, полученный в последние годы по Зауралью, введен в научный оборот. В то же время необходимо учесть, что меньшее количество источников по Северу и лесному Зауралью связано не только со степенью их изученности, но и с более редким расселением в этих тундровых и таежных районах местного населения в связи с преобладанием в них присваивающих форм хозяйства (охота и рыболовство).

Реконструкция хозяйства, общественного строя, этнического развития местного населения по основному виду источников — археологическим данным — наиболее эффективна при ретроспективном анализе—сопоставлении данных более позднего времени, освещенных уже письменными и другими видами источников, с более ранними памятниками. Необходимо проследить преемственность культуры племен и народов, известных по письменным источникам, с более древними археологическими культурами и группами памятников. Территории

www.perm-book.ru

их расселения можно установить при сопоставлении данных всех видов источников (письменных, археологических, этнографических, лингвистических, фольклорных и т. д.) и проследить истоки формирования далеких предков конкретных народов.

Для глубокой древности удается выделить более крупные области — территории со сходными признаками материальной культуры, отражающие этнические объединения большого масштаба — так называемые этнолингвистические (этноязыковые) общности, которые остались от родственного по происхождению и языку населения одной языковой семьи или ее ветви [1], имевшего определенное сходство хозяйственно-бытового уклада и культуры. Внутри их можно выделить этнические группы (роды, племена) и этнические единицы (небольшие группы родственников).

По археологическим данным могут быть выделены и этнокультурные общности (области), которые, видимо, почти идентичны понятию «историко-этнографическая область» этнографической классификации. Это территории, на которых в процессе длительного общения разных по происхождению и языку этносов складываются некоторые общие черты в материальной и духовной культуре. По этим же данным выявляются общие черты материальной культуры у разного по происхождению и языку населения, выработавшиеся в условиях приспособления к обитанию в определенной географической среде. В этнографии их называют обычно хозяйственно-культурными типами [2].

В изучении древней истории местного населения приходится учитывать экологический фактор в разном его проявлении. С одной стороны — это влияние изменений географической среды (ледниковые, засушливые периоды) на расселение первобытных людей, на их хозяйственную деятельность и в какой-то степени на формы общественной организации. С другой стороны — это изменение географической среды в процессе трудовой деятельности человека (истощение природных ресурсов в отдельных районах и переселение в другие, изменения ландшафтов — появление луговой степи и вторичных лесов на месте ранее вырубленных). Этот антропогенный фактор влиял не только на хозяйство и расселение, но и на этнические процессы [3].

---

[1] См.: *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. — Свердловск, 1970. — С. 40—41.

[2] См.: *Левин М. Г.*, Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. — 1955. — № 4.

[3] См.: *Туганаев В. В.* История хозяйственного освоения бассейна Средней Камы: экологический аспект // Тез. докл. XVII всесоюз. финно-угор. конф. — Устинов, 1987. — Т. 2. — С. 93—95.

www.perm-book.ru

На этнические процессы древности оказывал влияние и демографический фактор — в частности количество и плотность населения[4]. Для хорошо изученных археологических культур возможны расчеты численности и плотности населения по размерам и количеству жилищ на поселениях, числу одновременных поселений и могильников, количеству погребений в могильниках.

Основным понятием в археологии, так или иначе связанным с этносом, является «археологическая культура»[5]. Под археологической культурой мы понимаем большую группу одновременных памятников разных типов, расположенных на единой территории, отличавшихся устойчивым сходством основных черт материальной культуры, отражающих в своих частных проявлениях этнические особенности (обряд погребения, элементы и узоры орнамента, детали костюма, комплекс остатков, характеризующих религиозные представления, конструкция жилищ и хозяйственных построек, специфические предметы быта и орудия труда)[6]. Археологическая культура отражает определенный уровень социально-экономического развития населения, оставившего ее памятники.

Археологическая культура — довольно большой комплекс археологических памятников. Она может возникнуть на одной территории, которая постепенно расширяется по мере расселения оставившего ее населения. Это расширение может быть связано с освоением разных типов географической среды, и в пределах одной культуры могут возникнуть разные хозяйственно-культурные уклады и разные формы общественной организации. Между родственными и неродственными по происхождению культурами устанавливаются контакты, ведущие к взаимопроникновению разных черт материальной и духовной культуры, к определенной унификации культуры, особенно усилившейся в эпоху средневековья в связи с массовыми миграциями населения иногда на большие расстояния и с расширением товарного обмена. Поэтому выделение признаков археологических культур позднего периода представляет значительную трудность. При сходстве общих признаков у родственных по происхождению этносов они различаются лишь отдельными деталями этих признаков.

---

[4] См.: *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР // СА. — 1979. — № 1; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. — М., 1987. — С. 130—132, 236.

[5] См.: *Третьяков П. Н.* Этногенический процесс и археология // СА. — 1962. — № 4. — С. 3—16; *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре // СА. — 1964. — № 4. — С. 3—10; *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА.—1970. — № 2.— С. 18—36; *Генинг В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопр. этнографии Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 3—37.

[6] См.: *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 9. — С. 3—29.

www.perm-book.ru

Наиболее устойчивым, традиционным этническим признаком археологической культуры является обряд погребения. Основные черты его для многих средневековых культур Урала очень близки между собой. Отличия состоят в соотношении трупоположения и трупосожжения, приемах захоронения, преобладающих отклонениях от основной ориентировки, в расположении погребального инвентаря в могильной яме, соотношении погребальных и жертвенных комплексов.

При общем сходстве типов жилищ в разных археологических культурах они отличаются по расположению отдельных частей, внутренней планировке, устройству очагов, формам крыши (разное количество скатов). Форма, состав глиняного теста и основные элементы орнамента глиняной посуды также однаковы, и различия состоят в высоте и форме шейки, степени округлости или уплощенности днищ, в соотношении примесей к глиняному тесту и степени их измельченности, в соотношении элементов и узоров орнамента.

Металлические части мужского костюма (пряжки, бляшки, накладки поясного набора и т. д.) наиболее интернациональны и схожи в разных культурах. Более своеобразен набор женских украшений. В среде всех финно-угорских народов лесной полосы наиболее распространенным украшением были шумящие бронзовые подвески (коньковые, арочные и др.) и пронизки. Одинаковые типы этих украшений различаются в разных культурах по технике изготовления, особенностям композиции, размерам, приемам орнаментации, формам прорезей. Схожи в основных чертах и предметы культового литья и костяные предметы. Они отличаются также техникой выполнения, особенностями композиций, преобладаниями отдельных сюжетов. Жертвенные места — костища — имеют отличия в устройстве и расположении жертвенников.

По нашему мнению, этнические признаки археологических культур можно выделить только на основании комплекса археологических памятников, взаимно дополняющих друг друга. Материалы могильников дают возможность более четкого определения хронологических рамок всей культуры и отдельных групп вещей в разные периоды их бытования. Изучение поселений дает возможность определить уровень экономического, а вместе с могильниками и социального развития. Комплексы бытовой и погребальной глиняной посуды одной культуры могут отличаться друг от друга, и при выявлении этого этнического признака необходимо учитывать и те, и другие.

Преемственность основных признаков сменяющих одна другую культур отражает этническую преемственность и при ретроспективном сопоставлении территории выделенной археологической культуры с ареалами топонимики, диалектов и

www.perm-book.ru

данными письменных источников и языковую преемственность. Археологические культуры средневековья можно считать отражением устойчивых этнических общностей (общность территории, языка, происхождения, хотя и слабая общность экономических связей, общность материальной и духовной культуры). Иногда удается установить и такой признак, как самоназвание (этноним) или название этой общности в языке соседних этносов[7].

Археологическая культура отражает общность уровня группы или союза племен или народности. В ее пределах при достаточно хорошей изученности территории обычно выделяется четное число (2—4—6) больших и малых вариантов (групп памятников), которые, вероятно, отражают дуально-фратриальное деление, сложившееся в период первобытно-общинного строя и сохранявшееся в период его разложения и начала формирования классового общества. Большие варианты, скорее всего, это остатки фратрий, малые — территории отдельных племен. В пределах племенных территорий выделяются совсем небольшие группы памятников — так называемые КАП (комплекс археологических памятников) — территории родовых групп или соседских общин.

Небольшие группы одновременных памятников, резко отличающихся по своим этническим признакам от ранее выделенных археологических культур или находящиеся рядом с уже выделенными культурами, В. Ф. Генинг предложил называть термином «АЭТ» — археолого-этнический тип[8]. Выявление их дает возможность более конкретного изучения сложных этнических процессов прошлого, особенно в тех районах, где имелись значительные незаселенные пространства и могла возникать определенная этническая чересполосица. На Урале такими районами были северные тундровые области и южные лесостепные и степные районы. Однако при конкретном выделении «АЭТ» В. Ф. Генинг определял часть их только по одному типу памятников или по одному-двум этническим признакам. Если не считать выделение «АЭТ» только рабочей гипотезой, своего рода моделью, а видеть в нем отражение реально существовавшей этнической общности, то и к его выделению нужно подходить так же, как к археологической культуре — по комплексу памятников разного типа и по нескольким этническим признакам, что даст возможность вы-

---

[7] См.: *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей // Вопр. филос. — 1964. — № 11. — С. 44; *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности // СЭ. — 1964. — С. 52; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. — М., 1969. — С. 47.

[8] См.: *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 247.

www.perm-book.ru

явить хозяйственно-бытовой уклад и социальную структуру этой этнической группы.

Наиболее близким к понятию «АЭТ» в археологии, нам кажется, является понятие «землячество» в этнографической классификации[9]. Может быть несколько вариантов содержания этого понятия: 1) обособленная этническая группа, входящая в состав большого этноса (археологической культуры), родственная ему по происхождению, но в условиях относительной изоляции отличающаяся некоторыми особенностями хозяйственного уклада, материальной культуры, диалектом языка; 2) этническая группа, резко отличающаяся по происхождению и материальной культуре (а иногда и по типу хозяйства) от основного этноса, на территорию которого она проникла из другого района. Она может быть ассимилирована этим этносом или долго сохранять свои этнические особенности; 3) родственные по происхождению АЭТ, проникшие на незаселенную территорию, могут долго существовать независимо друг от друга или сближаться, консолидироваться в более крупный этнос (археологическую культуру — племя, союз племен); 4) неродственные по происхождению АЭТ также или проживают независимо, или при взаимодействии друг с другом могут образовать новый этнос, когда одни из них ассимилируют другие.

В конкретном рассмотрении этнической истории местного населения Урала мы будем пользоваться всеми охарактеризованными выше понятиями. Урал с глубокой древности представлял собой единый большой регион, этнические процессы в котором протекали в тесной взаимосвязи, хотя и имели свои особенности в разных частях региона. Поэтому возможно выделить определенные периоды развития этнических процессов в пределах всего Урала.

Мы не претендуем на создание очерков истории всех племен и народов Среднего Урала до XVI в., а только делаем попытку кратко обобщить результаты исследования основных вопросов этой истории за последние годы и высказать свое мнение, учитывая и проведенные нами исследования, т. е. рассматривая их в основном в историографическом плане.

Этногенез народов Урала является сложным и длительным процессом, когда в состав основного этнического ядра в разное время входили этнические группы различного происхождения, т. е. все этнические общности были смешаны в большей или меньшей степени.

По происхождению и языковой принадлежности нерусское

---

[9] См.: *Лашук Л. П.* В. И. Ленин о земляческих и национальных связях // СЭ. — 1970. — № 1. — С. 52—53.

www.perm-book.ru

население Среднего Урала можно разделить на три больших группы:

1) **аборигенное население,** издревле сложившееся на Урале на основе местного этнического ядра. По языку это финно-угорское население пермской (предки коми-пермяков, удмуртов и других позднее ассимилированных групп) и угорской (предки манси, хантов и другие исчезнувшие в процессе ассимиляции группы) ветвей;

2) **тюркско-угорское население,** сложившееся при ассимиляции коренного населения в результате миграций пришлых этнических групп (предки мадьяр, башкир, казанских и сибирских татар) и небольшие группы самодийцев (предки ненцев);

3) **поздние переселенцы,** появившиеся на Урале незадолго до русских и переселявшиеся вместе с ними. Часть их была близка к аборигенам (предки коми-зырян, мари, мордвы), а часть — к тюркско-угорскому населению (чуваши, болгары, казахи). Они переселялись в родственную этническую среду и сливались с формирующимися народностями. Позднее были ассимилированы русским населением или образовывали самостоятельные этнические группы — землячества.

Перейдем к характеристике основных этапов этногенеза нерусского населения Среднего Урала. Мы считаем возможным выделить четыре этапа с глубокой древности до начала XVI в. Пятый этап приходится уже на период массовой русской колонизации.

Первый этап — время формирования крупных этнолингвистических общностей в период первоначального заселения Урала и начала его освоения, выделение финно-угорской общности и разделение ее на прапермскую и праугорскую (палеолит — ранний неолит). Территория урало-алтайской этнолингвистической общности охватывала обширные пространства Урала и Казахстана. В конце мезолита начинаются контакты древних уральцев с индо-европейским (индо-иранским) населением, проникавшим из степей Прикаспия на Южный Урал [10]. В неолите выделяется финно-угорская общность и начинается ее разделение на две части — прапермскую (приуральскую) и праугорскую (лесную зауральскую) [11].

На втором этапе этногенеза происходит складывание этнокультурных областей и начинается выделение отдельных со-

---

[10] См.: *Генинг В. Ф.* К вопросу о происхождении уральской этнической (языковой) общности // Вопр. финно-угорского языкознания. — Ижевск, 1967. — Вып. 4. — С. 267.

[11] См.: *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. — М., 1969. — С. 381—386; *Бадер О. Н.* О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 15—21.

www.perm-book.ru

юзов племен — бронзовый и ранний железный век (II тысячелетие до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). Преобладают процессы сближения местных этнических групп в связи с ростом их населения. В состав общностей входят небольшие группы пришлого населения.

Во II тысячелетии до н. э. на огромных пространствах от Прикамья до Карелии и Белого моря на основе волго-камского неолита сформировалась волосовско-турбинская этнокультурная общность[12], отразившая расселение пермского населения, поскольку на всей этой территории обнаружена древнепермская топонимия[13]. Внутри этой общности в Приуралье выделяется турбинская (гаринско-борская) этнокультурная область в двух вариантах — верхнекамском и среднекамском[14], испытавшем сильное влияние южных скотоводческих племен (балановская, абашевская, андроновская, срубная, приказанская, черкаскульская культуры). В лесном Зауралье сложилась праугорская горбуновская этнокультурная область, тоже в двух вариантах: северном — тавдинском и южном — туринском. Туринский вариант испытал значительное влияние южных скотоводческих культур (андроновской и др.), а тавдинский — нижнеобской.

Ананьинская общность (VIII—III вв. до н. э.) раннего железного века сложилась на той же территории, что и волосовско-турбинская — от Прикамья до Северной Двины, а ананьинская область — на месте турбинской и приказанской[15]. С IV в. до н. э. в нее вошла кара-абызская культура по рекам Белой и Каме, включавшая в себя угроязычное и ираноязычное (сарматское) население[16]. В ананьинской этнокультурной области в Приуралье выделяются те же два варианта, что и в турбинской[17], а также вятский и нижнекамский. Два основных варианта сохранились и в Зауралье. В турин-

---

[12] См.: *Канивец В. И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. — М., 1974. — С. 18; *Панкрушев Г. А.* Турбинская керамика на древних поселениях Карелии // СА. — 1975. — № 3. — С. 201—205.

[13] См.: *Матвеев А. К.* Субстратная топонимика русского Севера // Вопр. языкознания. — 1964. — № 2. — С. 83.

[14] См.: *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. — М., 1961. — № 99.

[15] А. Х. Халиков считает, что ананьинская общность являлась более широкой, чем пермская финноязычная общность. См.: *Халиков А. Х.* Проблемы этногенеза пермских финнов. — Казань, 1985. — С. 11.

[16] *Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура // АЭБ. — Уфа, 1973. — Т. 5. — С. 162—243. Р. Д. Голдина считает эту культуру вариантом пьяноборской общности, доводя ее верхнюю дату до конца IV в. н. э. и относя ее к пермскому (праудмуртскому) населению. См.: *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблема этногенеза удмуртов.—Устинов, 1987.— С. 13.

[17] См.: *Оборин В. А.* К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. — Свердловск, 1960. — С. 38—42.

www.perm-book.ru

ский вариант влилось новое скотоводческое население и сформировалась иткульская (исетская) культура [18], этнически родственная лесостепным племенам Тобольско-Ишимского района.

На рубеже и в первой половине I тысячелетия н. э. происходит сосредоточение населения на более компактных территориях при сохранении внутри их племенных вариантов. В Приуралье формируется общепермская гляденовская этнокультурная общность, границы которой по сравнению с ананьинской сокращаются на юге и юго-западе, но сохраняются на севере — по Вычегде и Печоре. В ее состав входило несколько родственных и неродственных по происхождению культур — шойнатынская, гляденовская, чегандинская, кара-абызская, худяковская [19].

Причиной создания прочных союзов племен была необходимость обороны при усилении военной опасности со стороны сармато-аланского, а затем проникшего с востока тюрко-угорского населения. Это вторжение послужило одной из причин перемещения населения из ранее освоенных и относительно перенаселенных районов в менее освоенные северные и западные районы, где проживало редкое родственное население. Другой причиной переселения было освоение пойменных лугов при возрастании роли пастушеского скотоводчества в хозяйстве.

Третий этап этногенеза (вторая половина I тысячелетия н. э.) был наиболее бурным и привел к заметным изменениям этнической карты в связи с миграциями коренного и внедрением значительных групп пришлого населения. Преобладали процессы ассимиляции, чаще всего пришлого населения местным, реже — местного пришлым, складывались крупные объединения, легшие в основу будущих народностей. В северных

---

[18] См.: *Сальников К. В.* Иткульская культура. (К вопросу о «зауральском ананьино») // Краеведческие записки. — Челябинск, 1962. — Вып. 1. — С. 21—46.

[19] См.: *Генинг В. Ф.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. фил. АН СССР, сер. гум. наук. — Казань, 1959. — Вып. 2. — С. 157—219; *Поляков Ю. А.* К вопросу о раннем этапе этнической истории коми-пермяцкого народа // Языки и ономастика Прикамья. — Пермь. 1973. — С. 108; *Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А.,* Миграционный фактор в развитии культур Северного Приуралья. — Сыктывкар, 1984. — С. 18. По мнению Р. Д. Голдиной, в это время в Прикамье существовали две родственные по происхождению этнокультурных области: гляденовская на Верхней и Средней Вычегде, в верховьях Печоры и в Среднем Прикамье и пьяноборская в Нижнем Прикамье и бассейне р. Вятки. В образовании этих общностей она видит разделение общепермской общности на пракоми и праудмуртскую. См.: *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа. — С. 11. А. Х. Халиков считает, что пьяноборские племена приняли участие в этногенезе мари, войдя в состав волжских финнов. См.: *Халиков А. Х.* Проблемы этногенеза пермских финнов. — С. 11.

www.perm-book.ru

и южных районах некоторое время на одной территории одновременно сосуществовали разные этнические группы (АЭТ).

Наибольшая пестрота этнического состава наблюдалась в южном Приуралье, куда из степных районов Западной Сибири в V—VII вв. проникло оседлое скотоводческое, преимущественно тюркское население[20]. В северных районах Башкирии оно ассимилировало древнее пермское и угорское население. В VIII—IX вв. происходит новая миграция тюркоязычного населения из степей Приаралья и Казахстана, усилившая этническое ядро протобашкир[21]. В это же время в Нижнее Прикамье проникают новые группы угорского (мадьяры) и тюркского (ранние болгары) населения[22]. В бассейне р. Чепцы на основе проникшего из Верхнего Прикамья гляденовского населения во второй половине I тысячелетия н. э. складывается поломская культура, ставшая основой северной части прото-удмуртов.

В состав южной группы удмуртов, по мнению Р. Д. Голдиной, вошли потомки местного пьяноборского населения, образовавшие верхнеутчанскую культуру в Удмуртском Прикамье, бахмутинскую — в низовьях Белой и еманаевскую — на Средней и Нижней Вятке[23]. Оно ассимилировало небольшие группы пришлого тюрко-угорского населения, заложившего основу протобесермян[24]. Удельный вес пришлого населения был невелик, поскольку антропологический тип как северных, так и южных удмуртов сходен с более древним местным типом[25]. С этого времени начинают складываться этнографические[26] и языковые особенности двух основных частей удмуртского народа.

Несмотря на значительную удаленность Верхнего Прикамья сюда с юга в V—VI вв. тоже проникают группы пришлого скотоводческого населения. Ими оставлены курганные могильники, неизвестные ранее местному населению, распространяющиеся на север до Верхней Камы. Число их невелико

[20] См.: *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII веках н. э. (Проблемы этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 247—251.

[21] См.: *Кузеев Р. Г.* Краткий очерк этнической истории башкирского народа // АЭБ. — Уфа, 1973. — Т. 3. — С. 47.

[22] См.: *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. — М., 1964; *Халикова Е. А.* Великая Венгрия // ВИ. — 1975. — № 7. — С. 37—42.

[23] См.: *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа. — С. 20—23.

[24] См.: *Генинг В. Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопр. финно-угорского языкознания. — Ижевск, 1967. — Вып. 4. — С. 274—278.

[25] См.: *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. — М., 1968. — С. 84—86.

[26] См.: *Крюкова Т. А.* Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры // Вопр. финно-угорского языкознания. — Ижевск, 1967. — Вып. 4. — С. 279—286.

www.perm-book.ru

(14), и в VII в. их вытесняет обычный для местного населения грунтовый обряд захоронения [27]. Причинами такой далекой миграции южного населения было движение скотоводческих племен, известное как «великое переселение народов»; изменения ландшафтных зон в ксеротермический период II, когда языки лесостепи продвинулись до северных районов Прикамья [28]; близость пастушеского скотоводческого хозяйства местного гляденовского населения с хозяйством пришлого населения.

Нельзя преувеличивать значение этой миграции. По мере продвижения на север в хозяйстве пришлого населения возрастала роль подсечного земледелия, охоты и рыболовства, оно постепенно утратило свои этнические черты (обряд погребения, тип жилища, форма и орнамент посуды), влившись в состав местного населения, сохранявшего древние гляденовские традиции [29]. В Сылвенско-Иренском поречье пришлое зауральское (угорское) население было частично ассимилировано местным гляденовским населением, оставившим памятники неволинской культуры [30].

Этническая принадлежность пришельцев продолжает вызывать споры. А. В. Шмидт считал их уграми, ассимилировавшими местное пермское население, О. Н. Бадер и В. А. Оборин — уграми, большая часть которых была ассимилирована местным населением [31], В. Ф. Генинг — смешанным тюркоугорским населением [32], А. Х. Халиков — тюрками, ассимилировавшими местное население [33]. А. К. Матвеев отмечает, что древнеугорская (протомадьярская) топонимика Верхнего

---

[27] См.: *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. — Свердловск, 1973. — Вып. 12. — С. 58—121. Исследование Мокинского могильника в окрестностях г. Перми показало, что переход к курганному обряду захоронения происходил и у местных племен под воздействием пришельцев. См.: *Оборин В. А., Мельничук А. Ф.* Тайны древних поселений // Звезда. — Пермь, 1988. — 6 янв. Примерно в это же время происходил переход к захоронению в курганах и у восточных славян. См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. — М., 1987. — С. 101.

[28] См.: *Бадер О. Н.* Основные этапы этнокультурной истории Урала и палеография // МИА. — М.; Л., 1960. — № 79. — С. 101—102.

[29] См.: *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск, 1985. — С. 133—144.

[30] См.: *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа. — Є. 16—17.

[31] См.: *Шмидт А. В.* Пермский округ в доисторическом прошлом // Экономика. — Пермь, 1925. — № 10. — С. 56—57; *Бадер О. Н., Оборин В. А.* На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958.

[32] См.: *Генинг В. Ф.* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в 1 тысячелетии н. э. // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 334—336.

[33] См.: *Халиков А. Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Татарии. — Казань, 1971. — Вып. 1. — С. 15.

www.perm-book.ru

Прикамья локализуется на левобережье Камы, а древнетюркская—преимущественно в южной его части[34]. А. С. Кривощековой-Гантман выявлен небольшой пласт тюркской топонимики и в северных районах Прикамья[35].

Оба пласта нередко встречаются в одних районах, что говорит в пользу точки зрения В. Ф. Генинга об этнической смешанности пришлого населения. Современные коми-пермяки в основном относятся к уральскому антропологическому типу и лишь южная иньвенская группа имеет примесь южного европеоидного типа и по группам крови близка «остяцкому» (угро-тюркскому) и татаро-башкирскому населению[36]. На Иньве распространена тюркская и угорская топонимика, встречаются легенды о чуди как особом народе — низкорослом и смуглом, внешне отличающемся от коми-пермяков[37]. В археологических памятниках ломоватовской культуры на Иньве и Обве встречается керамика, аналогичная найденной в памятниках Башкирии (турбаслинского и куштерякского типов).

Памятники ломоватовской и раннего этапа родановской культуры нельзя отнести к тюркам, как это делает Е. А. Халикова[38]. Многие поселения и могильники, возникнув в ломоватовской культуре, сохраняя древние гляденовские традиции, использовались тем же населением до конца родановской культуры (до XV в.)[39], что говорит о сохранении древнего этнического ядра в сложении коми-пермяков и незначительной примеси смешанного тюрко-угорского населения. Тем более трудно согласиться с А. Х. Халиковым, который по существу возрождает старую точку зрения А. Ф. Теплоухова о сложении пракоми общности за пределами Прикамья — в Вятско-Вычегодском междуречье — и позднем расселении их вместе с русскими в XIV—XV вв. на территории Верхнего Прикамья. Автор противоречит сам себе, признавая в гляде-

---

[34] См.: *Матвеев А. К.* Древнеуральская топонимика и ее происхождение // ВАУ. — Свердловск, 1961. — Вып. 1. — С. 139—140.

[35] См.: *Кривощекова—Гантман А. С.* Откуда эти названия? — Пермь, 1973. — С. 51—57.

[36] См.: *Чебоксаров Н. Н.* Этногенез коми в свете антропологических данных // КС ИИМК. — М., 1941. — Вып. 9. — С. 54—58; *Вишневский Б. Н.* Следы угров на Западном Урале // Учен. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1960. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 268—269.

[37] См.: *Оборин В. А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопр. лингвистического краеведения Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 1. — С. 117—118.

[38] См.: *Халикова Е. А.* К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья // Вопр. финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1970. — Вып. 5.

[39] См.: *Оборин В. А.* Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. — Пермь, 1972. — С. 133.

www.perm-book.ru

новской культурной общности пермское население[40], которое не было, как он утверждает, вытеснено на север, где памятники этой общности встречаются единично, а сохранилось в Верхнем Прикамье и основная часть его составила ядро ломоватовской, а затем и родановской культуры.

Археологические памятники лесного Зауралья этого периода изучены слабо. Работами В. Д. Викторовой[41] установлено, что здесь в южном — туринском — варианте тоже появляются курганные могильники батырского и молчановского типов и происходит ассимиляция местного населения пришлым.

На четвертом этапе (IX—XV вв.) происходит консолидация устойчивых этнических общностей в виде союзов племен, развивающихся в народности раннефеодального типа. Этот процесс не был завершен, поскольку не был завершен переход от первобытного общества к классовому. В это же время складываются этнические группы, не входившие в состав народностей.

В южной части Среднего Урала по рекам Белой, Уфе, Деме, Сакмаре, Большому Ику, Яику (Уралу), Ую, Миассу, Аю, Юрюзани[42] складывается башкирская народность со своим самоназванием — «баджгард», «башкурт». Она была разделена на две части — приуральскую и зауральскую. В XI—XV вв. в состав башкир вливались новые массы тюркоязычного, главным образом кыпчакского населения. Продолжался процесс ассимиляции башкирами местного финно-угорского и сармато-аланского населения,

В среднем и верхнем течении р. Вятки и по ее притоку р. Чепце выявлено более 200 памятников чепецкой культуры IX—XV вв., принадлежащих предкам северных удмуртов — группе племен калмез[43]. В последние годы обнаружены и памятники южных удмуртов — чумойтлинской культуры — по правобережью Камы и кочергинской — на Нижней и Средней Вятке[44]. В XIV—XV вв. происходит сближение обеих групп, и русские источники знают их как этнически единое целое «отяки», или «вотяки», выделяя позднее «арских людей», памятники которых обнаружены в междуречье Средней Волги

---

[40] См.: *Халиков А. Х.* Проблемы этногенеза пермских финнов. — С. 7—8, 11.

[41] См.: *Викторова В. Д.* Археологическая карта бассейна рек Туры и Тавды: Дис... канд. ист. наук. — Свердловск, 1967.

[42] См.: *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV веках. — М., 1977.— С. 14—39.

[43] См.: *Иванова М. Г.* Чепецкие древности. — Устинов, 1985. — С. 6; *Она же.* Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. — Ижевск, 1987. — С. 59—79.

[44] *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа. — С. 28—32.

www.perm-book.ru

и низовьев Вятки[45]. По нашим расчетам, численность удмуртов к XVI в. не превышала 3,5—4 тыс.

В нижнем и среднем течении р. Чусовой, по ее притоку Сылве и на Тулве известно более 40 памятников сылвенской культуры IX—XV вв., сформировавшейся на основе неволинской и сохранившей традиции пришлого зауральского населения[46]. В лесостепном Зауралье — по Пышме, Исети, Тоболу и Ишиму обнаружено более 30 сходных памятников[47]. Это тюркизированное смешанное пермское и угорское население в Прикамье имело много общего с культурой северных башкир, откуда и шел приток тюркского населения[48].

В Верхнем Прикамье от оз. Чусовского на севере до р. Чусовой на юге по Каме и ее притокам жили предки коми-пермяков, оставившие более 300 памятников родановской культуры IX—XV вв., сложившейся на основе ломоватовской. По нашим расчетам, численность их составляла не менее 4,5 тыс. человек. В русских письменных источниках они назывались этнонимом «пермяк», по занимаемой ими территории «Перми Великой», на которой преобладает коми-пермяцкая топонимия. В родановской культуре выявлены два крупных варианта — северный и южный, территории которых совпадают с распространением двух диалектов коми-пермяцкого языка и двух коми-пермяцких преданий о Кудым-Оше (южный) и о Пере-богатыре (северный)[49], выделяются также две обособленные этнические группы — язьвинская (в результате переселения в XII—XIII вв. с Колвы) и верхнекамская — зюздинская, — составлявшая одно из родановских племен[50].

В лесном Зауралье по рекам Туре, Тавде, Лозьве и по их притокам выявлены памятники юдинской культуры X—XIII вв. (более 30) предков манси — «вогуличей» и памятники тура-

---

[45] См.: *Сысоева М. В.* Первые письменные сведения об удмуртах // Вопр. финно-угорского языкознания. — Ижевск, 1967. — Вып. 4. — С. 310—318; *Атаманов М. Г.* Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. — Ижевск, 1987. — С. 80—103; *Шутова Н. И.* К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тысячелетия н. э. (к постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. — Уфа, 1986. — С. 82—86.

[46] См.: *Оборин В. А., Балашенко Л. А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Учен. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1968. — Вып. 191. — С. 39—43.

[47] См.: *Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* Археологическая экспедиция Уральского университета // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 191—197.

[48] См.: *Мажитов Н. А.* Тайны древнего Урала. — Уфа, 1973. — С. 159.

[49] См.: *Оборин В. А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа. — С. 120.

[50] См.: *Кананин Б. А.* Население верховьев Камы в эпоху средневековья. (Западный вариант ломоватовской и родановской культур): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985.

www.perm-book.ru

линского типа XIV—XV вв. предков сибирских татар[51]. В северном — тавдинском — варианте юдинской культуры чувствуется влияние нижнеобской культуры хантов, а в южном — туринском — влияние культуры сибирских татар[52]. В Сургутском Приобье обнаружены памятники угорского (хантыйского) населения[53].

Этнические процессы на среднем Урале протекали в основном однотипно по обоим склонам хребта, хотя на восточном склоне они несколько запаздывали. В их основе лежало развитие местного населения, в состав которого вливались разные по происхождению и численности этнические группы. Наиболее интенсивно эти процессы проходили на третьем этапе, когда были заложены основы крупных этнических общностей как прямых предков современных народностей Урала. К концу четвертого этапа эти народности заняли примерно ту же территорию, на которой они проживают и в настоящее время. Наибольшую численность к XVI в. имели народы Приуралья — башкиры, коми-пермяки и удмурты и меньшую — племена Зауралья — манси, ханты и сибирские татары.

1.2. ХОЗЯЙСТВО МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА

Формирование хозяйственно-культурных типов местного населения Урала началось с глубокой древности, когда природно-ландшафтные зоны сложились в границах, близких к современным. К концу I тысячелетия н. э. на Среднем Урале сложились три основных типа: 1) пастушеские и кочевые скотоводы степи и лесостепи со специализированной охотой и зачатками земледелия; 2) оседлые земледельцы и скотоводы лесостепной и лесной полосы с развитой охотой и рыболовством; 3) таежные охотники и рыболовы с зачатками земледелия и скотоводством северных форм (оленеводство и собаководство).

Кочевое и полукочевое скотоводство с сезонными меридиональными перекочевками на большие расстояния играло

---

[51] См.: *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII веках // Учен. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1968. — Вып. 191. — С. 239—255; *Она же.* Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице // ВАУ. — Свердловск, 1964. — Вып. 4. — С. 135—154.

[52] См.: *Голдина Р. Д.* Городище Кучумова гора // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 157—158.

[53] См.: *Морозов В. М., Пархимович С. Г.* О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тром-Аган // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1984. — С. 145—159; *Морозов В. М.* Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы уралосибирской археологии. — Свердловск, 1986. — С. 99—107.

www.perm-book.ru

ведущую роль в хозяйстве башкир. При продвижении в лесную зону, ограничивавшую возможность кочевания, под влиянием местного населения часть башкир переходит к оседлому пастушескому скотоводству, пушной охоте и бортничеству[54]. Роль земледелия была невелика. Кочевой образ жизни башкир отразился в их культуре, в типе их поселений (немногочисленные селища X—XV вв. с бедными культурными слоями, тонкие слои на многослойных городищах) и могильников (группы курганов, расположенных на большом удалении друг от друга, кости лошади, предметы конского убранства и ухода за скотом — в погребениях). Долго сохранялись легкие жилища типа юрт, почти полностью отсутствовала мебель, преобладала мясо-молочная пища, изготовленная на открытых очагах в металлической посуде. В покрое и материале одежды и обуви также проявлялись кочевнические черты[55].

У удмуртов и коми-пермяков в X—XII вв. сложилось оседлое комплексное хозяйство с ведущей ролью пашенного и подсечного земледелия и пастушеского скотоводства, при сохранении значения охоты (особенно пушной) и рыболовства.

А. П. Смирнов датировал начало распространения пашенного земледелия в Верхнем Прикамье X в. по находкам ральников местных типов в чепецкой культуре[56]. Всего на этой территории найдено 25 ральников. М. Г. Ивановой ральник найден в слое конца IX в на городище Гурья-кар[57]. Массовое распространение пашенного земледелия у удмуртов относится к XII—XIII вв., когда оно получило развитие и у финно-угорского населения Среднего Поволжья (мордва, мари)[58]. Находки лесорубных топоров и мотыжек говорят о сохранении подсеки. Среди культур преобладала рожь, в том числе яровая (ярица), встречались мягкая и карликовая пшеница, полба, ячмень, овес, горох и чечевица. Возрастание роли земледелия отразилось в появлении ручных жерновов, ям — хранилищ зерна на поселениях[59]. Развивалось и пастушеское

[54] См.: *Кузеев Р. Г.* Развитие хозяйства башкир в X—XIX веках // АЭБ. — Уфа, 1968. — Т. 3. — С. 277—285.

[55] См.: *Руденко С. И.* Башкиры. — М.; Л., 1955. — С. 61, 125—251; *Шитова С. П.* Народная одежда башкир // АЭБ. — Уфа, 1968. — Т. 3. — С. 125.

[56] См.: *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. — М.; Л., 1952. — № 28. — С. 190.

[57] См.: *Иванова М. Г.* Городище Гурья-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. — Ижевск, 1982. — С. 12.

[58] См.: *Архипов Г. А.* Марийский край в памятниках археологии. — Йошкар-Ола, 1976. — С. 150.

[59] См.: *Иванова М. Г.* Земледелие северных удмуртов в начале II тысячелетия н. э. // Материалы к ранней истории удмуртов. — Ижевск, 1978. — С. 49—67; *Туганаев В. В., Ефимова Т. П.* Возделываемые культуры и их засорители на полях удмуртов в IX—XII веках // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. — С. 104—109.

www.perm-book.ru

скотоводство. Среди домашних животных преобладали крупный рогатый скот и лошадь, реже встречаются кости овцы и свиньи. Обнаружены остатки хлевов для стойлового содержания скота и железные косы-горбуши для заготовки сена. Продолжала развиваться и охота: мясная и пушная, главным образом на бобра. Меха стали служить эквивалентом обмена.

У коми-пермяков роль пашенного земледелия была более значительной и оно было продвинуто дальше к северу. Ральники местного типа найдены на восьми хорошо датированных памятниках в слоях XI—XIV вв.[60] Выявлено 93 их местонахождения, включающие 156 ральников — в шесть раз больше, чем на территории чепецкой культуры. Это были наконечники однополозного подошвенного рала, удобного для работы на освобожденных от леса участках. Сокращение забоя лошадей на мясо и изображение лошади рядом со схемой распаханного поля[61] говорят об увеличении ее роли как тягловой силы в земледелии. Большинство находок ральников, жерновов, лесорубных топоров и мотыг приходится на северный вариант родановской культуры. Среди зерновых культур преобладали яровые (ячмень, полба, мягкая пшеница, просо, овес), а в XII—XIII вв. — озимая рожь. Начинает зарождаться паровая система в виде одногодичных паров, как мера борьбы с засоренностью почвы[62].

Уровень развития земледелия в южном варианте родановской культуры был выше, чем в северном (больше жерновов, меньше орудий подсеки, находки серпов и зерновых ям), но масштабы его распространения на севере были более широкими. Здесь были наиболее распространены топонимы с окончанием на «ыб» (возделанное поле)[63]. Находки зерен проса и формы поздних ральников говорят о влиянии булгарского земледелия, где оно было в числе основных культур, и о более благоприятных климатических условиях в Восточной Европе в первой половине II тысячелетия[64]. На развитие земледелия оказали влияние и русские. В Верх-Иньвенской волости найден сошник, по своей форме очень похожий на северорусские[65].

---

[60] См.: *Оборин В. А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ. — 1956. — № 2. — С. 66—75.

[61] См.: *Оборин В. А.* Костяная рукоятка из Анюшкара // КС ИИМК. — 1955. — № 57. — С. 133—134.

[62] Определение А. В. Кирьянова (ИА АН СССР).

[63] См.: *Оборин В. А.* Географические названия на *кар, горт, ыб* древних памятников // Лингвистическое краеведение Прикамья. — Пермь, 1976. — С. 28—29.

[64] См.: *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. — М., 1974. — С. 181—188.

[65] См.: *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. Ч. 2 // СА. — М.; Л. 1950. — Т. 12. — С. 39.

www.perm-book.ru

Более сильное развитие скотоводства на севере, видимо, было связано с освоением пойменных лугов в районах с малоплодородными почвами, где скотоводство оказывалось продуктивнее земледелия. Значение охоты возросло в связи с увеличением значения пушнины как эквивалента обмена[66]. Рыболовство у коми-пермяков имело большее значение, чем у удмуртов, поскольку основная часть их жила на многоводной и богатой рыбой Каме и в устьях ее притоков.

Хозяйство сылвенской культуры «остяков» было близко коми-пермякам и удмуртам — оседло-земледельческое с высоким уровнем скотоводства при ведущей роли пашенного земледелия (находки зерна, жерновов, ральников)[67].

В культуре коми-пермяков и удмуртов также выработались общие черты[68] — срубные наземные жилища, преобладание растительной пищи, глиняная и берестяная посуда, одежда из меха и холста свободного покроя. У коми-пермяков было больше северных черт, заимствованных от коми-зырян и манси (жилища типа чума, нарты, глухая меховая одежда), а в быту удмуртов есть заимствования от тюркского населения (женский головной убор типа айшона и мужской типа такья, штаны с широким шагом, приготовление пищи в металлической посуде, мучные приправы к вареному мясу).

В хозяйстве манси и хантов преобладали охота, рыболовство и северное скотоводство (оленеводство и коневодство) с зачатками примитивного мотыжного земледелия, обеспечивавшего части их оседлый образ жизни. В XIV—XV вв. от сибирских татар заимствуются пашенное земледелие и развитая металлургия. У хантов, живших в низовьях Оби, рыболовство преобладало над охотой[69]. Выработались общие черты в материальной культуре и быте — два типа жилища (полуземлянки с шатровым перекрытием и срубное жилище с глинобитным очагом), мясо-рыбная пища, лодки-долбленки, нарты, распашная одежда мехом наружу и меховые головные уборы, преобладание деревянной посуды над глиняной и т. д.[70]

---

[66] См.: *Оборин В. А.* К истории охоты и скотоводства у древних коми-пермяков // Учен. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1960. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 224—226.

[67] См.: *Ленц Г. Т.* Раскопки Антыбарского могильника // АО. — 1983. — М., 1985. — С. 157.

[68] См.: *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов // ТИЭ. — М., 1951. — Т. 10; *Она же.* Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX века // ТИЭ. — М., 1958. — Т. 45.

[69] См.: *Викторова В. Д.* Курганы у с. Макушино на р. Нице // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 247—250; *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. — М., 1957. — № 58. — С. 241.

[70] См.: *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров // СЭ. — 1957. — № 2. — С. 89—105; *Долгих Б. О., Левин М. Г.* Народы Сибири. Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. — М., 1960. — С. 328—333.

www.perm-book.ru

До начала массовой русской колонизации у местного населения Среднего Урала происходил процесс сближения хозяйства и культуры в двух историко-этнографических областях — волго-камской, где преобладали два первых хозяйственнокультурных типа, и западно-сибирской (зауральской), где преобладал третий тип и складывались первый и второй. Обе области составляли в целом одну большую — среднеуральскую, лучше освоенную, чем другие районы Урала, где имелось, однако, еще много не освоенных районов, куда и направился, в первую очередь, поток русских переселенцев.

1.3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И РЕЛИГИЯ

Разложение первобытно-общинного строя у коренного населения Урала протекало медленно и неравномерно. Редкое население было рассредоточено на огромной территории с различными географическими условиями. В северных районах сохранились родовые отношения. Производительные силы на более освоенной территории Урала поднялись до такого уровня, когда первобытно-общинный строй стал тормозить их дальнейшее развитие, и переход к классовому обществу стал необходимой закономерностью. Местные племена перешли от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию.

Сравнительно высокий уровень сельскохозяйственной техники у земледельцев, увеличение количества скота и освоенных пастбищ у скотоводов создали предпосылки для развития индивидуального хозяйства, где широкое применение рабского труда в условиях лесной полосы было невыгодным. Родоплеменная знать эксплуатировала обедневших сородичей, используя экономические средства (ссуды при последующей отработке) и внеэкономическое принуждение с помощью военных дружин. Даннические формы эксплуатации одних племен другими превращались в раннефеодальные. В переходе к феодализму, минуя рабовладельческий строй, сыграло роль соседство, экономические и культурные связи с феодальными государствами — Волжской Булгарией, государствами Средней Азии, а затем и русскими княжествами[71]. Становлению феодальных отношений способствовало и распространение религий классового общества — христианства из русских земель и мусульманства из Волжской Булгарии и Средней Азии[72].

[71] См.: *Белавин А. М., Оборин В. А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X—XIII веках // Волжская Булгария и Древняя Русь. — Казань, 1986. — С. 63—75.

[72] См.: *Халикова Е. А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII века. — Казань, 1986; *Останина Т. И.* Раннемусульман-

www.perm-book.ru

В IX—XIII вв. у башкир шел процесс разложения родового строя и формирования соседской кочевой общины при сохранении родоплеменного деления. Развитие частной собственности семей на скот привело к имущественному расслоению в роде, переросшему в социальное. Родовая и племенная знать, опиравшаяся на военные дружины, присвоила себе право распоряжаться общинными пастбищами, закабаляла свободных общинников, увеличивала свои богатства за счет военных нападений на соседние племена, эксплуатировала труд патриархальных рабов-военнопленных. Совет старейшин вытеснял народное собрание и превращался в орган власти родоплеменной феодализирующейся знати. Родовые институты становились оболочкой, внутри которой вызревали отношения классового общества[73]. В XIII в. башкиры были включены в состав Золотой Орды, а в XV в. были раздроблены между тремя феодальными государствами: Казанским (западные), Сибирским (зауральские) ханствами и Ногайской ордой (южно-уральские)[74]. К концу XV в. в основном завершился процесс формирования феодально-патриархальных отношений[75]. В небольшой степени проявился синтез с феодальными отношениями монголо-татар (появление землевладения союргального типа, не прикрытого уже оболочкой родоплеменных отношений).

В IX—XV вв. у удмуртов шел процесс разложения родового строя, выразившийся в выделении патриархальных семей и патронимий из родовой общины и формировании соседской (сельской) общины, внутри которой началось имущественное расслоение[76]. Это проявилось в появлении небольших жилищ малых семей на поселениях, в забрасывании в XI—XIII вв. старых родовых центров-городищ, смешении разных типов орнамента на бытовых предметах, выделении богатых и бедных погребений на могильниках[77]. Родовые связи сохранялись

ский могильник у д. Алтаево в Башкирской АССР // Погребальные памятники Прикамья. — Ижевск, 1987. — С. 33—38; *Гарустович Г. Н.* Раннемусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в южно-уральском регионе (к постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. — Уфа, 1986. — С. 77—81.

[73] См.: *Кузеев Р. Г.* Краткий очерк этнической истории башкирского народа // АЭБ. — Уфа, 1973. — Т. 5. — С. 56.

[74] См.: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 258.

[75] См.: *Семенюк Г. И.* О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народностей // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. — М., 1969. — С. 266—276.

[76] См.: *Трефилов А. Ф.* Становление феодальных отношений у удмуртов // Очерки истории Удмуртской АССР. — Ижевск, 1958. — Т. 1. — С. 25—39.

[77] См.: *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. — Ижевск, 1958. — С. 112—116.

www.perm-book.ru

долго. Это нашло свое отражение в использовании родовых святилищ, применении родового принципа захоронения, сохранении пережитков дуально-фратриального деления и воршудной организации, почитании женских предков и женского верховного божества — Шунды-Нумы вплоть до XVIII—XIX вв.[78] Выявлены также сложные космогонические представления древних удмуртов об окружавшем их мире[79].

Разложение родового строя шло быстрее у южных удмуртов, раньше попавших в орбиту булгарской, а затем татарской колонизации. Медленные темпы его у северных удмуртов связаны с более слабым развитием экономики, не дававшей возможности значительного накопления прибавочного продукта, необходимого для выделения классовой верхушки, с относительной изоляцией этого района и небольшой плотностью населения. Булгары обложили удмуртов данью — примитивной формой коллективной феодальной ренты. Каринское татарское княжество разрушило чепецкий союз племен, что затормозило объединение удмуртов. Здесь не происходило синтеза разных типов феодализма.

Общественный строй коми-пермяков развивался в основном в том же направлении, что и у удмуртов, но более быстрыми темпами. Спорным вопросом до недавнего времени оставался вопрос о времени сложения феодальных отношений. Если А. П. Смирнов в ранних работах по аналогии с удмуртами считал, что феодализм сложился здесь в IX—X вв., а Пермь Великую X—XIII вв. считал ранним феодальным государством, то позднее он согласился с мнением М. В. Талицкого[80], что до начала массовой русской колонизации коми-пермяки сохраняли первобытно-общинный строй в крайней степени разложения. М. В. Талицкий считал, что ускоряющее влияние на этот процесс оказывала булгарская колонизация и называл весь период X—XIV вв. «булгарской эпохой» в Верхнем Прикамье.

В наших ранних работах[81] мы поддержали вывод М. В. Талицкого о формировании сельской общины, но отнесли нача-

---

[78] См.: *Владыкин В. Е.* Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов // Вопросы этнографии Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 49—67; *Болотов М. К.* Жертвенный комплекс в погребениях северных удмуртов // Тез. докл. V Урал. археол. совещ. — Сыктывкар. 1967. — С. 89—91.

[79] См.: *Владыкин В. Е.* Традиционная система мировоззрения удмуртов: Основные структурообразующие компоненты — ряды // Тез. докл. XVII Всесоюз. финно-угор. конф. — Устинов, 1987. — С. 146—148.

[80] См.: *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV веках // МИА.— М., 1951. — № 22. — С. 59—64.

[81] См.: *Оборин В. А.* К вопросу о сельской общине у древних коми-пермяков в IX—XV веках // Докл. ист.-фил. ф-та МолГУ. — 1956. — Вып. 1—4; и др.

www.perm-book.ru

ло ее сложения не к X, а к XII в., когда наблюдается смешение разных обрядов погребения на могильниках, разных типов орнаментации, появление разных типов тамг на одних поселениях, начинается забрасывание старых родовых центров — городищ. На это время приходится и зарождение частной собственности на землю в виде приусадебных участков рядом с небольшими по размерам жилищами. К. Маркс считал, что в соседской общине в отличие от родовой частная собственность семей на землю сначала проявляется в виде придатка к дому — двора, земельного участка [82]. Однако мы вслед за А. П. Смирновым считали, что в XIV в. у коми-пермяков появляются первые феодальные замки, местная феодальная знать и до присоединения к Русскому государству складывается раннефеодальное княжество — Пермь Великая. В отличие от М. В. Талицкого, мы считали, что заметное влияние волжских булгар на Верхнее Прикамье начинается не с X, а с XIII в., после их миграции на север вследствие татаро-монгольского нашествия.

Дальнейшие исследования показали, что имущественное расслоение в IX—XIII вв. проявлялось лишь между семьями. Отсутствие совместных захоронений мужчин и женщин, находки в отдельных женских погребениях предметов роскоши, оружия и частей конского убранства [83] говорят о равноправном положении женщин, о сохранении на севере пережитков матриархата. Сохранение родовых пережитков отмечается и в коми-пермяцких преданиях о Кудым-Оше [84], который был сыном родового вождя, получив от него власть по наследству. По преданию коми-пермяки жили родами (увтыр), почитавшими своих предков-тотемов. Женщины иногда занимали высокое положение, выполняя функции жриц. Однако власть Кудым-Оша распространялась не только на свой род и племя, но и на всех коми-пермяков. Очевидно, он был главой племенного союза, центр которого находился на городище, носящем его имя (Кудымкар) [85]. Предания говорят о постоянных военных столкновениях между родами и их вождями, что характерно для периода разложения родового строя.

При картографировании выявлены группы памятников родановской культуры, отражающие социальную структуру ко-

---

[82] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. — Т. 19. — С. 418—419.

[83] См.: *Оборин В. А.* Камская археологическая экспедиция // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 203—206; *Он же.* Раскопки в Верхнем Прикамье // АО. — 1971. — М., 1972. — С. 188.

[84] См.: *Ожегова М. Н.* Исторические основы коми-пермяцкого предания о Кудым-Оше // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. — Саранск, 1972.

[85] См.: *Оборин В. А.* Основание и ранняя история Кудымкара // Наш край. — Кудымкар, 1970. — Вып. 4. — С. 121.

www.perm-book.ru

ми-пермяцкого общества[86]. В каждом из двух ее вариантов выделяются по четыре племенных территории, что говорит, возможно, о сохранении дуально-фратриального деления. Между ними находились незаселенные пространства в 50—70 км. Внутри территорий племен выделяются еще более компактные группы памятников, число которых тоже чаще всего четное (6—8—10). Эти группы находятся на расстоянии от одного—двух до пяти—десяти километров одна от другой. Очевидно, это территории патронимий, которые могут превратиться в соседские общины, даже если формально состоят из родственников[87].

Такие же группировки памятников были выделены Б. А. Рыбаковым у восточно-славянских племен в VIII—IX вв.[88] В сравнении со славянскими территории соседских общин коми-пермяков находились на большом удалении друг от друга (у славян не дальше 5 км), так же как и отдельные племена (у славян не далее 20—30 км). В восточно-славянских союзах племен также выделяется четное число племенных территорий (2—6—8)[89]. Аналогии группировок памятников родановской культуры XII—XV вв. с восточно-славянскими периода зарождения феодальных отношений говорят в пользу одинакового направления общественного развития, хотя и в более поздний период.

В родановской культуре происходила схематизация тотемических образов Пермского звериного стиля и превращение их в декоративные мотивы, что говорит о постепенном отмирании древних родовых культов и замене их более широкими — межплеменными в виде поклонения антропоморфным идолам, трансформировавшимся позднее в известную пермскую деревянную скульптуру[90]. Предания о Кудым-Оше говорят о почитании всеми коми-пермяками небесных божеств — Солнца и Луны. На Искорском городище обнаружены остатки племенного языческого святилища, связанного с культом огня — Солнца[91].

В результате расслоения сельской общины у коми-пермяков XV в. сложился небольшой слой феодализирующейся ро-

---

[86] См.: *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып. 9. — С. 28—29.

[87] См.: *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе // ТИЭ. — М., 1960. — Т. 54. — С. 166.

[88] См.: *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. — М., 1969. — С. 27.

[89] См.: *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV веков // СА. — 1956. — Вып. 15. — С. 156—165.

[90] См.: *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. — Пермь, 1976. — С. 16—17.

[91] См.: *Оборин В. А.* Раскопки Искорского городища // АО. — 1976. — М., 1977. — С. 168.

www.perm-book.ru

до-племенной знати, опирающейся на военную дружину, захватывающей общинные земли, эксплуатирующей труд общинников[92]. Она приняла христианство и временно вошла в состав среднего звена русского государственного аппарата. Однако она не превратилась в настоящих феодалов, будучи оттеснена русскими феодалами. Коми-пермяки раньше других народов Урала были втянуты в систему русского феодализма. Зарождение феодальных отношений у них шло однотипно с восточными славянами.

Спорные вопросы общественного строя угорских народов Урала были аналогичны рассмотреным выше. С. В. Бахрушин считал, что накануне массовой русской колонизации в XV в. у них сложились на основе разложения родового строя феодальные отношения, сформировалась иерархия феодальной знати (князей) и первые объединения государственного типа — княжества[93]. В. Н. Чернецов высказал прямо противоположное мнение, что до XIX в. обские угры сохраняли родовой строй в стадии перехода от матриархата к патриархату[94].

Русские письменные источники, начиная с XV в. упоминают югорских (на Нижней Оби) князей, территория югры делится на станы, выделяются главный (большой) и подчиненные ему князья. Вогульские (по Пелыму, Лозьве, Сосьве, Туре) и кодские (кондинские) князья не были подчинены друг другу. Власть их передавалась по наследству[95]. Так называемые «князья» скорее всего были вождями племен, которым подчинялись родовые старейшины — сотники. «Большой вождь» возглавлял союз племен. Русские летописи упоминают «грады» или «городки» югры и вогуличей. Городища хантов (югры) нижнеобской культуры были небольшими, сильно укрепленными, с бедным культурным слоем. Часть их использовалась как поселения, где найдены остатки земляночных и полуземляночных жилищ (до 10—12), а часть как убежища. Им сопутствуют небольшие родовые могильники. Так же выглядели и городища юдинской культуры манси. Они имели от четырех—пяти до семи—десяти небольших жилищ и были удалены друг от друга на расстояние до 20—30 км[96].

---

[92] См.: История Урала. — Пермь, 1976. — Т. 1. — С. 35.

[93] См.: *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XV—XVII веках. — Л., 1935.

[94] См.: *Чернецов В. Н.* К истории родового строя у обских угров // СЭ. — М.; Л., 1947. — Вып. 6—7. — С. 159—183.

[95] См.: НЛСМИ. — 1950. — С. 425; УЛС. — 1950. — С. 83, 86, 94—95.

[96] См.: *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. — С. 213—237; *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII веках. — С. 242—244; *Морозов В. М.* Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования севера Евразии. — Свердловск, 1982. — С. 125—141.

www.perm-book.ru

По мнению этнографа З. П. Соколовой, собственно роды у хантов и манси не сложились. Самые простые объединения у них представляли собой кровнородственные группы патриархальных семей, имевших общего предка — тотема, объединявшиеся в экзогамные фратрии[97]. Только у южных групп манси под влиянием сибирских татар сформировались соседские общины. Небольшие курганные группы макушинского типа и городища и селища туралинского типа оставлены патронимиями или небольшими полукочевыми и оседлыми соседскими общинами сибирских татар XIV—XV вв., вклинившихся в среду угорского населения[98]. С ними сходны оседлые поселения «остяков» сылвенской культуры[99].

Нет серьезных оснований считать «княжества» угорского населения государственными образованиями, а их общественный строй в XV в. раннефеодальным. До XVIII в. здесь сохранялись пережитки патриархально-общинного строя, которые не были изжиты в системе русского феодализма[100], коллективное хозяйство и общинная собственность на охотничьи и рыболовные угодья. Имущественное расслоение базировалось на личной собственности на орудия производства и семейной собственности на скот (оленей). Долго сохранялись пережитки матриархата (левират, сорорат, относительное равноправие женщин и т. д.) и первобытные формы религии[101]. Рабство даже в патриархальной форме не получило большого развития. Определенного рода синтезом было вписывание родоплеменных отношений в систему русского феодализма, происходил также их синтез с патриархально-феодальными отношениями полукочевого и кочевого тюркского и тюркизированного угорского населения по обоим склонам Урала.

1.4. МИГРАЦИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Миграции нерусского населения на Среднем Урале начались задолго до массовой русской колонизации. Можно выделить два их типа: 1) стихийное расселение небольших

[97] См.: *Соколова З. П.* Страна Югория. — М., 1976. — С. 41, 114. Общественный строй у народов северной Сибири XVII — начала XX века. — М., 1970.

[98] См.: *Викторова В. Д.* Курганы у с. Макушино на р. Нице // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 247—250.

[99] См.: *Оборин В. А.* Камская археологическая экспедиция // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 206.

[100] См.: *Шунков В. И.* Генезис феодальных отношений в Сибири // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. — М., 1969. — С. 251—253.

[101] См.: *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX века. — Новосибирск, 1975. — С. 173.

www.perm-book.ru

групп, отпочковавшихся от своих общин и племен, характерное для первобытного общества. Переселение шло на свободные земли и в родственную этническую среду, чаще всего было мирным; 2) стихийные и регулируемые раннефеодальными государствами переселения с целью расширения территории и сферы феодальной эксплуатации. В ходе таких переселений, иногда прямо носивших форму захватов, возникали военные столкновения. Причинами миграций было наличие свободного фонда неосвоенных земель; бегство от феодальной эксплуатации, из районов, захваченных иноземными феодалами или разоренных военными действиями (например, монголо-татарским нашествием), уход от репрессий при подавлении народных восстаний (против тех же монголо-татар). Основными направлениями миграций было встречное движение по рекам: с юга на север и с севера на юг — по Каме и Оби с их притоками. Меньшее значение имели широтные перемещения с запада на восток и с востока на запад.

Наиболее длительной регулируемой миграцией была булгарская колонизация. Она началась сразу после создания государства волжских булгар и наиболее интенсивно протекала в XI—XIII вв. В это время булгарские памятники распространяются вверх по Каме до устья Белой [102] и до района Сарапула. В памятниках родановской, сылвенской и чепецкой культур распространяется булгарская керамика, ювелирные изделия, оружие, бытовые вещи. После разгрома Волжской Булгарии монголо-татарами часть ее населения переселяется на север — на Чепцу, Вятку, Белую и вверх по Каме, где встречается и булгарско-чувашская топонимика [103].

Распространение вещей булгарского типа и булгарской топонимики далеко на север отнюдь не говорит об освоении булгарами всего Прикамья, как считал М. В. Галицкий. Число этих вещей по отношению к местным и количество булгарских топонимов невелико. Однако небольшие группы булгар иногда образовывали небольшие торгово-ремесленные колонии на местных городищах или по соседству с ними (Городищенское, Рождественское) [104]. Рядом с ними появляются могильники с погребением по мусульманскому обряду.

Значение булгарской колонизации нельзя и недооценивать. С XII в. булгарские отряды доходили до Суздали и Се-

---

[102] См.: *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975. — С. 47, 67—68.

[103] См.: *Кривощекова—Гантман А. С.* Откуда эти названия? — С. 54—55.

[104] См.: *Белавин А. М.* О связях племен верхнего Прикамья с государством Волжских булгар // Источники по истории и культуре Башкирии. — Уфа, 1986. — С. 87.

www.perm-book.ru

верной Двины, вызывая ответные походы русских войск[105]. Экономические связи волжских булгар с русскими княжествами также простирались до Суздали, Белоозера[106] и Устюга, в раскопках которых найдены керамика и другие вещи булгарского происхождения. С домонгольского периода булгарская колонизация столкнулась с русской колонизацией северо-восточных районов Европы.

В XIV—XV вв. началась сначала стихийная, а затем и регулированная миграция в лесостепное и лесное Зауралье сибирских татар, осваивавших плодородные земли по Исети. Пышме, нижнему и среднему течению р. Туры[107].

В IX—XIII вв. с Ветлуги на правобережье среднего течения Вятки начинает проникать марийское население[108]. Приток марийцев в Малмыжско-Уржумское поречье усилился в период разорения их земель монголо-татарами[109]. Вместе с удмуртами с Чепцы они проникают на верховья Камы — в земли зюздинских коми-пермяков, а затем и на территорию северного варианта родановской культуры[110].

С IX в. в северные районы Прикамья переселяется комизырянское население вымской культуры[111]. На самом северном Искорском родановском городище на Колве в слое XIV—XV вв. керамика вымской культуры встречается вместе с русской керамикой, составляя 25% по отношению к остальной[112]. Вымская керамика и вещи найдены и на других родановских городищах: Острая Грива на Каме, Урольское около Чердыни. Переселение коми-зырян с XIV в. шло вместе с расселением русских поселенцев, иногда в одни населенные пункты. Русская колонизация не изменила направление миграций

---

[105] См.: *Кучкин В. А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство Волжских булгар в XII — первой трети XIII века // Историческая география России XII — начала XX века. — М., 1975. — С. 32—33.

[106] См.: *Голубева Л. А.* Славянские памятники на Белом озере // Сб. по археологии Вологодской области. — Вологда, 1961. — С. 45—46; *Седов В. В., Седова М. В.* Раскопки на Владимирской земле // АО — 1968. М., 1969. — С. 56.

[107] См.: *Еремин Г. И.* Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (К вопросу об этногенезе) // Вопр. истории СССР. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 417—422.

[108] См.: *Генинг В. Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа — С. 214—217.

[109] См.: *Халиков А. Х.* Марийская археологическая экспедиция 1956 г. // Тр. МарНИИ. — Йошкар-Ола, 1958. — Вып. 11. — С. 87—88.

[110] См.: *Оборин В. А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье // ВАУ. — Свердловск, 1962. — Вып. 2. — С. 99.

[111] См.: *Оборин В. А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. — М., 1969. — С. 163—165.

[112] См.: *Оборин В. А.* Миграции населения вымской культуры на Урал (XI—XV вв.) // Тез. докл. XVII Всесоюз. финно-угор. конф. — Устинов, 1987. — С. 69—71.

www.perm-book.ru

коми-зырян, но усилила их. Коми-зыряне поселялись в верховьях Камы среди зюздинских коми-пермяков и были ассимилированы ими, что привело к сближению зюздинского диалекта с коми-зырянским и к переходу промыслового коми-зырянского населения к земледельческому хозяйству. Здесь, как и в северных районах Коми-пермяцкого округа, встречается коми-зырянская топонимика [113]. Коми-зыряне и коми-пермяки проникали и на восточный склон Урала. В памятниках юдинской культуры манси найдены вещи родановского и вымского типов [114]. Здесь встречается коми топонимика. Отдельные группы коми-зырян доходили в XII—XIII вв. до Оби [115].

С предгорий Северного Урала и из северного Зауралья в Прикамье просачивалось югорское и ненецкое (самоядь) население [116], оставившее на памятниках родановской культуры керамику, металлических идолов и другие вещи нижнеобской культуры. Оно расселялось и на территорию юдинской культуры [117], где было ассимилировано близким по хозяйству и происхождению мансийским населением.

С IX в. удмурты расселялись с верховьев Чепцы на верховья Камы — к зюздинским коми и в верховья Иньвы и Обвы [118]. Они были ассимилированы коми-пермяками и оставили лишь удмуртские топонимы в этих местах. Происходило также расселение южной группы удмуртов племени Вятка на Чепцу и перемещение прикамской группы вверх по Каме [119].

Башкиры в XIII—XV вв. из Южного Приуралья расселялись на север — в Тулвинскую лесостепь и Сылвенско-Иренское поречье [120], а также на восток — в лесостепное Зауралье — на верховья Уфы, Чусовой, на Исеть, Пышму и Си-

---

[113] См.: *Кривощекова—Гантман А. С.* Откуда эти названия? — С. 37—38.

[114] См.: *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII веках. — С. 249—250.

[115] См.: *Морозов В. М., Пархимович С. Г.* Городище Перегребное-1 (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тысячелетия н. э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень, 1985. — С. 89—99.

[116] См.: *Оборин В. А.* Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX—XV веках // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. — Уфа, 1976. — С. 20—21.

[117] См.: *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII веках. — С. 246.

[118] См.: *Оборин В. А.* К вопросу об удмуртско-пермяцких связях в IX—XV вв. // Уч. зап. Мол. ГУ. — Харьков, 1956. — Т. 11. — Вып. 3. — С. 110—112.

[119] См.: *Оборин В. А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. — Уфа, 1964. — Т. 2. — С. 135.

[120] См.: *Голдина Р. Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа. — С. 32.

www.perm-book.ru

нару [121]. Обычно они селились на свободных землях, сохраняя скотоводческое хозяйство и редко переходили к оседлости. Началось их смешение с тюркизированным угорским и сибирским татарским населением. В XII—XIV вв. манси из предгорий западного Урала продвинулись на юго-запад, оттеснив коми-пермяков с левобережья Камы [122]. Часть их влилась в состав населения сылвенской культуры.

До начала массовой русской колонизации местное население заселило и освоило меньшую часть территории Среднего Урала, как в результате естественного прироста и внутренних перемещений, так и за счет миграций из соседних районов. Однако большая часть территории оставалась еще не населенной. В ходе расселения начали складываться крупные народности и устойчивые этнические группы, сформировались хозяйственно-культурные типы. На развитие общественного строя местного населения, представлявшего у большинства из них первобытно-общинный строй в разных стадиях разложения, так же как и на миграции, начали оказывать влияние соседние феодальные государства. Формирование феодализма у большей части местного населения к началу массовой русской колонизации не было завершено. Начавшаяся в XII в. русская колонизация столкнулась в Приуралье с булгарской колонизацией.

[121] См.: *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Зауральские башкиры // АЭБ. — Уфа, 1962. — Т. 1. — С. 172.

[122] См.: *Бадер О. Н., Оборин В. А.* На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958. — С. 186—188, 217—219.

Глава II
ПРОНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА УРАЛ. ВХОЖДЕНИЕ ПРИУРАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (конец XI — середина XVI в.)

2.1. НАЧАЛО ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА УРАЛ

Первые сведения об уральских землях появляются в русских источниках с конца XI в. В недатированной части начальной русской летописи среди данников Руси называются Пермь и Печора, но нет упоминания об Югре (угре) [1]. Оче-

[1] См.: ПВЛ. — М., 1950. — Т. 1. — С. 13.

www.perm-book.ru

видно, югра в период составления древнейшей части летописи еще не платила дани. Под названием Пермь русским были известны земли коми-зырян — Пермь Вычегодская или Старая. Об этнической принадлежности Печоры у исследователей нет единого мнения. В. Н. Чернецов считал ее предками лопарей (саамов) [2].

В 1092 г. богатый новгородец Гюрята Рогович «послах отрок свой в Печору, люди иже суть дань дающе Новугороду... а оттуда иде в Югру» [3]. Югра проживала восточнее Печоры, в предгорьях Северного Урала. От нее новгородцы получили первые сведения об Уральском хребте (большие «горы заидуче в луку моря», т. е. доходящие до Северного Ледовитого океана). В горах жил народ, дающий в обмен на железные вещи «скорою противу» — т. е. мехами. Именно меха среди всех богатств Урала привлекали сначала новгородцев, пускавшихся далеко на восток за сбором дани. В числе ее были «соболи, куница, белка» [4]. Новгородцы, очевидно, уже знали языки пермских народов, поскольку недалеко от Новгорода проживали чудь, весь и корела, рано вошедшие в состав новгородских волостей. Язык Перми Вычегодской относился к этой же ветви. Позднее русские переселенцы овладели и языком югры, а на первых порах пользовались услугами переводчиков коми-зырян, издавна живших с ней по соседству.

Первый поход новгородской дружины на Урал был частным предприятием одного из бояр или купцов. Новгородцы первыми проникли в северное Приуралье, обложили данью Пермь, Печору и Югру и завязали с ними торговые отношения. Одна из летописей говорит, что отрок Гюряты Роговича был послан «с торгом» [5]. В памятниках вымской культуры коми-зырян встречены находки новгородских вещей и западно-европейских монет, попадавших через Новгород [6]. На Сухоне и Мезени найдены погребения русских торговцев и дру-

---

[2] См.: *Чернецов В. Н.* К вопросу о древнем этническом субстрате в циркумполярной культуре. — М., 1964. — С. 9.

[3] ПВЛ. — М., 1950. — Т. 1. — С. 167. Эту дату А. А. Дмитриев определил, отсчитав, согласно ремарке летописца («я же слышах преже сих 4 лет»), 4 года назад от 1096 г. (Пермская старина. — Пермь, 1894. — Вып. 5. — С. 47). Д. С. Лихачев относил поход к 1114 г. (Комментарии к «Повести временных лет». — ПВЛ. — М., 1950. — Т. 2. — С. 457—458), так как под этим годом содержатся сходные сведения о северных странах. Нужно согласиться с А. А. Дмитриевым, что это был не первый поход русских в Приуралье, ибо под 1114 г. та же летопись говорит, что «живы еще старики, которые ходили за югру и за самоядь» — вероятно, еще в конце XI в.

[4] ПВЛ. — Т. 2. — С. 458.

[5] *Татищев В. Н.* История Российская. — М., 1963. — Т. 2. — С. 106.

[6] См.: *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. — М., 1971. — С. 80; *Канивец В. И.* Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале // МАЕСВ. — Сыктывкар, 1962. — Вып. 1. — С. 145—147.

www.perm-book.ru

жинников XI—XII вв.[7] В могильниках вымской культуры изделия из Северо-западной Руси составляли 49,6% всех привозных украшений[8].

Во второй половине XII в. русские проникают в Южное Приуралье по Волге. В 1157 г. новгородские ушкуйники совершили набег на булгарский город Бряхимов «на реце на Каме». В 1177 г. дружина владимиро-суздальских князей через земли волжских булгар также вышла в низовья Камы[9]. Кроме захвата военной добычи эти князья стремились сдержать булгарскую колонизацию Поволжья и Прикамья и овладеть волго-камским торговым путем. Они создают опорные пункты на северных подступах к Уралу, стремясь сдержать также и проникновение новгородцев на восток. В 1173 г. великий князь Всеволод Большое гнездо закладывает в устье р. Юг городок Гляден, рядом с которым в 1212 г. строится г. Великий Устюг. Его сын Юрий подчинил своему влиянию коми-зырян по Северной Двине, Вычегде, Сухоне и Югу и «пермские дани к себе ж взял»[10], распространив власть на земли, считающиеся волостями новгородскими. Владимиро-суздальское княжество завладело речными путями и волоками на подступах к Прикамью, создав условия для развития народной колонизации этого района из своих северных земель.

В конце XII в. новгородцы продолжали набеги на Северное Приуралье, преодолевая активное сопротивление местного населения сбору дани. В 1187 г. «избьены быша печерьские даньники и югорьскии... и перемьскии»[11]. В 1193—1194 гг. был совершен новый поход на Югру воеводы Ядрея, назначенного новгородским вечем при поддержке князя и архиепископа[12]. От частных предприятий Новгород переходит к сбору дани в восточных волостях в общегосударственных масштабах. Кроме мехов новгородцы требовали от Югры серебро (очевидно, в виде драгоценной посуды, полученной в обмен на меха, и использовавшейся в святилище — «храмине»). В составе отряда до 300 человек были зажиточные новгородцы («мужы вячщие»), священник и рядовые дружинники. Дружина осадила югорские городки, но встретила упорное сопротивление сбору дани. Постепенно запасы продовольствия

---

[7] См.: История культуры древней Руси. — М., 1948. — Т. 1. — С. 323; *Стоколос В. С.* Средневековое погребение на оз. Чойновты // МАЕСВ. — Сыктывкар, 1978. — Вып. 7. — С. 96—99.

[8] *Савельева Э. А.* Вымские могильники XI—XIV веков. — Л., 1987. — С. 198.

[9] ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 9—10. — С. 210—247.

[10] ВВЛ. — С. 257.

[11] НЛСМИ. — М.; Л., 1950. — С. 38, 229, 232—233; ПСРЛ. — СПб., 1841. — Т. 3. — С. 19.

[12] См.: НЛСМИ. — С. 40—41.

www.perm-book.ru

были исчерпаны и начался голод. Югра, собрав значительные силы, истребила организаторов похода, а рядовые дружинники вступили с ней в переговоры и выдали других руководителей. Часть «вячщих людей» была перебита самими новгородцами во время возвращения отряда в Новгород. Причиной неудачи похода было отсутствие опорных пунктов новгородцев на пути к Уралу, возникшие социальные противоречия внутри русского отряда.

Волжские булгары пытались помешать созданию русских центров на подступах к Уралу. В 1218—1219 гг. они дважды совершили набеги на Устюг [13]. В ответ войско владимиро-суздальского князя в 1220 г. вышло из «Юстьюга на верх Камы», спустилось до ее устья и «взяста по ней много градков» [14], первым войдя в Прикамье с севера. Тем самым были заявлены права на Приуралье, в чем проявились объединительные тенденции Владимирской Руси, начавшей собирать русские и нерусские земли. Этот поход сдержал продвижение булгар в Прикамье.

Новгородцы также пытались закрепиться в Прикамье, но делали это по частной инициативе, что не привело к образованию новгородских колоний. Местная летопись «Повесть земли Вятской» говорит о набеге новгородских ушкуйников в 1174 г. с Волги по Каме — на Чепцу и Вятку [15], в результате которого были основаны два русских городка на месте удмуртских городищ — Никульчин (ниже устья р. Чепцы) и Хлынов (Вятка). Сведения этой летописи вызывали сомнения историков (А. А. Спицын, П. Н. Луппов, А. В. Эммаусский и др.) [16]. Однако археологические раскопки обнаружили русские культурные слои конца XII — начала XIII вв. на Ни-

[13] См.: УЛС. — М.; Л., 1950. — С. 45.

[14] ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т. 25. — С. 116—117; *Кучкин В. А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство Волжских булгар в XII — первой половине XIII века. — С. 42—43.

[15] См.: Труды Вятской ученой архивной комиссии. — Вятка. 1905. — Вып. 3. — С. 33—34. В другом варианте этой летописи указана другая дата набега — 1181 г. (Памятник Вятской письменности XVII—XVIII веков. — Вятка, 1905).

[16] А. А. Спицын полагал, что в летописи допущена описка и правильной датой этого события следует считать 1374 г., когда упоминается набег ушкуйников на Вятскую землю в общерусских сводах (*Спицын А. А.* Розыскание о древнейших обитателях Вятской губернии // Мат-лы по археол. восточных губерний России. — М., 1893. — Вып. 1. — С. 178). П. Н. Луппов считал Вятский летописец просто фальшивкой. Его поддержали А. В. Эммаусский и А. Ф. Трефилов (*Луппов П. Н.*, Исторический очерк Вятского края // Вятский край. — Вятка, 1929; *Эммаусский А. В.* Вятская земля в период образования Русского государства. — Киров, 1949. — С. 5, 9; *Трефилов А. Ф.* Удмурты в период образования русского централизованного государства в XV—XVI веках // Зап. УдНИИ. — Ижевск, 1951. — Вып. 15. — С. 78), хотя и оговаривались, что первые русские поселения на Вятке возникли в XII—XIII вв. и в составе их населения были новгородцы.

www.perm-book.ru

кульчинском городище, в центре г. Кирова, в г. Орлове (Халтурине), в г. Котельниче, в которых преобладают находки вещей новгородских типов, а также на Ковровском (в устье р. Моломы), Шаболинском городищах [17]. В Вятской земле было основано не менее 10 русских поселений. По мнению В. В. Седова, все они были городскими, поскольку рядом не обнаружены обычные для восточных славян курганы [18]. Л. Д. Макаровым в 1979 г. на Шаболинском городище найден ранний христианский могильник XII—XIII вв. [19] и исследовано сельское поселение «Искра». Вряд ли теперь можно сомневаться в том, что Вятская земля начала заселяться русскими с конца XII в. как новгородцами, так и из ростово-суздальских земель [20].

Древний Хлынов (Вятка) возник на месте двух городищ — удмуртского, принадлежавшего племени «Ватка», и русского «на Боляскове поле» в устье р. Хлыновицы, почему и имел двойное название. Такой тип формирования города характерен для ряда русских городов, в том числе и древнего Новгорода [21]. С начала возникновения Хлынов был русским городом с правильной уличной планировкой, бревенчатыми мостовыми, похожими на новгородские. Здесь найдены остатки жилищ, характерных как для Новгородской, так и Владимиро-Суздальской Руси. Вероятно, в состав его населения рано вошли и русские переселенцы из Поволжья. Он не стал новгородской колонией, поскольку осевшая в нем часть ушкуйников не была заинтересована в возвращении в Новгородскую землю и тем более в подчинении ей. Новгород не пытался использовать Хлынов как свой опорный центр, хотя ушкуйники вливались в состав его населения и позднее — в XIII—XIV вв. Он стал центром самостоятельного феодаль-

---

[17] См.: *Прокошев Н. А.* Новые данные о городищах близ г. Кирова // КС ИИМК. — М.; Л., 1939. — Вып. 2; Архив ЛОИА. — Ф. 35. — Оп. 2. — Д. 610; *Гуссаковский Л. П.* Отчет о раскопках в Кирове в 1957 г. — Архив ИА АН СССР. — Ф. Р-1. — № 1619; *Он же.* Отчет об археологических работах в г. Кирове в 1959 г. — Архив ИА АН СССР. — № 1922; Альбом к отчету 1960 г. о раскопках в г. Кирове. — Личный архив Гуссаковского; *Он же.* Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. — Свердловск, 1962. — Вып. 2; *Он же.* Древнерусский городок Орлов // КСИА. — М., 1967. — Вып. 110.

[18] См.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII веках. — М., 1982. — С. 196.

[19] См.: *Макаров Л. Д.* Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Слободского, Котельнического, Халтуринского, и Юрьенского районов Кировской области летом 1979 г. — Архив ИА АН СССР. — Ф. Р-1. — № 7465. — Л. 90.

[20] См.: *Макаров Л. Д.* Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1985. — С. 12—13.

[21] См.: *Янин В. Д., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (постановка проблемы) // Ист. СССР. — 1971. № 2. — С. 32—61.

www.perm-book.ru

ного образования, в политическом строе которого нашли отражение традиции новгородской боярской республики (ведущая роль торгово-земледельческой знати — боярства и купечества, отсутствие князей, заметная роль веча). Продвижение к границам Вятской земли владений Владимиро-Суздальской Руси усилило влияние с ее стороны [22]. Однако политическая самостоятельность Вятской земли создавала условия для сепаратизма, который вскоре начало проявлять ее руководство.

Русское население Вятской земли установило в основном мирные отношения с удмуртами и мари, поскольку осваивало незаселенные земли в среднем течении Вятки. Вхождение удмуртов в состав населения русских городов и сельских поселений усилило влияние на них русского феодализма в противовес булгарскому.

В XII — начале XIII в. устанавливаются торговые связи коми-пермяков с русскими княжествами, которые шли в основном через земли коми-зырян, где появилось оседлое русское население [23]. На памятниках родановской культуры встречаются находки русского оружия, украшений, предметов быта, металлической посуды [24], а вещи верхнекамского происхождения — на памятниках финно-угорского населения Владимиро-Суздальской и Новгородской земель [25]. Вещи южнорусского (киевского и черниговского) и владимиро-суздальского происхождения проникают через русские торговые колонии, существовавшие в Волжской Булгарии с X в. [26] От коми-зырян и коми-пермяков русские вещи распространяются на восточный склон Урала [27].

Проникновение русского населения на Урал началось в период феодальной раздробленности на Руси, когда феодализм развивался вглубь и вширь, за счет освоения новых территорий, расширяющих экономические ресурсы отдельных княжеств и сферу их феодальной эксплуатации. С юга русская колонизация сдерживалась кочевниками. Наиболее успешно она развивалась на севере Восточной Европы, где

---

[22] См.: *Эммаусский А. В.* Вятская земля в период образования Русского государства. — С. 7—14.

[23] См.: История Коми АССР. — Сыктывкар, 1978. С. 28.

[24] См.: *Оборин В. А.* Рассказывают археологические памятники // На Западном Урале. — Пермь, 1969. — Вып. 5. — С. 307—308; *Он же.* По следам далеких предков // Рассказы ученых. — Пермь, 1977. — С. 82—83.

[25] См.: *Голубева Л. А.* Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. — 1964. — № 3. — С. 131—132; *Она же.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. — 1966. — № 3. — С. 93.

[26] См.: *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 годах. — Харьков, 1956.

[27] См.: *Викторова В. Д.* Памятники лесного Зауралья в X—XIII веках. — С. 249; *Морозов В. М., Пархимович С. Г.* Городище Перегребное-1. — С. 96—97.

www.perm-book.ru

часть нерусского населения давно вошла в состав Древнерусского государства, а путем ассимиляции — и в состав древнерусской народности [28]. Опыт мирных отношений с финно-угорскими племенами был использован русскими при их продвижении по Уралу. Ранняя русская колонизация Приуралья включала не только мирные, но и военные формы. Военные формы были нередки в то время и в отношениях между самими русскими княжествами, в объединительных действиях сильных княжеств по отношению к соседям.

Не имея еще возможностей прочного освоения удаленных приуральских земель, основной формой феодальной зависимости нерусского населения русские княжества избирали испытанную форму эпизодического данничества — коллективной эксплуатации, — сложившуюся со времен формирования Древнерусского государства. Сбор дани серебром и мехами был равносилен денежным сборам, поскольку денежная система древней Руси включала и то и другое [29]. Затем сбор дани упорядочивался, строились административные центры для ее регулярного сбора, размеры ее фиксировались. Продвигаясь к Уралу, русские проводили разведку удобных путей, выявляли природные богатства. На этом этапе частновладельческая и государственно-феодальная инициатива еще преобладала над вольнонародной, хотя народные массы принимали активное участие в движении на восток, заселяя сначала Вятскую землю. Между новгородцами и ростово-суздальцами по мере соприкосновения границ их владений и путей продвижения на Урал возникает соперничество за ведущую роль в освоении этого края.

На дальнейший ход русской колонизации Урала оказало влияние монголо-татарское нашествие и начавшееся продвижение захватчиков в земли, примыкающие к Уралу.

2.2. ВЛИЯНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ НА ОСВОЕНИЕ УРАЛА

В 1236 г. монголо-татары вторглись в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье. Волжская Булгария была включена в состав Золотой Орды. После разгрома булгарского государства монголо-татары захватили башкирские земли. Сюда же переселяются группы булгар, спасающихся от разорения. С их приходом усиливается влияние ислама на башкирское

[28] См.: *Пашуто В. Т.* Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С. 92—93.

[29] См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. — Л., 1983. — С. 57.

www.perm-book.ru

общество. Мусульманский обряд погребения вытесняет курганные захоронения. Появляются погребения феодальной башкирской знати в мавзолеях (кашене), мусульманские надписи на каменных стелах [30]. Знать использует ислам для идеологического обоснования эксплуатации сородичей. Основная масса общинников не приняла его или восприняла лишь формально-обрядовую сторону, долго сохраняя древние языческие культы. Сопротивление распространению мусульманства стало одной из форм национальной и классовой борьбы. Монголо-татары привлекли башкирскую феодализирующуюся знать на свою сторону, раздали ей тарханные грамоты на пастбища за службу захватчикам. Общинники же испытывали двойной гнет — собственных феодалов и тяжелый государственно-феодальный со стороны Золотой Орды.

Золотая Орда тормозила развитие местных процессов феодализации. Она нанесла серьезный урон производительным силам башкирского общества. Захватчики угоняли скот, брали ясак мехами и дань в виде десятой части стад, угоняли башкир в рабство, обложили их военной и подводной повинностями, ввели таможенные поборы. Племена натравливались друг на друга, намеренно разрушались их военно-политические союзы, которые могли стать основой государственного и этнического объединения. Монголы консервировали родоплеменную организацию, используя ее как удобную форму для сбора налогов и отправления повинностей общинниками.

В 1240 г. монголо-татары опустошили удмуртские земли правобережья нижнего течения Камы и включили южных удмуртов в состав особой области — Арской даруги, которую обложили тяжелым ясаком. Местное население этого района бежало к северным удмуртам — на Вятку и Чепцу и в Верхнее Прикамье. В середине XIII в. возник город Ар — административный центр Золотой Орды, в котором поселилась часть булгарских феодалов как вассалы монголо-татар. Создалась реальная угроза русскому населению Вятской земли. Татарские отряды проникали и в Верхнее Прикамье. В памятниках родановской культуры встречаются золотоордынские монеты, поливная посуда, татарские украшения, единичные погребения по обряду кочевников [31].

Из завоеванных монголами русских княжеств наибольшему разорению подверглась Владимиро-Суздальская земля.

---

[30] См.: *Халиков А. Х.* Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. — Уфа, 1971. — Т. 4. — С. 35—36; *Мажитов Н. А.* Тайны древнего Урала. — Уфа, 1973. С. 174—180.

[31] См.: *Оборин В. А.* Рождественское городище и могильник // Учен. зап. Перм. ун-та. — Харьков, 1953, — Т. 9. — Вып. 3. — С. 176; *Он же.* Камская археологическая экспедиция 1955 г. // КС ИИМК. — М., 1959. — Вып. 74. — С. 108.

www.perm-book.ru

Назначались татарские наместники для сбора дани, в 1262 г. в Устюг был назначен баскак Буга[32]. Татарские отряды совершали набеги на прикамские земли, угоняя в плен местное и русское население. В 1240—1241 гг. русское население Вятской земли приняло участие в восстании удмуртов и мари против монголо-татар[33]. Вятская земля не могла рассчитывать на поддержку других княжеств, и ее правители пошли на сговор с Ордой, допустив татарских купцов в свои города. Почти на сто лет прекратились походы русских дружин в приуральские земли. Татарская колонизация шла навстречу русской и сдержала ее продвижение в приуральские земли. В регулярные походы за данью с Руси татары стремились втянуть башкир и удмуртов, настроить их против русских. Эти походы нередко шли через Прикамье. Колонизация продолжалась и после распада Золотой Орды новыми феодальными образованиями, возникшими на ее месте. В Приуралье наибольшую активность в этом проявляло Казанское ханство.

Тяжелое монголо-татарское иго вызвало массовый отлив русского и нерусского населения из разоренных татарами районов на новые земли, что ускорило их освоение. Булгары и башкиры бежали в Среднее и Верхнее Прикамье. С XIII в. на памятниках родановской и чепецкой культур резко увеличивается число находок булгарских вещей, в том числе глиняной посуды, что свидетельствует уже не о торговле, а о поселении небольших групп булгар в среде местного населения. Булгарская керамика распространяется в северных районах расселения коми-пермяков — по р. Колве и ее притокам[34]. Русское население Нижегородско-Суздальского княжества бежало в Вятскую землю[35]. Крестьянская колонизация этого района Прикамья усилилась. В Приуралье переселялись из занятых татарами районов марийцы и мордва.

В XIV в. усилилась борьба покоренных монголо-татарами народов Приуралья за освобождение от ига завоевателей. Народные предания рассказывают о молодом башкирском батыре Иркбае, возглавившем успешный поход против завоевателей[36]. Часть башкирских феодалов, недовольная ограничением своих возможностей эксплуатации монголо-татарами, становилась во главе движения народных масс, что затушевывало возникающие внутренние классовые противоречия.

---

[32] См.: УЛС. — С. 4.

[33] См.: ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 12. — С. 35.

[34] См.: *Оборин В. А.* Раскопки памятников позднего средневековья в Верхнем Прикамье // АО — 1981. — М., 1983. — С. 168.

[35] См.: *Эммаусский А. Б.* Вятская земля в период образования Русского государства. — С. 12.

[36] См.: Очерки по истории Башкирской АССР. — Уфа, 1956. — Т. 1. — С. 51.

www.perm-book.ru

Монголо-татарское нашествие нанесло тяжелый урон населению Приуралья и Южного Урала. Башкиры и южная часть удмуртов попали под иго Золотой Орды, а после ее распада территории формирующихся народностей были расчленены между разными феодальными государствами, возникшими на ее развалинах. Реальная угроза порабощения нависла над коми-пермяками, северными удмуртами и русским населением Вятской земли. Развитие экономики населения Приуралья значительно замедлилось.

В XIV—XV вв. борьба народов Восточной Европы против монголо-татарского ига усиливается и ведущую роль в ней начинает играть формирующееся Русское государство.

2.3. ВХОЖДЕНИЕ ПРИУРАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале XIV в. возобновляются походы новгородских дружин на Урал за сбором дани, а политику владимиро-суздальских князей продолжали правители возвышающегося Московского княжества. Между ними разгорается борьба за право сбора дани, часть которой должна была идти в Золотую орду. В 1324 г. брат Ивана Калиты Юрий Данилович добился участия Новгорода в совместной уплате дани в Орду, из числа собранной в Приуралье. В том же году во главе объединенного русского войска он из Устюга «поиде... в Орду, а шел на Пермь Великую и поиде по Каме реке»[37] — т. е. тем же путем, которым более ста лет назад проходило войско владимиро-суздальских князей. Летопись впервые называет земли Верхнего Прикамья Пермью Великой.

Московские князья, понимая роль Устюга как опорного центра на пути к Уралу, прибрали его к своим рукам. В 1328 г. Иван Калита выдал дочь за ростовского князя Константина, сидевшего в Устюге[38], а потомков этого князя превратил в московских наместников. В том же году он посылает на Печору ватагу для рыбного промысла во главе со своим ставленником Михаилом и пишет в данной ему грамоте, что те земли «ведает Михайло по пошлине, како-то было при моих дедах и при моем брате при старейшем», т. е. подчеркивает преемственность своих владений и владимиро-суздальских князей. В другой грамоте он освобождает своих сокольников на Печоре от всяких даней и пошлин (со стороны новгородцев), в ней же упомянуты «старосты» — служащие московского князя в приуральских землях[39].

В 1332 г. Калита «возверже гнев на Новгород прося у

[37] ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 10. — С. 189.
[38] См.: УЛС. — С. 53; ПСРЛ. — М., 1949. — Т. 25. — С. 169.
[39] ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 1—2.

www.perm-book.ru

них серебра закамьское»[40] для уплаты ордынской дани. В Воскресенском списке летописи серебро называется «закаменьским». На Урале не было природных запасов серебра. Очевидно, летописцам было известно серебро, которое в виде драгоценной посуды и монет находилось на святилищах местного населения по обоим склонам Урала и поступало в обмен на пушнину из стран Ближнего Востока и Средней Азии как задолго до проникновения сюда русских, так и во время их походов на Урал[41]. В 1333 г. новгородцы «дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен московский начал взимать дани с пермские люди»[42]. Формально еще признавая права Новгорода на его восточные волости, фактически Калита распоряжается в них как в своей вотчине, устанавливает здесь свой аппарат управления, и земли коми-зырян попадают в политическую зависимость от Московского княжества[43].

При Дмитрии Донском Московское княжество становится ядром формирования Русского государства и центром борьбы с монголо-татарским игом[44]. Борьба за приуральские земли стала частью борьбы за расширение территории государства, за использование их не только как источника материальных ресурсов, но и как плацдарма для борьбы с Золотой Ордой, поскольку нередко ответные удары на набеги ордынцев совершались через прикамские земли. В 1363 г. Дмитрий, продолжая политику Калиты, отдает «в кормление» своему наместнику Андрею Фрязину земли на Печоре, с правом брать подводы для московских служителей не только на Печоре, но и в Перми[45].

В 1364 г. новгородцы, не желая терять уральские земли, совершают первый поход на восточный склон Урала, перевалив через хребет и дойдя до низовьев Оби[46]. Ими были построены первые русские городки в Зауралье. Один из них на р. Сыгве назывался Ляпин по имени одного из руководителей похода — Степана Ляпы[47].

---

[40] НЛСМИ. — С. 99, 344.

[41] См.: ПСРЛ — СПб., 1856. — Т. 7. — С. 203; *Лещенко В. Ю.* Серебро Закамское — Пермь, 1974; *Федорова Н. В.* Два серебряных сосуда из района г. Сургута // СА. — 1982. — № 1. — С. 183—194.

[42] ВВЛ. — С. 257.

[43] См.: *Давыдов В. Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. — Сыктывкар, 1977. — С. 24—25. Однако нет никаких оснований считать, как это делает автор, что в XIII — начале XIV в. под власть ростовских князей попали и земли коми-пермяков.

[44] См.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. — М., 1960. — С. 557—662.

[45] См.: ААЭ. — Т. 1. — С. 3.

[46] См.: ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — С. 90—91; ПСРЛ. — М.; Л., 1965. — Т. 30. — С. 114.

[47] См.: *Кочедамов В. И.* К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // КСИА. — М., 1968. — Вып. 113. — С. 67—69.

www.perm-book.ru

В том же году Дмитрий Иванович отстранил от управления Устюгом ростовского князя Константина, как не сумевшего помешать успешному походу новгородцев в Зауралье — «взял от тово Ростов и Устюг и пермские места Устюгские», а в 1367 г. «люди пермские за князя же Дмитрея крест целовали, а новугородцом не норовили»[48]. В XIV—XV вв. на землях коми-зырян появляются русские поселения или поселения со смешанным коми-русским населением. На них обнаружены жилые и хозяйственные постройки древнерусского типа, русская гончарная посуда с линейным и волнистым орнаментом, железные серпы, косы-горбуши, русские украшения и крестики[49].

В конце XIV в. вхождение Перми Вычегодской в состав Русского государства было закреплено деятельностью энергичного миссионера Степана Храпа, позднее названного Стефаном Пермским. В 1383 г. московский митрополит Пимен с согласия Дмитрия Донского ставит его во главе новой Пермской епархии[50], которая позднее распространила свою деятельность и на земли Верхнего Прикамья. В «Житии Стефана Пермского» дано подробное описание границ Перми Великой, которую считали тяготевшей к Москве. В нем говорится об установлении московского аппарата управления в землях коми («тивуны и довотщики и приставницы») и о распространении в них феодального гнета — «тяжести быша и дани тяжкие и насильства». Дань по-прежнему собиралась мехами. Коми-зырянский старейшина-сотник Пам говорил Стефану, что «нашею ловлею и ваши князи и бояре... обогащаеши суть»[51].

В XIV — начале XV в. на землях Верхнего Прикамья появляется оседлое русское население. Часть его селилась вместе с коми-пермяками, входя в состав их соседских общин. На десяти поселениях родановской культуры встречаются не только русские вещи, но и русская гончарная посуда. На Искорском городище на р. Люнве — притоке Колвы она составляла 51,8%[52] всей найденной на нем. Самая ранняя часть этой посуды (глиняные горшки с хорошо профилированной шейкой, с линейным и волнистым орнаментом, неорнаментированные миски) имеет аналогии среди керамики древнего Новгорода XIV—XV вв. На городище, возникшем в IX в. как

---

[48] ВВЛ. — С. 257—258.

[49] См.: *Савельева Э. А., Малышев Н. П.* Чабровское городище // МАЕСВ. — Сыктывкар, 1977. — Вып. 6. — С. 68—80.

[50] См.: ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 11. — С. 82.

[51] Повесть о Стефане, епископе Пермском // Памятники старинной русской литературы. — СПб., 1862. — Вып. 4. — С. 123—138, 141.

[52] См.: *Оборин В. А.* Раскопки Искорского городища // АО — 1976. — М., Наука, 1977. — С. 168—169; *Он же.* Раскопки Искорского городища и святилища // АО — 1980. — М., С. 147.

www.perm-book.ru

поселение коми-пермяков, 33,2% составляет керамика родановской культуры. Вместе с ней и русской посудой найдена керамика позднего этапа вымской культуры коми-зырян (15% всей посуды). Очевидно, в XV в. это коми-пермяцкое поселение становится местом совместного их обитания с русскими и пришедшими вместе с ними коми-зырянами. Здесь найдены также и украшения вымской культуры. В Анюшкарском могильнике на Иньве русское погребение было совершено рядом с коми-пермяцкими[53]. Русские использовали местные городища для защиты от внешних врагов[54].

Началась стихийная русская крестьянская колонизация края, которая шла в основном с севера, из бывших ростово-суздальских земель, отошедших к Москве. Исследования русского населения Севера показывают, что в верховьях Северной Двины с ее притоками в быту русского населения прослеживаются ростово-суздальские и московские традиции[55]. В культуре русского населения Приуралья явно преобладали те же самые традиции[56].

В начале XV в. (между 1401 и 1409 гг.)[57] на Верхней Каме строится первый русский укрепленный городок Анфаловский, названный именем двинского воеводы Анфала Никитина, перешедшего на сторону Москвы и бежавшего в Приуралье от преследования новгородских властей. После гибели Анфала (в 1417 г.) он продолжал использоваться русскими отрядами до конца XV в.[58] Археологические поиски городка пока не дали положительных результатов. Однако наиболее вероятно, что он находился в окрестностях с. Бондюг, Чердынского района, Пермской области, около которого найдены русский меч, обрывки кольчуги и клад русских монет XV в.[59] По мнению Г. А. Бординских, он располагался к северу от коми-пермяцкого, а затем и русского поселения — Чердыни в

---

[53] См.: *Оборин В. А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье // ВАУ. — Свердловск, 1962. — Вып. 2. — С. 99.

[54] См.: *Оборин В. А.* Использование русским населением в XV—XVII веках поселений нерусского населения на Урале // Древности Волгокамья. — Казань. 1977. — С. 119—122.

[55] См.: *Витов М. В.* Русский Север в этническом отношении // Историческая география России. — М., 1970. — С. 162—172; *Власова И. В.* Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII — первой четверти XX века // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л., 1973. — С. 30—46.

[56] См.: *Чагин Г. Н.* Формирование русского населения Северного Прикамья в конце XVI — начале XX века. История расселения, землепользования, жилища: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1981. — С. 13, 18.

[57] См.: НЛСМИ. — С. 356; УЛС. — С. 70; ПСРЛ. — Т. 25. — С. 239.

[58] См.: ПСРЛ. — Т. 18. — С. 241; Иосафовская летопись. — М., 1957. — С. 79; и др.

[59] См.: *Оборин В. А.* Немые свидетели. — Пермь, 1965. — С. 87—92.

www.perm-book.ru

нижнем течении (устье) р. Лызовки[60]. С именем Анфала, возможно, связано название Анфаловского лога около Чердыни, озера Анфаловского и фамилии Анфаловых в этом же районе.

В первой четверти XV в. вологодские посадские люди Калинниковы начали разработки соляных рассолов на р. Боровой, а в 1430 г. перенесли промысел в низовье р. Усолки, где возникает первое русское промышленное поселение, выросшее затем в город Усолье Камское (Соликамск)[61], положившее начало посадской колонизации Верхнего Прикамья. До возникновения здесь русского поселения на новом месте, у выходов соляных рассолов, там уже жили коми-пермяки. К северу от низовьев Усолки обнаружены два городища родановской культуры (у д. Тетериной и с. Городище) и группа селищ — южнее, на берегах Чашкинского озера — старицы р. Камы[62]. По мнению А. М. Белавина, в XII—XIII вв. на Городищенском городище существовала булгарская торговая фактория и основным товаром для обмена служила соль, которую начало разрабатывать местное население. Здесь же найден и медный русский крестик.

В конце XIV и начале XV в. продолжалась борьба русских с татарами, в которую было втянуто русское население Приуралья. В 1391 г. хан Тохтамыш направил отряд своего сына-царевича Бектута на Вятскую землю, который разорил город Вятку и угнал в плен часть его жителей[63]. На помощь вятчанам, хотя и с опозданием, пришли устюжане и представители других русских земель. Спустившись по Вятке в Каму, они нанесли ответный удар по булгаро-татарским городам — Жукотину и Казани[64].

Одним из этапов борьбы за создание Русского государства была феодальная война середины XV в. В эту борьбу были втянуты и жители прилегающих к Уралу земель. Устюжане выступали на стороне великого князя, а вятчане поддерживали галичских князей, отказывались ему подчиняться[65]. В 1451 г. Василий II Темный направил в Пермь Вычегодскую

---

[60] См.: *Бординских Г. А.* На заре истории Чердыни (IX — начало XVII в.) // Город древний и вечно молодой. — Чердынь, 1985. — С. 14.

[61] См.: *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания древностей. — СПб., 1821. — С. 3—4.

[62] См.: *Оборин В. А.* Возникновение и ранняя история Соликамска // Наш Соликамск. — Соликамск, 1983. — С. 9; *Белавин А. М.* Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. — Устинов, 1986. — С. 13—142.

[63] См.: ПСРЛ. — Т. 25. — С. 219.

[64] См.: ПСРЛ. — Т. 11. — С. 126; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. — М.; Л., 1950. — С. 438.

[65] См.: *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 109—112.

www.perm-book.ru

наместника, русского вереинского князя Ермолая, поддерживавшего в феодальной войне великого князя, а его старшего сына «Михаила Ермолича отпустил на великая Пермь на Чердыню... ведать им волости... по грамоте наказной по уставной»[66]. Великий князь рассчитывал на поддержку этих удельных князей в борьбе с галичскими на восточной окраине государства и, возможно, хотел оторвать их от родовых гнезд и полностью перевести на положение московских служилых людей[67].

Назначение московского наместника означало мирное включение Перми Великой в состав Русского государства, где уже имелось немногочисленное русское население. Резиденцией наместника стал город Чердынь, впервые упомянутый русскими источниками. В 1455 г. была сделана попытка закрепить присоединение Перми Великой религиозным путем. Епископ Питирим «приездил в Великую Пермь на Чердыню крестити к святой вере чердынцов». «Того лета шли на Пермь безверныи вогуличи, Великую Пермь воевали, Питирима идуще к Перми поимали и убили»[68]. В Чердыни, кроме русского, было и местное некрещеное коми население. На двух мысах высокого правого берега р. Колвы, разделенных глубоким оврагом, обнаружены два коми-пермяцких городища родановской культуры. Оба они возникли в IX в. На одном из них — Вятском городище — раскопаны остатки хозяйственных построек, на другом — Троицком — культурный слой родановской культуры был перекрыт ранним русские культурным слоем[69]. К северу, востоку и югу от них находилось еще несколько родановских селищ и городищ.

Если верхушка коми-пермяков относительно мирно приняла христианство, то родоплеменная знать вогуличей (манси) активно этому сопротивлялась, борясь за языческую религию как средство сохранить свои привилегии. Во главе отряда, напавшего на Питирима, стоял пелымский князь Асыка, которого поддерживали вятские сепаратисты, не желавшие усиления московского влияния в Предуралье. Этот набег был реакцией пелымских князей на мирное присоединение Перми

---

[66] ВВЛ. — С. 261.

[67] До этого историки считали, что великопермские князья были представителями местной — коми-пермяцкой феодальной знати (*Савич А. А.* Прошлое Урала. — Пермь, 1925. — С. 19—20; *Ульянов Н. И.* Очерки истории народа коми — С. 68—71). К сожалению, эту версию повторяют и самые новые издания. См.: История Коми АССР. — Сыктывкар, 1978. — С. 30. Летопись же совершенно определенно говорит, что родоначальник династии великопермских князей Михаил был по происхождению русским, сыном вереинского князя.

[68] ВВЛ. — С. 262.

[69] См.: *Оборин В. А.* Раскопки в Чердыни // АО — 1984. — М., 1986. — С. 147.

www.perm-book.ru

Великой к Русскому государству и положил начало их последующим набегам на приуральские земли.

В 1462 г. новый пермский епископ Иона «добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести»[70]. «Княжатами», вероятнее всего, названы представители местной знати, на которую опирался Михаил. Успешная христианизация, проведанная Ионой, положила начало монастырской колонизации Перми Великой. В Чердыни строится первый на Урале Иоанно-Богословский монастырь— родовая усыпальница великопермских князей[71].

Новгород пытался использовать неблагоприятную для московских князей обстановку феодальной войны для укрепления своих позиций на северном Урале. В 1455 г. был совершен неудачный поход большого (3 тыс. человек) новгородского войска, разбитого югрой по частям[72]. Он стал последним походом новгородцев на Урал. Подступы к Уралу были перекрыты владениями московских князей. Пермь Вычегодская, Печора и Пермь Великая управлялись московскими наместниками. В 1465 г. впервые московское войско во главе с устюжским воеводой Василием Скрябой выходит на восточный склон Урала. Югорские князья обязались платить дань московскому князю[73].

Во второй половине XV в. обстановка в Прикамье была довольно сложной. С юга угрожало Казанское ханство, из которого совершались разорительные набеги, в результате которых «Вятка и Пермь от казанцев запусте»[74]. Сибирское ханство подстрекало набеги пелымских князей на русские владения в Приуралье. Пермь Великая и Вятская земля не могли ждать существенной помощи из Москвы. Находясь в относительной изоляции, бывшие удельные вереинские князья чувствовали себя почти независимыми от центральной власти. Правители Вятской земли вели сепаратистскую политику заигрывания с казанскими ханами, оказывая влияние на великопермских князей. Правительство Русского государства понимало опасность отпадения восточных окраин и пыталось воздействовать на Вятскую землю и великопермских наместников. В 1458—1459 гг. совершаются два похода московских войск в Вятскую землю[75], а в 1462 г. войско «прошло по Ка-

---

[70] ВВЛ.—С. 262; *Шишонко В. Н.* Пермская летопись.—Пермь, 1881.—Первый период.—С. 26.

[71] См.: АИ.—СПб., 1841.—Т. 1.—С. 397—398; *Голубцов В. В.* Князья Великопермские и вымские (1463—1640 гг.) // ТПУАК.—Пермь, 1892.—Вып. 1.—С. 75—79.

[72] См.: НЛСМИ.—С. 425; ПСРЛ.—СПб., 1889.—Т. 16.—С. 187.

[73] См.: УЛС.—С. 86; ПСРЛ.—Пг., 1921.—Т. 24.—С. 185.

[74] Казанская история.—М.; Л., 1954.—С. 48.

[75] См.: ПСРЛ.—Т. 12.—С. 112; Т. 25.—С. 275—276.

www.perm-book.ru

ме в Великую Пермь»[76]. В 1467 г. в походе на зауральских вогуличей приняли участие «пермяне из Чердыни»[77]. Однако вятчане помогли бежать из русского плена вогульскому князю Асыке.

Зависимость приуральских земель от Москвы была непрочной, что сказалось во время набега казанского хана Обреима на Пермь Великую в 1468 г.[78], когда большая часть вятчан уклонилась от участия в ответном ударе русских войск, разбивших татар и вернувшихся в Устюг через Пермь Великую. Во время похода 1471 г. русское войско было вынуждено снять осаду с Казани, так как ожидаемый из Перми Великой отряд так и не пришел для удара татарам в тыл — «чердынцы убоясь не пошли, за казанцев задалися»[79].

В 70—80-х годах XV в. завершается объединение русских земель в Русском государстве. После поражения в битве при Шелони в 1471 г. Новгород был вынужден дать отказную грамоту на все свои восточные волости, включая пермские[80], что юридически оформило их включение в состав Русского государства. В 1471 г. Иван III организует поход на Пермь Великую, поскольку создалась реальная угроза ее отпадения: «пермяки за казанцев норовили, гостям казанским почести воздавали, людям торговым князя великова грубили»[81]. Во главе отряда был поставлен известный русский полководец князь Ф. Д. Пестрый, само имя которого как участника успешных походов на Казанское ханство и битвы при Шелони должно было произвести впечатление на великопермских князей.

Обстоятельства похода русского войска в Пермь Великую в 1472 г. уже изучены историками[82]. Остановимся лишь на некоторых его особенностях. Поход был организован при энергичной поддержке пермского епископа Филофея, подобравшего для войска проводников[83]. В нем участвовал объединенный отряд устюжан, белозерцев, вологжан и вычегжан. Он двигался очень быстро, выйдя из Устюга зимой 1471 г. и закончив поход весной 1472 г. Без боя сдались городки Урос, Чердынь и Покча, и единственное сражение произошло под городком Искором на р. Колве. Князь Михаил не оказал сопротивления, а один из его сотников — Зырян «по опасу при-

---

[76] УЛС. — С. 85.
[77] ВВЛ. — С. 262.
[78] См.: ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 91—92.
[79] ВВЛ. — С. 262.
[80] См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — С. 154.
[81] ВВЛ. — С. 262.
[82] См.: *Пушвинцев И. С.* Путь рати Федора Пестрого в 1472 г. // Чердынский край. — Чердынь, 1928. — Вып. 3. — С. 8—9; и др.
[83] См.: УЛС. — С. 74; ПСРЛ. — Т. 11. — С. 9; Т. 26. — С. 187.

www.perm-book.ru

шел». В сражении приняли участие немногие представители местной племенной знати.

Русское войско вернулось в Устюг без потерь — «рать вся цела», «ратные люди пришли все в целости»[84]. Михаил и его «сотники» Бурмат, Мичкин, Коча и Исур были отправлены в Москву и «князь великий отпустил Михаила на Пермь княжити»[85]. Было подтверждено вхождение Перми Великой в Русское государство. Поход больше имел значение морального воздействия, чем военной операции, способствовав укреплению восточных границ Русского государства, сохранению плацдарма для борьбы с татарскими ханствами и освоению приуральских земель[86].

Федор Давыдович Пестрый был послан Иваном III «в Великую Пермь воеводою». Он построил рядом с местным поселением русский укрепленный городок в Покче и «всю Пермскую землю под дань привели к великому князю»[87]. Одним из проявлений сепаратизма великопермских князей, видимо, был отказ от уплаты дани в государственную казну. Городок Урос (Урольское городище в 12 км к западу от Чердыни) прекратил свое существование вскоре после взятия его русской дружиной.

Раскопки этого городища показали, что поселение родановской культуры, являвшееся сильно укрепленным (два вала и рва, частокол) убежищем и металлургическим центром, использовалось с XI по XV в. В верхнем его слое найдена керамика вымской культуры и русская гончарная посуда XV в. с линейным орнаментом[88]. Чердынь осталась резиденцией великопермских князей. На Троицком городище (по названию церкви, поставленной на нем) культурный слой родановской культуры был перекрыт русским слоем XV—XVI вв., в котором находились остатки двух бревенчатых изб, найдено русское оружие (наконечники стрел, ядра пищалей и пушек), части кольчуг, медный крестик, русская посуда XV в. с линейным орнаментом, монеты Василия II и Ивана III[89]. На древний вал Троицкого городища в начале XVI в. был насыпан более высокий русский вал, расширен ров с частоколом по краю[90]. В массиве вала сохранились остатки клетевых

[84] ПСРЛ. — Т. 37. — С. 48, 93, 108.

[85] ВВЛ. — С. 262.

[86] См.: *Оборин В. А.* О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV веке // Исследования по истории Урала. — Пермь, 1976. — Вып. 4. — С. 3—14.

[87] ПСРЛ. — Т. 37. — С. 108.

[88] См.: *Оборин В. А.* Раскопки памятников позднего средневековья в Верхнем Прикамье — С. 168.

[89] См.: *Оборин В. А.* Раскопки в Чердыни // АО — 1984. — М., 1986. — С. 147.

[90] См.: *Шмыров В. А.* Оборонительные сооружения Чердыни в XVI—XVII веках // Из прошлого Чердынского края. — Пермь, 1974. — С. 11—20,

www.perm-book.ru

конструкций из плетня и жердей. Центральные клетки были забутованы галечником, внешние — глиной. Такой тип укреплений более характерен для родановских городищ и, возможно, в их сооружении принимали участие местные мастера. Городище было превращено в городской кремль. В 1504 г. Чердынь сгорела от пожара и сын убитого в 1481 г. во время набега вогуличей Михаила Матвей поставил новый городок в Покче [91].

Раскопки другого центра Перми Великой — Искорского городища — показали, что вал родановского городища был подсыпан русскими. В центре площадки был сооружен второй вал с частоколом и другими деревянными конструкциями, и городок продолжал использоваться как единственная крепость-застава [92], прикрывавшая с севера центр Перми Великой от набегов сибирских татар и вогуличей. Здесь найдено русское оружие, остатки срубных жилищ, очевидно, использовавшихся небольшим гарнизоном крепости, серебряная монета Ивана III [93]. Промежуток между первым и вторым валом долго назывался в народе «княжим местом» [94], сохраняя память о великопермских князьях, использовавших городище как временную резиденцию типа военной ставки.

Первые русские города в Прикамье становились военно-административными и религиозными центрами. Летописи, описавшие поход русского войска в 1472 г., говорят уже о возникающем административном делении края на Верхнюю землю (где находился Искор) и Нижнюю (с центром в Чердыни). Под защитой их укреплений начинается стихийное переселение крестьян, осваивавших их ближайшую округу. В Чердыни и Усолье Камском начинают развиваться ремесло и торговля. Они были многонациональными по составу населения, и в них происходило сближение русского и нерусского населения в экономическом, культурном и религиозном отношениях [95].

Пермь Великая недолго оставалась на положении особого княжества, управляемого великопермскими князьями. В 1505 г. Василий III «разгневан бысть и свел с Великие

---

[91] См.: УЛС. — С. 102.

[92] См.: *Оборин В. А.* Использование русским населением в XV—XVII веках поселений нерусского населения на Урале — С. 125.

[93] См.: *Оборин В. А.* Раскопки Искорского городища и святилища // АО — 1980. — М., 1981. — С. 147—148.

[94] *Попов В.* Древнейшие города Перми Великой — Искор и Покча // Сб. мат-лов для ознакомления с Пермской губернией. — Пермь, 1891. — Вып. 3. — С. 81—83.

[95] См.: *Оборин В. А.* Роль городов в формировании и освоении восточных окраин Русского централизованного государства в XV—XVII веках (на примере Урала) // Феодализм в России: Тез. докл. юбил. чтений к 80-летию акад. Л. В. Черепнина. — М., 1985. — С. 140.

www.perm-book.ru

Перми вотчича своего князя Матфея и родню и братьев его и в Перме велел быти наместником Василию Ондреевичу Ковер»[96]. Поводами для отстранения Матвея, возможно, послужили его самовольное строительство в Покче и недостаточное рвение в христианизации местного населения, на что обращал его внимание в 1501 г. московский митрополит Симон. Вместо особого княжения на правах наследственной вотчины в Перми Великой было введено обычное наместничье управление на основании уставной грамоты, с правом «кормления» и с периодической сменой наместников. В этом проявилась общая тенденция к усилению централизации Русского государства.

В конце XV и начале XVI в. военная опасность для Прикамья, даже после падения в 1480 г. татаро-монгольского ига с Руси, не ослабла, а усилилась со стороны Казанского и Сибирского ханств. В 1481 г. пелымский князь Асыка совершил новый набег на Пермь Великую, осадил Чердынь, сжег Покчу и «повосты разорив»[97]. К этому времени в Верхнем Прикамье существовали уже крупные русские сельские поселения — погосты, — в окружении деревень и починков. Крестьянская колонизация края продолжалась под защитой укрепленных городков.

На помощь русским поселенцам пришла устюжская дружина Андрея Мишнева, разбившая Асыку и шедший ему на помощь по Каме отряд тюменских татар[98]. Набег Асыки принес такой существенный урон, что правительству временно пришлось отказаться от переписи населения — «потому вогульское разорение»[99]. В 1483 г. чердынцы приняли участие в ответном походе русского войска во главе с Ф. Р. Курбским и И. И. Салтык-Травиным против Асыки и его сына Юмшана. За шесть месяцев отряд перешел Уральский хребет, захватил Пелым, опустился по Тавде в Иртыш, а по Иртышу вышел к среднему течению Оби, нанеся удар по центру Сибирского ханства[100]. На следующий год Асыка пришел в Москву с повинной, был обложен данью и дал обязательство «лиха не мыслити ни силы не чинити над пермскими людие, а князю великому правити во всем»[101], признав зависимость от Русского государства.

Однако югорские и вогульские князья постоянно нарушали эти обязательства. Для защиты от их набегов на Печоре около ненецкого городка Усташ (Пусты) был поставлен рус-

---

[96] ВВЛ. — С. 264.
[97] Там же. — С. 262.
[98] См.: УЛС. — С. 94.
[99] ВВЛ. — С. 263.
[100] См.: ПСРЛ. — Т. 26. — С. 276; УЛС. — С. 94.
[101] ВВЛ. — С. 263; ПСРЛ. — Т. 12. — С. 215.

www.perm-book.ru

ский городок Пустозерск[102]. В 1499 г., после похода русского войска во главе с С. Ф. Курбским, зимой на лыжах перевалившего через хребет, в Зауралье были построены еще шесть укрепленных русских городков[103]. Вогульские и югорские князья подтвердили свои даннические обязательства и на местах привели своих «людей к целованию по их вере за князя великого»[104].

С конца XV в. оборона с юга усилилась после закрепления Вятской земли в составе Русского государства. Политика заигрывания с казанскими феодалами, проводившаяся сепаратистской верхушкой, не находила поддержки в народных массах. Росло стремление искать помощи от татар у Русского государства. В 1489 г. Иван III двинул на Вятку большое войско. Рядовые горожане захватили сепаратистов и выдали их московским воеводам, впустив русские войска в Хлынов. Население Вятской земли, включая удмуртов и татарских князей, присягнуло на верность московскому великому князю. В Вятку были назначены московские наместники и создан обычный для Руси аппарат управления. Укрепленный городок Никульчин прекратил свое существование[105]. Население было обложено данью в государственную казну. Русскому населению Севера было разрешено на льготных условиях заселять свободные земли. Большинство удмуртов на правах черносошных крестьян жили рядом с русскими поселенцами, часть их осталась в крепостном состоянии у каринских татар на Чепце, а прикамские удмурты — в зависимости от казанских ханов[106]. Арские князья сохранили свои владения с правом феодального иммунитета и обязанностью платить дань в русскую казну и нести военную службу на восточных окраинах Русского государства[107].

В конце XV в. предпринимаются первые попытки изучения полезных ископаемых Северного Урала. Весной 1491 г. по приказу Ивана III была проведена экспедиция для поисков медной и серебряной руды на Печоре во главе с рудознатцем Андреем Петровым с участием иностранных мастеров. В нее входило 350 человек, в том числе 60 устюжских «делавцов

---

[102] См.: ВВЛ. — С. 264.

[103] См.: *Мартюшев А. М.* Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г. // Зап. об-ва по изуч. Коми края. — Усть-Сысольск, 1930. — Вып. 5. — С. 66—84.

[104] УЛС. — С. 100; Иосафовская летопись. — М., 1957. — С. 138.

[105] См.: *Гуссаковский Л. П.* Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. — Свердловск, 1962. — С. 118—121.

[106] См.: *Трефилов А. Ф.* Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV—XVI веках // Зап. УдНИИ. — Ижевск, 1951. — Вып. 15. — С. 83—84.

[107] См.: *Луппов П. Н.* Удмурты в XV—XVII веках. — Ижевск, 1959. — С. 90.

www.perm-book.ru

железных дел мастеров», а в числе подсобных рабочих были чердынцы. Залежи руд были обнаружены в верховьях р. Цилмы, притока р. Печоры[108]. Однако они находились на большом удалении от освоенных территорий, и разработка их так и не началась из-за трудностей с обеспечением рабочей силой, продовольствием и охраной.

До середины XVI в. население Прикамья жило в обстановке военной опасности с юга и востока, подвергалось разорению, уничтожению и угону в плен. Это сдерживало переселение русских людей на Урал, хотя и в этих тревожных условиях постепенно росли города, возникали новые сельские поселения. В 1506 г. новый набег на Верхнее Прикамье совершили сибирские татары во главе с Кулук-Салтаном, который осадил Чердынь, «землю нижнюю воевал всю... и в Усолье Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел и посекл»[109]. Пермский наместник князь В. А. Ковер собрал отряд на месте и, догнав уходящую с добычей «заднюю» заставу татар, разгромил ее на переправе через Сылву.

Набеги на прикамские земли продолжались и позднее. В 1521 г. пелымский князь в Перми Великой «погосты разорив, а Чердыню не взял»[110]. В 1539 и 1540 гг. казанские татары на Вятке и Верхней Каме «князя великово вотчину пограбили, пожгли, а людей пермскии посекли многие»[111]. В 1547 г. сибирские татары вновь напали на Чердынь и снова «погосты пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили»[112]. Эта застава у Кондратьевой слободы прикрывала Чердынь с юга.

В присоединенных к Русскому государству приуральских землях сложились органы управления и административное деление. Территория Перми Великой разделялась на Верхнюю и Нижнюю земли, центрами сельских округов стали погосты. Чердынь и Соликамск становятся центрами формирующихся уездов. В 1535 г. по чертежу московского дьяка Д. Курчева были поставлены деревянные стены чердынского кремля из городней с шестью башнями и проведен «тайник» — подземный ход к Колве. Город сложился довольно компактно и первоначально занимал неширокую полосу протяжением около 1 км по берегу Колвы. С запада и севера к Троицкому городищу, ставшему кремлем, примыкал посад, обнесенный острожной стеной с башнями, а на северной окраине города

---

[108] См.: Иосафовская летопись. — С. 183; ВВЛ. — С. 264.
[109] ВВЛ. — С. 264; УЛС. — С. 102.
[110] ВВЛ. — С. 265.
[111] Там же.
[112] ПСРЛ. — Т. 13. — С. 151, 446; ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 20. — Ч. 1. — С. 451.

www.perm-book.ru

стоял Иоанно-Богословский монастырь, также прикрытый острогом. Соликамский посад еще не имел укреплений. Наместники управляли краем по уставным грамотам, выполняя административные и судебные функции.

В 1530 г. с целью регулярного поступления дани в казну писцом Иваном Бобровым была проведена первая перепись населения Перми Великой [113]. Единицей обложения был «лук» — взрослый мужчина-охотник, ежегодно плативший две белки или 2—4 деньги. Перепись выявила 2 145 луков и, видимо, была неполной. Часть населения, пользуясь малочисленностью административного аппарата, могла укрыться от уплаты дани. Уставная грамота определила размеры «корма» наместнику, его тиуну и доводчикам — 2 800 белок или 28 рублей деньгами, а также до пяти сапец соли в год «по старине».

2.4. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО НА РАННЕМ ЭТАПЕ КОЛОНИЗАЦИИ УРАЛА

Христианская церковь выступала в роли феодала, принимавшего участие в хозяйственном освоении Урала и в укреплении феодализма. Она явилась идеологической силой в борьбе с языческой религией местного и пережитками ее у русского населения, стремящейся внести в сознание народных масс веру в правомерность новых социальных отношений.

Монастырская колонизация края шла медленными темпами. В 1539 г. «на Плесовские на реке на Сойге» при впадении ее в Каму возник второй в Прикамье небольшой монастырь, остатки которого сохранились выше д. Плес в Гайнском районе, Пермской области.

Несмотря на принятие христианства частью коми-пермяков, основная масса их сохраняла приверженность старым языческим культам. В 1501 г. митрополит Симон требовал от жителей Перми Великой «кумиром бы есте не служили, ни треб их не принимали, ни Войпелю болвану не молитеся по древнему обычаю и всех богу невидимых тризнищ не творите идолам» [114]. На Искорском языческом святилище XV в. в раскопках были обнаружены останки убитых и принесенных в жертву язычниками крещенных детей [115].

В борьбе с язычеством уничтожались древние святилища, а на них ставились христианские церкви, культы языческих божеств заменяются культами христианских святых, языче-

[113] См.: ВВЛ. — С. 265.
[114] АИ. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 168.
[115] См.: *Оборин В. А.* По следам далеких предков // Рассказы ученых. — Пермь, 1977. — С. 87—88.

www.perm-book.ru

ские праздники перекрываются христианскими. Языческие «жертвища» существовали не только у коми, но и у угорского населения — «остяков». Христианский миссионер Трифон Вятский, как и его предшественник Стефан Пермский, срубил «идоло-жертвенное древо» с висящими на нем предметами, принесенными в жертву, а само капище «сещи... и огнем позже» [116].

В северных районах Руси, откуда шел приток русского населения, пережитки язычества сохранялись очень долго. Русские переносили его в Приуралье. Русское язычество наслаивалось на язычество коми, в результате чего складывалось сначала двоеверие, а при внедрении христианства постепенно формировался своеобразный сплав русского и коми язычества с христианством, или троеверие [117]. Двоеверие — соединение язычества и христианства — долго сохранялось и на основной территории расселения восточно-славянских народов [118].

В конце IX — первой половине X в. язычество было государственной религией Древней Руси. Особую роль в нем играл культ Перуна. По мнению В. П. Даркевича, первоначально он был аграрным культом плодородия, а сам Перун — богом грома и молнии, после которых обычно бывает дождь, наполняющий влагой землю. С культом Перуна связано почитание «громовых стрел», топоров, а символом его был зигзаг молнии. Почитание Перуна (Перкунаса) дольше всего держалось в Прибалтике, особенно в Литве, где в честь его в святилищах разжигали неугасаемые костры [119]. Возможно, что первоначально Перун был богом балтских (летто-литовских) племен и от них был заимствован северными славянскими племенами. Он принимал иногда облик змеи, и змеи были его священными животными. По преданиям Перун был стар. Позднее Илья-пророк, заменивший Перуна в пантеоне христианских святых, также изображался стариком.

Культ Перуна имел глубокие народные корни, как божество, связанное с земледелием [120], — бог-громовик. Почитание топора как атрибута Перуна у северных земледельцев, веро-

---

[116] Житие Трифона Вятского // ТПУАК. — Пермь, 1895. — Вып. 9. — С. 62—63.

[117] См.: *Дуккарт Н. И.* Праздники и обряды весенне-летнего периода в северной деревне конца XIX — начала XX века // Вопр. истории Коми АССР. — Сыктывкар, 1975. — С. 148—149.

[118] См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. — М., 1987. — С. 455—752.

[119] См.: *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. — 1961. — № 4. — С. 91—100.

[120] См.: *Лаушкин К. Д.* Деревянная фигурка антропоморфного существа из Старой Ладоги // Фольклор и этнография русского Севера. — Л., 1973. — С. 268—277.

www.perm-book.ru

ятно, было связано с подсечным земледелием. Пережитки его сохранились в Древней Руси и после принятия христианства — до XIII в.[121] После победы христианства слово «перун» у литовцев стало ругательным («дьявол», «поганец»). С почитанием Перуна как бога-громовика, по мнению Б. А. Рыбакова, у славян был связан особый символический знак в виде колесовидного шестигранника, считавшегося знаком-оберегом от грозы. Вероятно, этот знак олицетворял наиболее опасный вид молний — шаровую[122].

Возникнув как божество плодородия, позднее Перун превратился в бога войны, вооруженного не только громовыми стрелами, но и другим оружием (палица, булава, меч). Его окрашивали в красный цвет — цвет крови. В 907 и 945 гг. при заключении договоров с Византией славяне-язычники клялись «своим оружием и Перуном»[123], а христиане — в церкви святого Ильи. Видимо, уже тогда наметились сближения этих двух культов — языческого Перуна и христианского Ильи. В 980 г. князь Владимир[124] поставил дружинного бога Перуна во главе пантеона языческих богов, причем одновременно — в Киеве и в Новгороде[125]. В честь его приносились кровавые жертвы. После принятия христианства в 988 г. этот же князь приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры[126], т. е. перекрыть языческие святилища христианскими храмами. Языческие капища были разрушены, деревянные идолы срублены, сожжены или сброшены в воду. Однако часть населения отказалась креститься, придерживаясь старой языческой веры. В Киеве «оплакивали его (Перуна. — В. О.) неверные, так как не приняли они еще святого крещения»[127].

Очевидно, Перун был почитаем не только княжеско-дружинной верхушкой, но и простыми горожанами, противившимися насильственной христианизации. В Новгороде было разрушено святилище Перуна в виде круглой площадки с восемью выступами-нишами, в которых горели священные костры. Круглая площадка, возможно, олицетворяла солнечный диск, а восьмилепестковая форма — особый цветок, называемый в народе перунником[128]. Идол Перуна, стоявший в цент-

---

[121] См.: *Смирнов К. А.* Новые данные о почитании топора древними славянами // СА. — 1974. — № 4. — С. 289—290.

[122] См.: *Рыбаков Б. А.* Календарь IV века из земли полян // СА. — 1962. — № 4. — С. 78.

[123] ПВЛ. — М.; Л., 1950. — Т. 1. — С. 221, 232, 236.

[124] См.: там же. — Т. 1. — С. 254.

[125] См.: ПСРЛ. — 1977. — Т. 33. — С. 24.

[126] См.: ПВЛ. — Т. 1. — С. 279.

[127] Там же. — Т. 1. — С. 280.

[128] См.: *Седов В. В.* Древнерусское святилище в Перыни // КС ИИМК. — М., 1953. — № 50, С. 92—102.

www.perm-book.ru

ре площадки, рядом с каменным жертвенником с костями лошади, был срублен и брошен в Волхов. Но часть населения в Новгороде осталась верной почитанию культа Перуна — «по нем же ныне убивахуся, утехи творят бесом»[129].

Культ Перуна долго еще сохранялся в народной среде после принятия христианства. В переводном «Слове Святого Георгия» конца XI в. говорится, что «и ныне по украинам их молятся проклятому богу их Перуну», а в русском «Слове некоего христолюбца» автор писал, что «христиане живут в двоеверии, веря в Перуна, Хорса, Мокошь, Симаръгла и в вилы... Им кладутся жертвы и кур им режут и молятся огню... играют... в бесовские игры, каковы пляски, гудение, песни бесовские и жертвы идольские»[130].

С культом Перуна, как в прошлом земледельческого божества, был связан и культ небесного коня, олицетворявшего движение солнца. Недаром он был перекрыт культом Ильи-пророка с его колесницей, запряженной конями. Он был близок народу по обрядам торжественных жертв — забоя животных и общей трапезы, которые сохранялись долго в Ильин день — 20 июля[131]. Недаром в древнем Новгороде с XI по XV вв. часто встречаются строительные жертвы в виде укладывания черепов коней и других животных под углы строений, причем чаще всего именно на Ильинском раскопе.

На усадьбе XI в., примыкавшей к Ильинской улице, было исследовано столбовое сооружение, внутри которого находилось ритуальное захоронение коня[132]. В Новгороде был найден амулет в виде включенного в оправу каменного наконечника стрелы — символа «громовой стрелы» Перуна[133]. В новгородских слоях X—XIII вв. встречаются деревянные навершия с грубым изображением человеческого лица, сделанным в двух плоскостях (лоб-нос и собственно лицо)[134]. В Старой Ладоге в слое X в. найдена деревянная фигура человека в боевом шлеме с символическим изображением тучи и дождя, окрашенная в красный цвет. По мнению К. Д. Лаушкина, это изображение Перуна переходного периода, когда он еще не утратил полностью связь с земледельческим культом (сим-

---

[129] ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 29.

[130] См.: *Лавров П. Ф.* Религия и церковь // История культуры древней Руси. — М.; Л., 1951. — Т. 2. — С. 97.

[131] См.: *Динцес Л. А.* Древние черты в русском народном искусстве // История культуры древней Руси. — М.; Л., 1951. — Т. 2. — С. 477.

[132] См.: *Миронова В. Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. — 1967. — № 1. — С. 215—222.

[133] См.: *Седова М. В.* Амулет из древнего Новгорода // СА. — 1957. — № 4.

[134] См.: *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Резное дерево. — М., 1971. — С. 43—49.

www.perm-book.ru

вод дождя), но уже превращался в дружинное божество (шлем, красный цвет) [135].

Проникновение славянского язычества в Приуралье началось вместе с первыми русскими поселенцами — в XIII—XIV вв. В 1940 г. в с. Пянтег, Чердынского района, Пермской области на селище родановской культуры XII—XIII вв. в западной части села была найдена бронзовая литая плоская односторонняя привеска в виде человеческой фигуры в полный рост [136]. Высота ее 6,8 см, в верхней части имеет ушко для подвешивания диаметром 0,3 см. На ней изображен пожилой мужчина с бородой в нижней части непропорционально большого вытянутого вверх лица, возможно, завершавшееся шлемом; лоб и нос его даны в одной плоскости, основная часть лица и подбородок углублены. Фигура имеет широкие плечи, ноги — на уровне плеч и руки, одна из которых лежит на груди, другая — на бедрах. Поверхность туловища до бедер сплошь покрыта мелкими овалами, имитирующими боевой доспех типа кольчуги. От бедер к ногам расходится расширяющаяся книзу рубашка, доходящая до колен, покрытая выпуклыми линиями. Вероятно, это нижняя часть простроченной боевой рубашки. Фигура явно изображает мужчину-воина и по своему назначению скорее всего является амулетом для подвешивания на одежду.

По стилю выполнения она резко отличается от мужских фигурок, входивших в композиции местного пермского звериного стиля. Подобного рода находки еще до революции были сделаны на территории Перми Великой и Вятки, а в наше время — в раскопках Кинтусовского могильника X—XIII вв. в Нижнем Приобье [137]. Фигурка из Перми ничем не отличается от пянтежской находки, а вятская и кинтусовская отличаются отсутствием изображения кольчуги и тем, что правая рука идола отведена в сторону и держит сосуд в виде рога.

В 1975 г. на Троицком раскопе древнего Новгорода в слое XII в. была найдена бронзовая фигурка аналогичная пянтежской, но без проработки кольчуги. Авторы раскопок считают, что она является изображением языческого дружинного бога Перуна, поскольку имеет сходство с другими его изображениями и найдена на усадьбе священника вместе с языческими амулетами, изъятыми у прихожан [138]. П. М. Алеш-

---

[135] См.: *Лаушкин К. Д.* Деревянная фигурка антропоморфного существа из Старой Ладоги. — С. 250—279.

[136] Чердынский музей. Инв. № 985; См.: *Оборин В. А., Балашенко Л. А., Воронкова Н. А.* Работы в Верхнем Прикамье // АО — 1969. — М., 1970. — С. 161—162.

[137] См.: *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. — М., 1957. — № 58. — Табл. 42. — Рис. 7.

[138] См.: *Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция //АО. — 1975. — М., 1976. — С. 48—50.

www.perm-book.ru

ковский считает, что эта фигурка попала в Новгород из Прикамья во время походов новгородских дружин на Урал [139].

С такой трактовкой трудно согласиться, поскольку все находки фигурок этого типа резко отличаются по стилю от местных антропоморфных изображений. Все они найдены на Урале в тех местах, куда проникали дружины новгородцев, или куда фигурки могли попасть путем обмена с местным населением Приуралья (лесное Зауралье). Больше оснований считать, что изображения балто-славянского дружинного бога Перуна были занесены на Урал самими новгородцами.

Село Пянтег, где была сделана одна из таких находок, — одно из древнейших на Урале, упоминаемое в переписях с XVI в. В 4 км к северо-западу от него находится известное Пянтежское городище родановской культуры XII—XIII вв., а в самом селе — одновременное селище этой же культуры. На левом берегу Камы на западной окраине села расположена одна из древнейших деревянных церквей Прикамья, построенная в стиле русского оборонного зодчества, как башня «шестериком» [140].

Архивные данные и наши раскопки 1982 г. позволили уточнить дату ее постройки — 1617 г. Около нее в культурном слое найдены монеты Алексея Михайловича. Вокруг церкви находились захоронения христиан и язычников XVII в. Первые из них — с нательными крестами, вторые — с местными украшениями, в головных уборах типа коми-пермяцких шамшур [141]. Рядом с церковью находятся остатки кедровой рощи, которая считалась местным населением священным местом, и, по преданию, сама церковь была поставлена на пнях срубленных священных кедров. Ф. А. Волегов отмечал, что в середине XIX в. население села Пянтег было смешанным — русско-коми-пермяцким [142]. Даже жена и дочери священника носили коми-пермяцкую одежду.

В дни Ильи-Пророка у церкви проводилась ярмарка, названная Ильинской. Напротив с. Пянтег на правом берегу Камы у д. Большие Долды находилась еловая роща, в которой местные жители еще в середине XIX в. приносили жертвы Перуну и другим деревянным «болванам». В церкви сохранялась деревянная скульптура как пережиток поклонения ста-

---

[139] См.: *Алешковский П. М.* Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. — 1980. — № 4. — С. 284—287.

[140] См.: *Терехин А. С.* Древнейший памятник деревянного зодчества // Из прошлого Чердынского края. — Пермь, 1974. — С. 62—70.

[141] См.: *Оборин В. А.* Раскопки в Пянтеге // АО — 1982. — М., 1984. — С. 166—167.

[142] См.: *Волегов Ф. А.* Краткое описание с. Пянтежского и находящейся в селе древней деревянной церкви // Мат-лы по изуч. Перм. края. — Пермь, 1915. — Вып. 4. — С. 69.

www.perm-book.ru

рым языческим идолам [143]. На деревянном распятии были помещены резные изображения солнца и луны, не входящие в христианскую символику. В окрестностях села был найден боевой инкрустированный топор XI—XII вв. [144], вероятнее всего, древнерусского происхождения. Топор являлся одним из атрибутов Перуна.

Святилище возникает у местного населения еще до прихода русских, а затем используется вместе русскими и комипермяками даже после того, как на его месте была поставлена христианская церковь. В конце XIX в. местные плотогоны, проплывая мимо села, молились языческим местным божествам — Пянтегу и Амбору, чтобы они пропустили плоты по основному руслу Камы, не занося их в старицы [145]. В экспозиции Чердынского музея хранятся остатки языческих жертвоприношений (яйца, монеты, цветные лоскутки), которые жители деревень Малые и Большие Долды совершали еще в начале XX в.

О совместном использовании языческих святилищ комипермяками и русскими говорят и раскопки Искорского городища и святилища в Чердынском районе. Святилище в северной части городища представляло собой овальную глинобитную площадку толщиной до 0,5 м, на которой находилась деревянная культовая постройка. Вокруг нее длительное время горели священные костры. На ней найдены кости животных и птиц, принесенных в жертву. Диаметр площадки — около 8 м [146]. В XV в. святилище было разрушено, и на его месте насыпан русскими вал городища, а рядом установлена христианская часовня на месте срубленного священного дерева. На месте святилища хоронили как христиан с нательными крестами XVI—XVII вв., так и язычников с местными украшениями (гирьковидные подвески). Под углом одной из русских изб на городище, где жили воины гарнизона, охранявшие подступы к Чердыни, находилась языческая строительная жертва в виде черепа собаки. Вплоть до XX в. в христианские праздники около часовни совершались и языческие обряды. В частности, как у Перынского холма в Новгороде бросали в Волхов монеты Перуну, так и здесь на месте святилища оставляли монеты с XVI по XX в. [147]

---

[143] См.: *Серебренников Н. Н.* Пермская деревянная скульптура. — Пермь, 1928. — С. 181, 187.

[144] См.: *Бортвин Н. Н.* Инкрустированный топорик Чердынского музея // СА. — М.; Л., 1948. — Т. 10. — С. 309.

[145] См.: *Кривощеков И. Я.* Пермь Великая. — Пермь, 1911. — С. 19, 40—41.

[146] См.: *Оборин В. А.* Раскопки Искорского городища и святилища // АО — 1980. — М., 1981. — С. 147.

[147] См.: *Попов В.* Древнейшие города Перми Великой — Искор и Покча // Мат-лы для ознакомления с Перм. губ. — Пермь, 1891. — Вып. 3. — С. 81.

www.perm-book.ru

Остатки другого древнего святилища были обнаружены в урочище Модгорт на р. Лупье в Гайнском районе Коми-Пермяцкого округа. Оно находилось в глухом лесу на краю высокого берегового мыса. Небольшая (400 м²) овальная площадка его была защищена тремя невысокими валами. По преданию здесь было «гульбище Перы» — легендарного коми-пермяцкого героя. Здесь найдена медная втульчатая шестиугольная булава с выступающими шипами, совершенно аналогичная такой же, найденной в землянке XIII в. в древнем Киеве [148]. Шестигранник был символом шаровой молнии, характерным, как и сама булава, для культа Перуна.

В преданиях о Пере, бытовавших у наиболее обруселой группы язьвинских коми-пермяков, их герой назывался не Перой, а Перын или Перун [149]. В них он выступает как борец против христианства, высокий, белокурый, кудрявый, т. е. даже по внешнему виду более похожий на славянина, чем на коми-пермяка или коми-зырянина. Пераоном или Перыном называли его некоторые предания косинских и кочевских коми-пермяков [150]. Его нередко сравнивают с Ильей-пророком — богом грома и молнии, что сближает его и с Перуном.

Л. С. Грибова считает, что с именем Перы связано и другое языческое божество коми — Войпель или Войпер — северный Пер [151]. Возможно, что культ местного божества Войпеля органически слился с культом славянского Перуна. Атрибутами Войпеля, почитаемого охотниками коми, как и у Перуна, было оружие — топор и «громовые стрелы». В одном из вариантов предания, соединенном с русской былиной о том, как перевелись богатыри на Руси, Пера называется русским богатырем, жившим на севере вместе с новгородским богатырем Полюдом (имя которого до сих пор носит высокая скала — Полюдов камень у г. Красновишерска). За попытку перевернуть мир он был обращен христианским богом в камень [152].

Предания о Пере были записаны в основном в южных районах Коми АССР и северных районах Коми-Пермяцкого округа, в которые раньше всего проникло русское население. Большинство из них сохранилось только на русском языке [153].

---

[148] См.: *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева. — Киев, 1951. — С. 34. — Рис. 23.

[149] См.: *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. — М., 1975. — С. 98.

[150] См.: Коми-пермяцкой народной устной поэтической творчество. — Кудымкар, 1960. — С. 15.

[151] См.: *Грибова Л. С.* Пера-богатырь. Йылись эшо отик легенда // Гора му. — Кудымкар, 1963. — С. 79—80.

[152] См.: *Ожегова М. Н.* К истории собирания и изучения коми-пермяцких преданий // Фольклор и литература Урала. — Пермь, 1975. — Вып. 2. — С. 32, 33, 46.

[153] См.: *Оборин В. А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими

www.perm-book.ru

Во многих из них говорится, что Пера пришел с севера, в некоторых его называют коми-зыряном, а в одном считают выходцем из Вологодской губернии (бывшей Новгородской земли). В предания о Пере вошло немало сюжетов русских былин (о Змее Горыныче, Кощее Бессмертном и др.). Его имя иногда переделывается на русский лад (Перша, Перфилий), а среди имен его родственников встречаются явно русские имена (Антипа, Иван, Степан, Пелагея).

Л. С. Грибова переписала у С. И. Исаева в д. Гайнцовой, Кочевского района рукописную поэму «Стефан Пермский», которая была записана им со слов бродячего монаха Дорофея. В ней коми-пермяки называются «внуками и детьми Перуна», «Перуновыми потомками», а Верхняя Кама — «Перуновой землей» [154]. Очевидно, славянский Перун в условиях Северного Прикамья трансформировался в коми-богатыря Перу, одинаково почитаемого коми и русскими. Однако в среде коми он сохранился дольше, чем у русских, поскольку был ближе им, чем христианские святые. В преданиях о Пере и о чуди нашло отражение противоречивое отношение местного населения к христианству. В одних вариантах Пера выступает как противник христианизации, причем это прямо связано с тем гнетом, укреплению которого содействовало христианство («не захотел Пера подчиниться власти»), в других — Пера борется против неверной чуди, не желавшей принимать христианство [155].

Христианская церковь была вынуждена пойти на компромисс с язычеством, допустив деревянных идолов в виде изображений святых в храмы, где они сохранились до XVII—XIX вв. как пермская деревянная скульптура. В стиле изображений древнейших скульптур было много общего с антропоморфными идолами древнего Новгорода и более поздней — псковской, архангельской и вологодской деревянной скульптурой.

Наиболее почитаемым христианским святым на севере был Никола Можай. Его культ был распространен в Псковской и Новгородской землях и был занесен в Прикамье русскими переселенцами. По стилю изображения его фигура ближе всего к новгородским (удлиненная форма головы, вырезание лица в двух плоскостях, раскраска в манере новгородской живописи). Этот святой нередко изображался с мечом в руке, а его праздник приходился на Ильину неделю — 16 июля. До революции в д. Зеленята, Пермской области на

преданиями и их историческая основа // Вопр. лингв. краевед. Прикамья. — Пермь, 1974. — Вып. 1. — С. 118—119.

[154] Сообщение Л. С. Грибовой.

[155] *Оборин В. А.* Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа. — С. 120.

www.perm-book.ru

его праздник собиралось до 10 тысяч коми-пермяков, русских и удмуртов, иногда приходивших за сотни верст [156]. Возможно, что культ Николы Можая также отчасти перекрыл культ Перуна, а его скульптура с оружием заменила его идолы.

Однако в основном культ Перуна, как и на всей территории Руси, был перекрыт в Прикамье культом Ильи-Пророка. В Ильин день (20 июля) у христианских церквей и часовен допускался жертвенный забой домашних животных (коров, лошадей, баранов) с коллективной трапезой прихожан при участии священников [157]. Илья считался не только покровителем домашних животных, но и хлеба и овощей, особенно гороха, который обычно поспевал к Ильину дню [158]. Коми-пермяки знали особый заговор первого грома в честь Ильи-Пророка [159].

В культе Ильи как бы был восстановлен первоначальный культ Перуна — бога-громовика, божества плодородия, чем он был одинаково близок и русским, и коми-пермякам.

Переплетение пережитков славянского и местного язычества сохранялось очень долго и в разных формах. Сохранялись священные рощи, иногда с круглой площадкой внутри, на которой стояли часовни. Коми-пермяки отмечали славянский языческий праздник Ивана Купалы (30 августа), когда искали цветы подорожника и жгли костры. В бывших священных рощах даже в начале XX в. русские и коми-пермяки устраивали народные праздники-игрища с песнями, хороводами, коллективной трапезой [160]. Попытки священников запретить эти праздники обычно успеха не имели. По наблюдениям Л. С. Грибовой, у коми-пермяков долго держались обычаи гадания на топоре и использование его как лечебного средства. На охлупнях и «курицах» домов вырезались или наносились краской знаки молнии, солнца, колесовидные шестигранники, возможно, связанные с атрибутами Перуна и игравшие роль оберегов, ставшие в символике общими для русского и

---

[156] См.: *Серебренников Н. Н.* Пермская деревянная скульптура. — Пермь, 1967. — С. 15.

[157] См.: *Кривощеков И. Я.* Пермь Великая. — С. 5, 11, 36; *Белицер В. Н.* Очерки этнографии народов коми XIX — начала XX века. — М., 1956. — С. 325.

[158] См.: *Рогов Н.* Материалы для описания быта пермяков. — М., 1860. — С. 15, 22, 29, 30.

[159] См.: *Янович В. М.* Пермяки // Живая старина. — СПб., 1903. — Вып. 1—2. — С. 123—124.

[160] См.: *Сидоров А. С.* Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян // Коми му. — Усть-Сысольск, 1924. — № 1—2. — С. 49; *Тсплоухов Ф. А.* Народное празднество «Три елочки» в Богородской волости, Пермской губернии // Пермский край. — Пермь, 1892. — Вып. 1. — С. 140—145; *Сюзев П. В.* Народное празднество Токмач в Дубровской волости, Оханского уезда // Пермский край. — Пермь, 1895. — Вып. 3. — С. 300—301.

www.perm-book.ru

финно-угорского населения[161]. На пермской деревянной скульптуре встречаются резные накладные изображения солнца и луны, издревле почитаемые славянами и коми[162]. В деревянной бытовой и религиозной скульптуре (куклы) коми-пермяков чувствуется влияние новгородского славянского язычества[163].

В Верхнем Прикамье известно около 20 местонахождений древнерусских христианских крестиков XI—XVI вв. Абсолютное большинство этих находок приходится на северные районы, в которых встречаются и другие ранние русские вещи, где распространены предания о Пере. Часть их найдена в могильниках родановской культуры XII—XIV вв. (Бурдаковский, Михалевский, Елевский, Модоробский и др.) вместе с местными украшениями. Вероятно, эти христианские символы сначала использовались не по прямому назначению, а как амулеты-обереги, наряду с местными оберегами — зооморфными подвесками. Христианские атрибуты приспосабливались к языческим верованиям местного населения. Изображение усложненного креста вошло в орнамент текстильных изделий коми и называется «русским узором»[164].

Славянское язычество, принесенное на Урал русским населением Севера, наслоилось на местное язычество и фактически слилось с ним. Сближение русского и нерусского крестьянства в единую трудовую массу способствовало использованию язычества как противовес христианству, освящавшему феодальную эксплуатацию[165].

* * *

Основной предпосылкой освоения Урала и заселения его русскими было наличие в крае огромного фонда свободных малозаселенных земель. Причинами правительственной формы колонизации были рост феодализма вширь, стремление русских феодалов расширить сферу эксплуатации путем сбора дани с нерусского населения, овладеть природными ресур-

---

[161] См.: *Сыропятов А. К.* Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края // Пермский краеведческий сборник. — Пермь, 1924. — Вып. 1. — С. 37—50; *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль.

[162] См.: *Серебренников Н. Н.* Пермская деревянная скульптура. — Пермь, 1928. — С. 174, 181, 202, 203.

[163] См.: *Грибова Л. С.* Образ человека в деревянной пластике коми-пермяков // Наш край. — Кудымкар, 1970. — Вып. 4. — С. 127—130.

[164] См.: *Климова Г. Н.* Местные названия орнаментальных мотивов у народов коми // Этнография и фольклор коми. — Сыктывкар, 1976. — С. 95.

[165] См.: *Оборин В. А.* Взаимоотношения славянского и коми язычества в период русской колонизации Урала (по археологическим и этнографическим данным) // Вопр. финноугроведения. — Сыктывкар, 1979. — Т. 2. — С. 78—79.

www.perm-book.ru

сами края, создать плацдарм для борьбы за освобождение от монголо-татарского ига и от попыток преемников Золотой Орды захватить приуральские земли. Русская церковь была заинтересована в расширении сферы идеологического влияния и увеличении своих богатств как феодала в ходе монастырской колонизации. Русское купечество было заинтересовано в развитии торговли с местным населением, в овладении новыми торговыми путями, особенно камско-волжским, новыми рынками сбыта.

Народные массы были втянуты феодалами в далекие походы на Урал. Началась стихийная народная колонизация в виде бегства из разоренных монголо-татарами русских земель, из районов усиления феодальной эксплуатации, в ходе которой осваивались земли под пашню и пастбища, выросли сельские и городские поселения — первые русские города, под защитой которых развивалась крестьянская колонизация. Возникли первые промышленные центры в местах сосредоточения природных богатств, прежде всего соли. Горожане приняли активное участие в разведках полезных ископаемых на Северном Урале. Русские с помощью местного населения освоили удобные пути проникновения на Урал, особенно водно-волоковые пути Севера [166], перевалы через Уральский хребет, начали осваивать пути по сибирским рекам. Определилось основное направление и исходный район перемещения русского населения — из северных районов Русского государства — из Поморья. Русское население в Приуралье было еще немногочисленным. Хозяйственное освоение края шло медленно.

Ранний этап заселения и освоения Урала русскими был связан с основными периодами развития русского феодализма. В период феодальной раздробленности главную роль в проникновении на Урал играла Новгородская земля, хотя уже проявилась дальновидная политика владимиро-суздальских и ростовских князей, первыми проникших в Прикамье и создавших опорные центры на подступах к Уралу. В начальный период формирования Русского государства в XIV в. инициатива освоения приуральских земель переходит к Московскому княжеству, ставшему центром объединения русских земель, возглавившему борьбу русского и нерусского населения против Золотой Орды, а позднее против Казанского и Сибирского ханств, которые создавались почти одновременно с Русским государством и реально претендовали на роль центров колонизации Урала. Русское государство объединило силы местного населения и сдержало продвижение татар

[166] См.: *Афанасьев А. П.* О древних водно-волоковых путях русского Севера // Этнография и фольклор коми. — Сыктывкар, 1972. — С. 97—105.

www.perm-book.ru

в приуральские земли. На завершающем этапе формирования Русского государства Пермь Великая и Вятская земля прочно входят в его состав, а зауральские земли были включены в непрочные данические отношения. Дальнейшее развитие русской колонизации Урала сдерживалось агрессивной политикой Казанского ханства и поддерживавших его пелымских князей и сибирских ханов.

Если на первых порах правительственная и частно-феодальная колонизация нередко принимала военные формы, обычные для периода феодальной раздробленности, то после вхождения части приуральских земель в состав Русского государства военные методы применялись в основном в целях обороны от внешних врагов, а в государственной политике стали преобладать мирные формы отношений с нерусским населением, что способствовало быстрому освоению края.

Мирные отношения преобладали в ходе колонизации. Русские крестьяне осваивали язык местного населения, его нравы и обычаи, сближаясь с ним в хозяйственном отношении, оказывая прогрессивное влияние на развитие сельского хозяйства. Они поселялись в основном на свободных землях, что сводило к минимуму конфликты на почве земельных споров. Земледельческое нерусское население было обложено такой же данью мехами и деньгами, как и русское крестьянство, что сближало их в правовом отношении. Вхождение в сферу феодальной эксплуатации ускорило завершение формирования феодальных отношений у местного населения. Раннефеодальная знать и феодализирующаяся родоплеменная верхушка были включены в систему русского феодализма на правах служилого дворянства, входили в состав низшего звена русского административного аппарата, а часть слилась с трудовой массой феодально зависимого населения. Местное население вместе с русскими принимало участие в отражении набегов казанских и сибирских феодалов.

www.perm-book.ru

Глава III

ВХОЖДЕНИЕ ВСЕХ УРАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И НАЧАЛО ИХ МАССОВОГО ЗАСЕЛЕНИЯ (вторая половина XVI — начало XVII в.)

3.1. ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ КОЛОНИЗАЦИИ УРАЛА

Во второй половине XVI в. в связи с укреплением и расширением границ Русского государства начинается массовая колонизация его окраин — черноземного центра, юга, среднего и нижнего Поволжья. Колонизация Урала — это частное проявление общерусского колонизационного процесса, имеющее кроме общих черт и свои специфические особенности. В этот период наблюдается два основных колонизационных потока. Закрепощаемое крестьянство центральных районов государства переселяется в южные районы страны[1] и в Поволжье, а черносошное крестьянство северных уездов Поморья — в Приуралье, а затем в Сибирь[2].

Во второй половине XVI в. начинается новый этап в освоении Урала, которое сдерживалось военной опасностью со стороны Казанского и Сибирского ханств и Ногайской орды. В 1552 г. под ударами русских войск пало Казанское ханство. Активное участие в этом походе приняло и русское население Вятской земли и Перми Великой[3]. В 1555 г. послы Сибирского хана Едигера «били челом» о признании даннических отношений с Русским государством[4]. Сбор этой дани вскоре перешел к чердынским воеводам. В 1563 г. данническую зависимость признала Ногайская Орда. Военная опасность с юга фактически отпала, а с востока временно приостановилась.

Освобождение нерусских народов Приуралья от гнета Казанского ханства ускорило их вхождение в состав Русского государства. В 1555—1556 гг. основная часть Башкирии добровольно присоединяется к России, и лишь зауральские баш-

---

[1] См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. — М., 1975. — С. 83—116.

[2] См.: *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. — М., 1972. — С. 211; *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. — Вологда, 1976. — С. 232—236.

[3] См.: ПСРЛ. — Т. 26. — С. 325—326; Казанская история. — С. 112.

[4] См.: ПСРЛ. — М., 1959. — Т. 29. — С. 233.

www.perm-book.ru

киры до конца XVI в. оставались под властью Сибирского ханства[5]. В Башкирии строятся первые русские города. Создается Уфимский уезд, границы которого на севере доходили до р. Тулвы, а на востоке — до верховий рек Уфы и Миасса. Начинается помещичья колонизация. Однако она не имела широкого развития. К концу XVI в. в окрестностях Уфы получили земли 193 русских служилых человека. В 1557 г. прикамские удмурты добровольно входят в состав Русского государства[6]. Им была предоставлена трехлетняя льгота в уплате налогов, «лутшие люди из отяков» были допущены в органы земского управления. Удмурты были приравнены к черносошным крестьянам Вятской земли. Им было разрешено свободное переселение на Чепцу — основной район расселения народности. На Вятке строятся новые русские города, а в низовьях Камы — городок Лаишев[7]. Укрепленные городки в Башкирии и низовьях Камы положили начало созданию оборонительных линий, прикрывавших Урал с юга от кочевых народов — калмыков, ногайцев. Под их защитой началась колонизация Среднего и Нижнего Прикамья.

Правительство, заинтересованное в быстрейшем закреплении восточных окраин в составе государства и их хозяйственном освоении, на этом этапе поощряет все формы колонизации, стремясь регулировать и направлять их в нужное ему русло. Первоначально эти меры по стимулированию переселения русских людей были опробованы в Приуралье, что обеспечило затем их более быстрое применение на восточном склоне Урала и в Сибири. Одним из важнейших условий развития массового переселения было обеспечение безопасности от внешнего врага — сначала казанских и сибирских феодалов, а затем от их потомков и башкирских феодалов. Быстро строились укрепленные русские города[8]. Продолжается принудительное переселение в них лиц управленческого и военнослужилого аппарата. Было разрешено «прибирать в службу» крестьян, посадских и гулящих людей, которые «чтоб были собой добры, и стрелять горазды, и не воры»[9]. Все они получали денежное и хлебное жалование, им отводились земли под пашни и сенокосы.

[5] См.: *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. — Уфа, 1960.

[6] См.: Очерки истории Удмуртской АССР. — Ижевск, 1958. — Т. 1. — С. 37—39.

[7] См.: ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 13. — С. 281—282.

[8] См.: *Оборин В. А.* Политика правительства по регулированию крестьянской колонизации на Урале в XVI—XVII веках // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни): Тез. док. XIX всесоюз. симпоз. по аграр. истории. — М., 1982. — Т. 2. — С. 248.

[9] Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — М., 1982. — Ч. 2. — С. 195—196.

www.perm-book.ru

Истоки и социальные мотивы политики правительства в отношении заселения и освоения Урала состояли в классовой заинтересованности по созданию опорных центров для защиты раздвинувшихся восточных границ государства, в закреплении Урала в составе государственной территории России, получении новых экономических ресурсов для пополнения государственной казны, укреплении в крае феодальных отношений. Определенная двойственность этой политики определялась недостатком государственных материальных средств для освоения Урала в сложных условиях борьбы с внешней опасностью на западных и южных границах, невозможностью удержать Приуралье в составе государства только силой немногочисленного административного аппарата. Правительство шло на поощрение стихийных переселений, льготы и поддержку частной инициативы, охрану местного населения от произвола администрации. смягченные формы эксплуатации.

После присоединения к Русскому государству земель восточного склона Урала по решению правительства с 1588 г. Пермь Великая и Вятская земля вместе с другими уездами Поморья были обложены тяжелой повинностью по снабжению служилых людей первых русских поселений в Зауралье и Сибири, получившей название «сибирские отпуска»[10]. Она состояла из трех частей: сбор хлеба (с раскладкой по крестьянским «мирам»), перевозка его в Зауралье, поставка плотников для строительства судов, на которых продовольствие сплавляли по сибирским рекам.

Основная тяжесть этой повинности легла на черносошное крестьянство и посадских Перми Великой и Вятской земли, ближе всего расположенных к Сибири. В конце XVI в. они поставляли почти две трети хлебных запасов, более половины транспортных средств и плотников (табл. 2), причем запасы доставлялись неудобным северным путем — с Вишеры через Урал на верховья Лозьвы. Строгановы и монастыри от этой повинности были освобождены. Только в тяжелые голодные годы (1601—1602) поморские уезды были освобождены от поставок хлеба своей пахоты, но обязаны были отвезти в Зауралье хлебные запасы из Казани и Свияжска и отправить судовых плотников. «Сибирские отпуска» до развития земледельческой базы за Уралом обеспечили служилых людей необходимым продовольствием, хотя и не полностью.

На первом этапе освоения приуральских земель русские города возникали по частной или местной инициативе. Во второй половине XVI в. все города Урала были построены по инициативе или с разрешения правительства и прекращали свое существование также по его распоряжению (например,

[10] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. — М., 1915. — Т. 1. — С. 128—129.

www.perm-book.ru

Таблица 2

Размеры поставок в счет сибирских отпусков с посадов и уездов Поморья и Поволжья в 1597—1610 гг. (1 — хлеб, четверть; 2 — соль, пуд; 3 — подводы, шт.; 4 — плотники, чел.) [11]

Города, уезды	1597 г.	1598 г.			
	1	1	2	3	4
Пермь Великая с Кайгородком	3 431	2 055	1 000	685	30
Вятка	3 259	1 951	—	650	30
Яренск и Вымь	652	339	—	113	10
Устюг и Устьянские волости	2 143	1 277	—	425	20
Соль Вычегодская	1 070	630	—	—	—
Казань и Свияжск	—	—	—	—	—
Всего	10 555	6 302	1 000	2 099	110

1601 г.		1605 г.		1607 г.		1609 г.	1610 г.
1	4	1	4	1	4	1	1
—	6	550	14	2 753	14		1 214
—	34	1 600	—	вместе с Вяткой		все вместе	2 723
—	5	350	—	—			—
—	24	1 440	10	1 480	10		3 097
—	16	1 060	6	934	6		1 839
11 000	—	—	—	—	—		—
11 000	85	5 000	30	5 167	30	13 283	8 873

[11] Русская историческая библиотека. — СПб., 1875. — С. 2; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — М., 1982.

Лозьвинский городок). Правительство требовало представления планов-«чертежей» создаваемых городов, регулировало их планировку и застройку, строительство укреплений [12]. В городах восточного склона Урала служилые люди были основным градообразующим элементом, что усиливало подчиненные феодалам группировки в социальной структуре городского населения [13]. Правительство рассматривало города как

[12] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 30, 62, 98; *Алферова Г. В.* Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII веках // ВИ. — 1977. — № 7. — С. 54.

[13] См.: *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. — М., 1976. — С. 64.

www.perm-book.ru

центры подавления классовой борьбы, сбора налогов и отправления других повинностей русского и нерусского населения края.

Феодальная война между Едигером и Кучумом, убийство Едигера и проявление Кучумом враждебных антирусских намерений, переселение в Сибирь казанской феодальной знати[14] вновь создали реальную военную угрозу для приуральских земель. Правительство Ивана IV, втянутое в затяжные войны на западных и южных рубежах, было вынуждено пойти на предоставление особых условий солепромышленникам и торговцам Строгановым, взявшимся на свой страх и риск за организацию обороны и эксплуатацию соляных богатств Урала. В 1558 г. Г. А. Строганов получил первую царскую жалованную грамоту на «отхожие земли» по р. Каме от устья р. Лысьвы до устья р. Чусовой[15]. На этих землях уже проживало редкое коми-пермяцкое и русское население[16]. Они занимали огромную территорию площадью около 3,4 млн. десятин[17]. Строганов был обязан строить городки с военными гарнизонами «для бережения от нагайских людей и иных орд», а также «пашни росчистя и дворы ставити... и соль варити». Вопрос о хозяйственном освоении и обороне новых земель решался без каких-либо затрат со стороны государства, которое получало еще прямую прибыль от поставки соли в казну и выявления полезных ископаемых, которые самим Строгановым запрещалось разрабатывать («а самому ему тех руд не делати без нашего ведома»). Этим и объясняется необычно большой срок льготы от уплаты налогов — 20 лет.

Строгановы обязывались «тяглых людей и письменных къ себе не называти и не принимати... воров... и боярских людей беглых... и татей и разбойников». Более того, они должны были ловить беглых и возвращать их владельцам. Это требование они никогда не выполняли, заселяя свои земли и беглыми, и «разбойниками», которых могли укрыть от глаз царской администрации. Строгановым запрещалось самовольно расширять свои владения за счет уездных земель Перми Великой (что они тоже нередко нарушали) и взимать пошлины с проезжих людей.

Владения Строгановых быстро росли. В 1558 г. в устье р. Пыскорки был поставлен первый укрепленный городок

---

[14] См.: ПСРЛ. — Т. 13. — С. 364; Т. 29. — С. 323.

[15] См.: *Дмитриев А. Д.* Пермская старина. — Пермь, 1892. — Вып. 4. — Приложение. — С. 106—109.

[16] См.: *Дмитриев А. А.* Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых // ТПУАК. — Пермь, 1901. — Вып. 4. — С. 71—77. На этой территории в настоящее время известно несколько поселений родановской культуры коми-пермяков.

[17] См.: ЦГИА. — Ф. 1092. — Оп. 1. — Д. 606. — Л. 1.

www.perm-book.ru

Канкор, а рядом с ним в 1560 г. — строгановский родовой Пыскорский монастырь[18]. В 1564 г. на левом берегу Камы ниже Канкора в устье р. Яйвы возник Орел-городок (Каргедан), ставший центром северной части их владений[19]. Раскопки Орла-городка в 1952—1954 гг. обнаружили нижний слой второй половины XVI — первой половины XVII вв., в котором исследованы остатки бревенчатых изб и целых усадеб, огороженных изгородью, вкопанной в канавки, хором Строгановых, свайных оснований крепостных стен и башен, рва, хозяйственных построек, кузницы, соляные трубы. Найдены монеты Ивана Грозного, оружие (копья, рогатины, наконечники стрел, накладки сложного лука, рукояти сабель, свинцовые пули, кремни от пищалей), красные изразцы, орудия труда и предметы быта. Одна из изб принадлежала ремесленнику-косторезу, коми-пермяку, они проживали в городке вместе с русскими[20].

В 1568 г. Я. Строганов получил земли по р. Чусовой, где были обнаружены соляные рассолы, и по Каме до Ласьвинского бора, площадью до 4,1 млн. десятин, с льготой на 10 лет[21]. На них уже проживало редкое вогульское и татарское население. В том же году строится Нижний Чусовской городок, в 1570 г. — на притоке Чусовой — Сылвенский острожек, а в северной части их владений — Яйвинский. Строгановские городки становятся военно-административными и солепроизводящими центрами.

В 1565 г. митрополит Афанасий разрешил Григорию Строганову самостоятельно проводить христианизацию местного населения[22]. В 1572 г. Строгановым было дано право набирать военные дружины для обороны от местного населения, которое в том же году было использовано при подавлении восстания нерусского населения на Каме и Волге, инспирированного сибирскими ханами[23].

В 1574 г. Строгановым было разрешено строить городки на восточном склоне Урала «меж Сибири и Ногай, Тахчеи и Тобол» по Оби и Иртышу с льготой на 20 лет[24]. Правительство подталкивало их к освоению Сибири. В 1597 г. земли

---

[18] См.: ГАПО. — Ф. 597. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 10; ПОБГ, РФ. — Д. 61695. — Л. 57.

[19] См.: ДАИ. — СПб., 1846. — Т. 1. — С. 171.

[20] См.: *Оборин В. А.* Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.) // Уч. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1957. — Т. 10. — Вып. 3. — С. 145—164.

[21] См.: ЦГИА. — Ф. 1092. — Оп. 1. — Д. 606. — Л. 8.

[22] См.: *Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII веков. — Л., 1924. — С. 153.

[23] См.: ДАИ. — СПб., 1846. — Т. 1. С. 175—176; Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 4—6, 51—52.

[24] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 339—341.

www.perm-book.ru

Строгановых увеличились за счет нового царского пожалования земель по Каме до р. Ашапа и по р. Очеру еще на 586,4 десятины с льготой на 15 лет[25]. Их владения стали единственными крупными частнофеодальными хозяйствами на Урале. После падения Сибирского ханства правительство аннулировало их права на зауральские земли, заявив на них свои права.

Монастыри получали от правительства земли, уже частично освоенные крестьянами и посадскими людьми, и право заселять их зависимыми крестьянами, по особым — тарханным — грамотам освобождались от государственных налогов и повинностей. Во второй половине XVI в. правительство пыталось ограничить рост церковного землевладения, однако делало это непоследовательно[26], продолжая выдавать тарханные грамоты. Для уральских монастырей были характерны сходные с монастырями Севера способы приобретения земель путем вкладов, закладов и других земельных сделок, санкционируемых правительством, сочетание земледельческого освоения с торгово-промысловой деятельностью[27].

Возрастает роль частной инициативы в создании новых монастырей. В вотчинах Строгановых находилась почти третья часть всех церквей и монастырей Урала. Пыскорский монастырь стал наиболее значительным духовным феодалом. Несколько тарханных грамот (1589, 1590, 1592, 1594 гг.)[28] закрепили за ним все владения и установили неподсудность «мирским» властям. Ему была разрешена беспошлинная покупка товаров «для своего обихода», рубка леса на строительство, прием добровольных земельных вкладов. Иоанно-Богословский Чердынский монастырь сохранил свои владения, расширив их за счет небольших новых пожалований[29]. В 1596 г. черносошными крестьянами И. Пошехонцем и А. Мезенцем был основан Осинский Преображенский монастырь, под который были отведены небольшие земельные угодья[30]. По царской грамоте 1605 г. он получил дополнительно земли под пашню и рыбную ловлю и к нему были приписаны крестьяне, ранее проживавшие на этих землях[31].

---

[25] См.: ЦГИА. — Ф. 1092. — Оп. 1. — Д. 606. — Л. 12.

[26] См.: *Савич А. А.* Монастырское землевладение на Русском Севере в XIV—XVI веках // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. — Пермь, 1930. — Вып. 2. — С. 209—218.

[27] См.: *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. — М., 1966.

[28] См.: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Вып. 2. — С. 237—243.

[29] См.: АИ. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 397—398; ЧКМ, РФ. — № 2558/3.

[30] См.: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1900. — Вып. 8. — С. 139.

[31] См.: ГАПО. — Ф. 597. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 2, 6; Д. 28. — Л. 2 об.

www.perm-book.ru

Правительство пыталось регулировать также посадскую и крестьянскую колонизацию. С конца XVI в. в города на восточном склоне Урала из посадов Центра и Севера Русского государства переводились торговые люди и ремесленники, им отводились земли под пашни, сенокосы и дворы, давались трехлетние льготы от уплаты налогов до «обзаведения», создавались условия для переезда их семей, велась вербовка для переезда их на льготных условиях [32].

Производилась вербовка и принудительный перевод пашенных крестьян также на льготных условиях. Кроме временного освобождения от налогов, переселенцы получали «подмогу» в виде скота, орудий труда и денег. Денежная ссуда иногда выдавалась государством, а чаще всего как повинность возлагалась на крестьянские «миры» — общины, терявшие также и наиболее тяглоспособных членов, поскольку уезжали чаще «лутчие люди» [33]. В 1590 г. в уезде Соли Вычегодской было предписано «выбрать в Сибирь на житье 30 пашенных людей... и со всеми их животы, а у всякого б... было по три мерины добрых, да по три коровы... да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и на подмогу им велено дать по двадцати по пяти рублев человеку» [34].

В 1599 г. по царскому указу из Казани в Верхотурский уезд были отправлены 50 семей «охочих пашенных людей», а 50 были переведены принудительно «из лаишевских да ис тетюшских полоняников». С них были взяты поручные записи и дана «подмога» по 25 р. на человека. При поселении на верхотурскую пашню они должны были пахать «на себя... чем им сытым быть», а на государство по две десятины ржи «а ярового хлеба против того вдвое». Так были введены государственные отработки — десятинная пашня. На год раньше — в 1598 г. — в тот же уезд по вербовке переселились крестьяне с Вятки и Перми Великой, получившие по 12 р. и четь муки на человека. Кроме запашки на казну они косили на нее сено и участвовали в строительстве г. Верхотурья [35]. В царских грамотах предписывалось призывать на новые земли только черносошных крестьян, которые не несли тягла или не несли его самостоятельно — членов больших крестьянских семей: «от отца-сына, от дяди-племянников, и от брати братью» [36].

---

[32] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 47—49; 116; ЦГАДА. — Ф. 1111. — Оп. 4: — Д. 1. — Л. 2; АИ. — Т. 2. — С. 26—27; Т. 3. — С. 23; ДАИ. — Т. 1. — С. 164.

[33] ВВЛ. — С. 267. В 1593 г. только вымичи дали «подмоги» 1200 р.

[34] ААЭ. — Т. 1. — С. 422—423.

[35] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 33—35, 81—83.

[36] Там же. — С. 216.

www.perm-book.ru

В 1591 г. по инициативе двух зажиточных крестьян — братьев Н. Г. и Ф. Г. Калуженинных с разрешения правительства в устье р. Тулвы была основана Ново-Никольская (Осинская) слобода. Слободчики в разных уездах набрали «охочих людей», которые на шесть лет были освобождены от налогов [37]. Слобода возникла на месте древнего городища, в ее раскопках обнаружены остатки укреплений XVI в. (ров и вал с частоколом) [38], поскольку она была выдвинута далеко на юг от основного массива русских поселений в окружении башкирского населения и на нее были возложены кроме сельскохозяйственного освоения и чисто военные задачи. По примеру этой слободы в XVII в. создавались укрепленные слободы на восточном склоне Урала.

Ремесленники поморских городов по указанию правительства были обязаны изготовлять сохи, топоры, серпы и косы для отправки на уральскую и сибирскую пашню. Торговым людям предписывалось привозить эти орудия труда для продажи, они включались в состав «сибирских запасов», отправляемых вместе с хлебом и денежным жалованием служилым людям [39]. В 1605 г. верхотурским воеводам было предписано обследовать земли по рекам Мугай и Тагил и определить их пригодность для освоения: «сколь пашенные земли и какова земля... какие угодья и сколько далеко от Верхотурья... какие люди около того места живут, и пашенным крестьяном жити тут мочно ль... и как мочно крестьян устроити... то бы есте распрося подлинно и на чертеж велели почертити... и... прислали к нам, к Москве» [40]. Были предприняты меры и по привлечению нерусского населения к обработке пашни, в том числе «государевой» [41].

С целью учета старожильческого и вновь поселившегося населения по указанию правительства писцом И. И. Яхонтовым в 1579 г. была проведена перепись уездов Перми Великой и вотчин Строгановых, А. Аристовым и Ф. Палицыным в 1596 г. — округов Ново-Никольской слободы, верхотурскому воеводе И. М. Вяземскому было приказано в 1599 г. провести перепись населения только еще строящегося г. Верхотурья [42].

Правительство Русского государства стремилось регламентировать все формы заселения и освоения Урала. Однако на-

---

[37] См.: ГАПО. — Ф. 597. — Оп. 1. — Д. 15. Л. 32.

[38] См.: *Генинг В. Ф.* Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археол. экспед. — М., 1959. — Вып. 1. — С. 164—165.

[39] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 100, 124, 131—134, 190, 206, 224.

[40] Там же. — С. 163.

[41] См.: РИБ. — СПб., 1875. — Т. 2. — С. 146.

[42] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 38.

www.perm-book.ru

родная инициатива нередко опережала его действия, а иногда и шла вопреки им. Недаром с конца XVI — начала XVII в. царские грамоты предписывают искать и возвращать беглых[43], самовольно переселявшихся на Урал, уходивших от помещиков и государственного тягла.

Стремление правительства направить переселение в нужное русло не всегда ему удавалось.

3.2. ПОХОД ЕРМАКА И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА РУССКИХ ГОРОДОВ НА ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ УРАЛА

Изучение похода Ермака до сих пор вызывает споры среди ученых. Современная буржуазная наука пытается представить поход как завоевание со стороны России, приведшее к истреблению нерусского населения и ставит его в один ряд с колониальными захватами западно-европейских государств. Советские историки показали беспочвенность таких утверждений[44]. Поход был вызван непрерывными агрессивными действиями со стороны Сибирского ханства, разорявшими русские земли Приуралья. После похода численность местного населения не сократилась, а хотя и медленно, но росла. Русские люди осваивали Сибирь вместе с нерусским населением, сохраняя мирные отношения.

Советские историки спорят о роли правительства в походе Ермака, роли Строгановых и самих казаков в его организации, дате начала похода и форме и сроках его проведения (с ходу или после тщательной подготовки), о численности казачьей дружины и о происхождении и личности самого Ермака[45]. Эти споры связаны с противоречивостью основных источников — сибирских летописей. В последние годы был значительно расширен круг источников, освещающих историю похода Ермака. Были введены в оборот народные предания, дипломатические документы, челобитные участников похода[46].

---

[43] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 17, 193—194, 235.

[44] См.: *Преображенский А. А.* Сибирь в кривом зеркале господина Хёльцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. — М., 1962. — С. 293—301.

[45] См.: *Красинский Г.* Покорение Сибири и Иван Грозный // ВИ. — 1947. — № 3. — С. 87—89; *Сергеев В. И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // ВИ. — 1959. — № 1. — С. 117—129; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII века. — М., 1972. — С. 26—55; *Ромодановская Е. К.* Строгановы и Ермак // История СССР. — 1976. — № 3. — С. 130—145; *Осьминина Р.* Родом неизвестный, душой знаменитый // Наука и жизнь. — 1982. № 6; и др.

[46] См.: *Дергачева—Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. — Свердловск, 1965; *Преображенский А. А.* Русские дипломатические документы второй половины XVI века о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению. — М.; Л., 1964. — С. 382—390 и другие его работы.

www.perm-book.ru

новые списки русских летописей, синодик ермаковым казакам[47], археологические материалы[48]. Остановимся на некоторых спорных вопросах, стараясь привлечь неиспользованные или недостаточно использованные источники.

Недавно со своеобразной трактовкой истории похода Ермака выступил в ряде своих статей и монографии Р. Г. Скрынников[49]. Используя «Краткое описание о земле Сибирской», Погодинскую летопись, документы Посольского приказа, он попытался пересмотреть дату начала похода (1582 г., а не 1581 г.), выяснил ряд интересных обстоятельств действий Ермака до начала похода, высказал мнение, что поход был совершен с ходу в очень краткий срок — менее, чем за два месяца. Однако некоторые выводы автора вызывают сомнения. Критика их уже была дана в работе А. А. Преображенского[50]. Автор данной работы согласен с мнением Преображенского о том, что при современном состоянии источников нет оснований для возрождения старой точки зрения Н. В. Шлякова о якобы участии Ермака в боях под Могилевом и пересмотра даты начала похода в Сибирь.

В «Истории о Сибирской земле», близкой по содержанию Есиповской летописи по списку Ундольского, инициатива похода принадлежит самим казакам, а Строгановым отведена скромная роль. Ермак «выспросил их» о Сибирском ханстве, «к коему... земля их в близости смежна», «изготови себе с дружиною своею запасы и взя с собою тутошних жителей мающих людей и поиде рекою Серебрянкою вверх»[51]. В одном из списков «Соликамского летописца» также говорится о самостоятельном решении Ермака о походе — «Сибирь взята бысть Ермаком Тимофеевичем с дружиною 540 человек»[52]. Т. е. поздние (XVIII в.) местные уральские летописи отводят решающую роль в организации похода казакам.

Есть основания считать, что дружина Ермака появилась в Прикамье задолго до начала похода и кроме южной части

---

[47] *Ромодановская Е. К.* Синодик ермаковым казакам // Изв. СО АН СССР. — Новосибирск, 1970. — № 11. — Сер. общ. наук. — Вып. 3. — С. 14—21.

[48] См.: *Оборин В. А.* Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI—XVII веков // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975. — С. 264—270; *Сериков Ю. Б.* Баранча — река «перспективная» // Вокруг света. — 1978. — № 3; *Россадович А. И.* По следам Ермака // Вокруг света. — 1978. — № 7; и др.

[49] См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982.

[50] См.: *Преображенский А. А.* Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (по поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. — 1984. — № 1. — С. 101—118.

[51] ГАСО. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 488. — Л. 6—7 об.

[52] ГАПО. — Ф. 597. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 4.

www.perm-book.ru

строгановских вотчин побывала и в ее северной части, центром которой был Орел-городок. Ремезовская летопись говорит: «Ермак побеже вверх по Волге и по Каме и дошед Орла городка и ту многие запасы у Строгановых ружье и вожей взял и бежа по Чусовой»[53]. О приходе Ермака в Орел-городок в вотчину Н. Г. Строганова говорит и Лихачевский список Есиповской летописи: «погребоша Камою рекою и будучи у Никиты Строганова и взели у него много запасов... приидоша и в слободы Никиты Строганова и оттоле поидоша в Чусовую реку»[54]. В то время это была наиболее заселенная и экономически развитая часть строгановских владений, а Нижний Чусовской городок, возникший на четыре года позже Орла-городка, имел вместе с округой 40 дворов. В Орле-городке в 1579 г. был 91 двор, 15 лавок и 13 варниц (6 из них пустые)[55]. В XVI в. здесь имелись кузницы, в которых можно было дополнительно изготовить оружие и снаряжение для казачьей дружины[56].

Доказательством участия Н. Г. Строганова в организации похода является то, что опальная грамота Ивана IV 1582 г. адресована не только М. Я. Строганову, но и ему[57]. В Сибирском летописном своде упоминается дата прихода дружины: «7088-го году во исходе пришел Ермак Тимофеев...»[58] Поэтому нет оснований не верить Строгановской летописи в том, что Ермак пришел на Чусовую задолго до начала похода, о чем свидетельствует и Есиповская летопись[59].

Кунгурская летопись говорит о том, что Ермак, плывя по Чусовой, «обмишенился» и свернул в Сылву, приняв ее за продолжение Чусовой. А. А. Преображенский считает, что этот казус является странным для человека, который по одной из версий родился на Урале[60]. Однако такая ошибка вполне возможна для человека, надолго покинувшего родину, ибо устье Сылвы и верхнее течение Чусовой около этого устья очень схожи и перепутать их, особенно в условиях плохой видимости, было совсем не трудно. Может быть, эта ошибка и заставила Ермака более тщательно готовить поход, изучить местные речные пути и взять с собой проводников.

Эта же летопись сообщает, что после вынужденной зимов-

---

[53] Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 317; ПСРЛ, 1987. — Т. 36. — С. 120.

[54] *Ромодановская Е. К.* Строгановы и Ермак — С. 136, 139, 143—144.

[55] См.: ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 1. — Л. 1—2.

[56] См.: *Оборин В. А.* Орел-городок // СА. — 1957. — № 4. — С. 140—152.

[57] См.: ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 10. — Л. 1.

[58] ПСРЛ. — 1987. — Т. 36. — С. 138.

[59] См.: Сибирские летописи. — С. 9—10, 57, 98, 194, 263.

[60] См.: *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. — С. 44; *Воронихин А. К.* К биографии Ермака // ВИ. — 1946. — № 10. — С. 98—100.

www.perm-book.ru

ки на Сылве основная часть дружины Ермака ушла в Нижний Чусовской городок, а «овии жъ оставшася»[61]. Ремезовская летопись упоминает Ермаково городище на Сылве, где остались «с женами зыряне». Если принять версию Е. К. Ромодановской о рождении Ермака в сольвычегодской вотчине Строгановых в с. Борок, то участие коми-зырян в дружине Ермака выглядит не так уж неправдоподобным. На правом берегу р. Сылвы над Кунгурской ледяной пещерой находится Ермаково городище, которое местное население считает местом зимовки Ермака. В исторической песне «Ермак взял Сибирь» поется, что казаки «нашли пещеру каменну, на висящем большом каменю, ни мало ни много — двести человек»[62]. У входа в пещеру были найдены русский бердыш и обрывок кольчуги XVI в. В 1 км выше по Сылве у д. Филипповка обнаружены погребения русских воинов XVI в.[63] — возможно, ермаковых казаков, не выдержавших зимовки, или тех из них, что отказались от похода.

Перезимовав на Сылве, казачья дружина снова вышла в Чусовую и поднялась по ней до Нижнего Чусовского городка. Строгановская и другие летописи говорят о том, что казаки были использованы Строгановыми для обороны южной части их владений от набегов вогуличей[64]. На притоке Чусовой — Усьве в урочище Побоище, которое местное предание связывает со сражением Ермака с вогуличами, был найден русский наконечник копья XVI в.[65] Другое местное предание говорит о сражении Ермака с вогуличами у переволоки недалеко от устья р. Чусовой[66]. Рядом с д. Ермаковой на правом берегу Чусовой ниже г. Чусового обнаружено городище квадратной формы с высокими валами и остатками башен по углам, отличающееся от местных городищ и схожее с русскими укрепленными лагерями. Предание связывает и его с пребыванием дружины Ермака. На Чусовой и Сылве сохранилось много географический названий, связанных с именем Ермака (камень Ермак[67], Ермаков перебор, речка Ермакова, хутора Ермаковы и т. д.).

---

[61] Сибирские летописи. — С. 314.

[62] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — СПб., 1892. — С. 94.

[63] См.: *Оборин В. А.* Городки изначальные // Вокруг света. — 1976. — № 6. — С. 32—33.

[64] См.: Сибирские летописи. — С. 9—10, 57, 98, 194, 268; ГАСО. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 488. — Л. 7 об.; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1894. — Вып. 5. — С. 213.

[65] См.: *Киреев В.* Побоище на р. Усьве // Ленинец: Орган Горнозаводского районного комитета КПСС Пермск. обл. — 1968, 20 июня.

[66] См.: *Вылежнев Ю. Г.* По следам Ермака // Календарь-справочник Пермской области на 1964 г. — Пермь, 1963. — С. 107—110.

[67] См.: *Галушко Л. Г.* Название «камней» р. Чусовой // Вопр. топономастики. — Свердловск, 1962. — Вып. 1. — С. 46.

www.perm-book.ru

Сопоставление сообщений письменных источников и преданий с археологическим материалом говорит в пользу версии о том, что поход Ермака был совершен не сходу, а после его достаточной подготовки — испытания в боях возможного противника (вогуличей), изучения местных речных путей, пополнения состава дружины, снаряжения и продовольствия. Я не могу поэтому согласиться с Р. Г. Скрынниковым, отрицающим все сведения сибирских летописей по подготовке похода, перспективы поиска зимовок отряда Ермака[68]. Нет достаточных оснований для пересмотра даты начала похода и сроков его проведения. В 1981 г. несколько хорошо подготовленных отрядов туристов пытались на современных легких лодках с небольшим грузом повторить маршрут Ермака, однако дальше р. Серебрянки никому из них за полтора месяца пройти не удалось.

В исторических песнях о Ермаке говорится о его стоянке на Тагиле у Медведь-камня[69], где остановка была вызвана необходимостью строительства новых судов. Об этом же говорит и тобольский летописец по Абрамовскому списку: «И приидоша на реку Тагил, а до Тагила суды через волок провадили, а иные струги тут на волоку строили... и поплыли Тагилом рекою»[70]. На левом берегу р. Тагил в 12 км к северу от г. Нижний Тагил у Медведь-камня находится Ермаково городище. В его раскопках найдены землянки, кузнечный горн, обломки пищалей, меча, чешуйки панцыря, куски железных листов с гвоздями для обивки днищ судов, монеты Ивана IV и другие вещи[71]. Площадь городища (600 кв. м) говорит о небольшой численности размещавшегося в нем отряда — не более 500 человек. В различных редакциях Есиповской летописи называется это же число пришедших (540—600) и 50 местных («тутошних») людей, взятых Ермаком у Строгановых («а иных вольных к себе призвал», или они сами «приставша»). Среди них были проводники, «знающие» дорогу в Сибирь[72].

Кстати, археологи исследовали и места зимовок Ермака в Сибири. В 1982—1984 гг. С. Г. Пархимович обнаружил на Карачинском острове близ Тобольска остатки мощных укреплений, двух полуземлянок и срубной избы, оружие и другие русские вещи конца XVI—XVII вв. Местные жители связывают их с дружиной Ермака, а сибирские летописи говорят о

---

[68] См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. — С. 146.

[69] См.: Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — С. 95; Исторические песни XIII—XVI веков. — М.; Л., 1960. — С. 539.

[70] ПСРЛ. — 1987. — Т. 36. — С. 120.

[71] См.: *Россадович А. И.* По следам Ермака. — С. 51.

[72] ПСРЛ. — 1987. — Т. 36. — С. 32, 73, 78, 83, 130, 181, 239.

www.perm-book.ru

том, что Ермак зимовал в захваченном им городке Карачи — воеводы хана Кучума[73].

Поход Ермака был проявлением народной инициативы, ответом на постоянные набеги сибирских ханов и их вассалов на восточные окраины Русского государства. Несмотря на гибель Ермака и временное отступление русских отрядов, падение Сибирского ханства создало условия для мирного освоения русскими людьми восточного склона Урала и всей Сибири. Правительство Ивана IV воспользовалось удачным завершением похода, включив Зауралье и всю Сибирь в состав государственной территории.

Первые русские городки на восточном склоне Урала, построенные в XV в. до похода Ермака, были временными стоянками русских гарнизонов и лишь немногие использовались до конца XVI в. (Ляпин). Все они располагались на северном пути за Урал (Печора — Сосьва — Обь). В 80-х годах возникают новые военно-административные центры — Тюмень, Тобольск, Тара, Сургут, Нарым, Томск. Продолжали использоваться временные военные лагери, основанные дружиной Ермака и шедшими вслед за ней русскими отрядами[74]. Строится Верхне-Тагильский городок. В 1589 г. его гарнизон был переведен в Лозьвинский городок, а сам он был сожжен[75].

В 1588 г. на большом (10 га) мысу при впадении р. Ивдель в Лозьву создается главная перевалочная база на северном пути через Урал — Лозьвинский городок: «Лета 7096 князь великий Феодор Иванович повеле возити на Лозву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людем»[76]. Городок становится центром обширного уезда во главе с воеводой, укрепляется острогом, городнями и сторожевыми башнями, обнаруженными в наших раскопках[77]. В раскопках С. Г. Пархимовича в 1981—1984 гг. исследована оборонительная система городка, включавшая стену из городней, засыпанных песком и мелкими камнями, угловые башни с нижней жилой частью и ров, шириной до 3,5 м. Изучены также остатки пяти изб, ориентированных по странам света. Они располагались рядами. В них находились кирпичные печи и хозяйственные ямы. Вокруг одной из усадеб обнаружены следы двойной изгороди из кольев.

---

[73] См.: *Пархимович С. Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI—XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск, 1986. — С. 141—142.

[74] См.: *Россадович А. И.* Освоение русскими Урала по данным археологии // Тез. докл. VI Урал. археол. совещ. — М., 1977. — С. 31—33.

[75] См.: Разрядная книга 1475—1593 годов. — М.; Л., 1966. — С. 390.

[76] ВВЛ. — С. 267.

[77] См.: *Денисов В. П., Оборин В. А.* Исследования в Пермской и на севере Свердловской области // АО — 1967. — М., 1968. — С. 106.

www.perm-book.ru

В культурном слое найдены остатки оружия, железные подковки от мужских сапог, монеты Ивана Грозного, медные крестики, бытовые предметы, шахматная фигурка[78]. В зимнее время в нем скапливалось до 900 т различных грузов, более 2,5 тыс. подвод и до 3 тыс. временного населения[79]. Привезенный хлеб складывался в государственные житницы, соль и боеприпасы — в амбары. На плотбище строились суда, отправлявшиеся с пристани городка на Туру, Тавду, Тобол и Иртыш. Здесь стоял небольшой гарнизон из стрельцов и казаков, хранилось денежное жалование сибирским служилым людям. Городок стал центром сбора ясака с окрестного вогульского населения.

В 1593 г. по указу царя на месте городища — центра пелымских вогуличей при впадении р. Пелым в Тавду — был построен другой русский город — Пелым[80]. Он занимал невысокий большой (около 5 га) мыс, на возвышенной части которого в 1597 г. были поставлены стены кремля из городней, с четырьмя наугольными башнями. В нем находились воеводский дом, погреб для хранения казны и боеприпасов и церковь. С двух сторон к кремлю примыкал посад, обнесенный острогом с двумя проезжими башнями, стояли избы, лавки и хозяйственные постройки. Население города состояло в основном из служилых людей (около 200), набранных в Перми Великой и в Вятской земле и переведенных с западных и южных границ государства — «литва и черкасы»[81]. Здесь поселились и 49 крестьян, осваивавших пригородные земли. Их привлекали к строительству городка[82]. Пелым стал центром еще одного нового уезда, включившего вогульские волости по Большой и Малой Конде, Лозьве, Сосьве и Тавде. Суровый климат и малоплодородные почвы тормозили земледельческое освоение окрестностей города, но под его защитой на более плодородных землях Таборинской волости начинают строиться русские деревни и слободы. В 1609 г. сюда были переселены по вербовке около 100 «пашенных охочих людей» из Перми Великой[83].

Освоение Зауралья и Сибири сдерживалось трудностями передвижения по водным путям в малодоступных северных районах Урала. В 1595 г. крестьянин д. Верхняя Усолка Со-

---

[78] См.: *Пархимович С. Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири. — С. 139—141; *Он же.* Раскопки Лозьвинского городка и городища Шеркалы // АО — 1984. — М., 1986. — С. 149.

[79] См.: ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 49. — Л. 1—4.

[80] См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. — Т. 1. — С. 281.

[81] РИБ. — № 2. — С. 100—101.

[82] См.: ВВЛ. — С. 267.

[83] Верхотурские грамоты конца XVI—начала XVII века.—С. 216—217.

www.perm-book.ru

ликамского уезда Артемий Сафонович Бабинов[84] разведал новую прямую сухопутную дорогу от Соликамска на верховья Туры, а в 1597 г. по указу царя началось ее строительство[85]. Дорога протяженностью в 263 версты в семь раз сократила путь в Сибирь. С верховьев Туры шел удобный и короткий водный путь к основным сибирским городам — Тюмени и Тобольску. Здесь имелся строевой лес, более плодородные земли, чем в северных зауральских уездах. На этом пути было легче переходить через Уральский хребет. Под руководством А. Бабинова дорогу строили соликамские «посошные» люди. Благодаря смекалке и энергии талантливого инженера-самоучки она была построена в короткий срок — менее, чем за три года. Недаром его имя увековечено в названии дороги — Бабиновская[86]. Вскоре по ней начался приток грузов, русских переселенцев, служилых и торговых людей и она стала основным путем, связывавшим Сибирь с европейской частью Русского государства.

Одновременно с прокладкой дороги началось строительство нового города в верховьях Туры, в котором была поставлена главная сибирская таможня, где собирались пошлины с товаров и людей, проезжавших из европейской части страны в Сибирь и обратно. Место для города было выбрано удачно — на высоком скалистом мысу левого берега р. Туры, где по «росписи» — чертежу чердынского воеводы Сарыча Шестакова были поставлены укрепления деревянного кремля[87]. Крутой обрыв берега дал возможность вместо обычных городней «хоромы поставить в ряд», т. е. стену к Туре образовали хозяйственные постройки, поставленные впритык друг к другу. В 0,5 км к востоку от кремля находилось заброшенное мансийское городище Неромкар. В 1601 г. вогульский юрт «Неромкары» кочевал уже на значительном удалении от города[88]. Город стал новой перевалочной базой в Зауралье, в связи с чем Лозьвинский городок был ликвидирован, его укрепления сплавлены в Пелым, а гарнизон переведен в новый город, получивший название Верхотурье.

---

[84] Ряд исследователей считали Бабинова посадским человеком Соликамска (*Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Вып. 6. — С. 19; *Иофа Л. Е.* Города Урала. — Т. 1. — С. 67) и даже Соли Вычегодской (История Сибири. — Л., Т. 2. — С. 37). Писцовые книги И. И. Яхонтова 1579 г. (до прокладки дороги) и М. Ф. Кайсарова 1623 г. (после прокладки дороги) не упоминают его среди жителей Соликамска. Соликамские летописцы называют его крестьянином д. Верх-Усолка (*Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. — СПб., 1821. — С. 206; ГАПО. — Ф. 597. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 10 об.).

[85] См.: ВВЛ. — С. 268.

[86] См.: *Чагин Г. Н.* На земле Артемия Бабинова // Соликамский рабочий. — 1980. 14, 19, 21, 28 февр.

[87] См.: РИБ. — № 2. — С. 56—57.

[88] См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. — Т. 1. С. 406.

www.perm-book.ru

Для строительства городка в глухом, пустынном месте правительство пыталось набрать рабочую силу вольным наймом. Однако средства (300 р.), отпущенные для этого, были настолько малы, что в Перми Великой не нашлось желающих работать за скудную плату. Пришлось прибегнуть к принудительному найму по расценкам вдвое меньшим, чем требовали нанимающиеся, а также к труду служилых людей и татарских пленников, взятых в Казанском ханстве[89], т. е. вести строительство обычными крепостническими методами[90]. Поэтому оно затянулось на долгое время и качество его было невысоким.

Верхотурье стало не только военно-административным центром нового уезда, в состав которого вошла большая часть лесного Зауралья, но и его экономическим центром. Сюда переселялись торговые люди из Перми и Вятки[91] и в 1600 г. был поставлен гостиный двор[92] и «татарский двор» для торговли ясачных людей, появились казенные ремесленники. Ремеслом и торговлей занимались и служилые люди. Город стал центром винокурения и речного судостроения. В 1600 г. в нем разместились 80 плотников, присланных из Чердыни, Соликамска, Вятки и Устюга Великого[93]. Он становится центром ямской гоньбы. В его Ямскую слободу переводятся ямщики из Поволжья и Вятской земли[94]. Здесь строятся церкви и первый в Зауралье Никольский мужской монастырь. Местное вогульское население было обязано платить ясак верхотурскому воеводе. С 1599 г. на прилегающих к городу землях поселяются первые крестьяне, осваивавшие пашни по р. Туре[95]. Верхотурье оказывало помощь в строительстве других сибирских городов. В 1600 г. часть служилых людей, крестьян, вооружение, продовольствие и семена были направлены из него в Туринск, а в 1601 г. — верхотурские плотники строили суда для «мангазейского и енисейского ходу»[96].

---

[89] См.: РИБ. — № 2. — С. 58—61; ВОИДР. — М., 1857. — Т. 25. — С. 7—8.

[90] Нельзя согласиться с Д. П. Маковским, утверждавшим, что при строительстве Верхотурья применялся ничем не осложненный вольный найм. — См.: *Маковский Д. П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. — Смоленск, 1963. — С. 129. Источники говорят о принудительном труде при реальном осуществлении строительства.

[91] См.: ЦГАДА. — Ф. 1111. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 2; АИ. — Т. 2. — С. 26—27; Т. 3. — С. 23; ДАИ. — Т. 1. — С. 164.

[92] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 58—60.

[93] См.: ВОИДР. — Т. 25. — С. 9—10; АИ. — Т. 2. — С. 54—56.

[94] См.: АИ. — Т. 2. — С. 10, 55, 59.

[95] См.: ЦГАДА. — Ф. 1111. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 8 об., 17, 30 об. и др.

[96] РИБ. — № 2. — С. 66, 71—73, 815, 934.

www.perm-book.ru

Приуралье сыграло важную роль в освоении Зауралья. Власть чердынских воевод была распространена на его северную часть, и некоторые из них становились первыми воеводами новых зауральских уездов. Из Перми Великой на восточный склон Урала переселялись служилые люди, посадское население, мастера по строительству укреплений и речных судов[97]. Соликамские кузнецы ковали сошники и другие орудия труда для крестьян, осваивавших зауральскую пашню[98]. К строительству городов Зауралья были привлечены и Строгановы. В 1592 г. правительство обязало их отправить за Урал 100 человек с полным вооружением и снаряжением[99].

С возникновением русских городов в Зауралье вся территория северного и среднего Урала прочно вошла в состав Русского государства, были созданы предпосылки массового освоения края русскими[100].

3.3. СТИХИЙНАЯ НАРОДНАЯ (КРЕСТЬЯНСКАЯ И ПОСАДСКАЯ) КОЛОНИЗАЦИЯ

Со второй половины XVI в. стихийная народная колонизация становится ведущей среди других форм колонизации, причем главную роль играет крестьянская колонизация, придающая постепенно всему процессу переселения значение массового явления. Крестьян привлекало на Урал не только обилие свободных земель, более пригодных для развития сельского хозяйства, чем большинство земель северного Поморья (особенно в Среднем Прикамье и в Зауралье), но и возможность занятий традиционными для северного крестьянства промыслами (охота, рыболовство, солеварение, лесоразработки, металлургия и металлообработка), льготы и преобладание на Урале отношений государственного феодализма, выражавшихся в Приуралье, в частности, в исчислении государственных налогов в денежной форме (сначала в фор-

---

[97] См.: АИ. — Т. 2. — С. 34, 54; РИБ. — № 2. — С. 56, 61, 79, 99—100, 103—106, 113, 118.

[98] См.: АИ. — Т. 1. — С. 111.

[99] См.: *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Первый период. — С. 103.

[100] Мы не можем согласиться со схемой развития зауральских городов, выдвинутой В. И. Сергеевым, — см.: *Сергеев В. И.* Основание городов Западной Сибири (до середины XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1962 — острог; торговый центр; центр ремесла, торговли и сельскохозяйственной округи. Источники говорят в пользу уточнений, предложенных О. Н. Вилковым (*Вилков О. Н.* Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII века в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. — Новосибирск, 1981. — Вып. 1. — С. 41—42), что там, где позволяли природно-климатические условия, города сразу становились экономическими центрами с развитыми торговлей, ремеслом и товарным земледелием.

www.perm-book.ru

ме дани мехами), что более стимулировало развитие крестьянского хозяйства, чем барщина и натуральный оброк.

В Приуралье переносились социальные отношения северной поморской деревни, в среде которой дольше сохранялась свободная крестьянская собственность на средства производства, развивались органы земского самоуправления [101]. Одной из причин переселения из северных уездов Поморья было начавшееся там закрепощение части крестьян монастырями и отдельными феодалами и усиление феодального гнета в их вотчинах [102]. Уход и бегство крестьян были одной из форм классового протеста против возраставшего угнетения. Этот уход объективно ослаблял классовые противоречия в «старых» районах Поморья и был выгоден самодержавному правительству. Сказались и относительное перенаселение на малоплодородных и трудных для освоения землях Севера [103], разорение некоторых уездов во время опричнины, а западного Поморья и во время Ливонской войны [104]. На Урал бежали от религиозных преследований участники «еретических» движений [105].

Крестьяне переселялись и в вотчины Строгановых, привлеченные льготами по временному освобождению от налогов, ссудами на обзаведение хозяйством, укрытием (несмотря на запреты правительства) беглых крепостных и спасавшихся от преследования царской администрации. Возможно, что и пример быстрого обогащения Строгановых — выходцев из зажиточных крестьян [106] — порождал наивную иллюзию обогащения на новых землях.

Миграции из Поволжья и центра Русского государства были вызваны ростом помещичьего землевладения и барщины, усилением крепостнического гнета, сгоном нерусского населения с лучших освоенных земель, насильственной христианизацией, репрессиями при подавлении народных движений [107].

---

[101] См.: *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI веке. — Л., 1978. — С. 230—231.

[102] См.: *Колесников П. А.* Из истории крестьянства и ремесленников Европейского Севера в XVI—XVII веках // Мат-лы по истории местного края. — Вологда, 1967. — С. 6.

[103] См.: *Колесников П. А.* Миграции северного крестьянства в XVI—начале XVIII века // Мат-лы по истории Европейского Севера СССР. — Вологда, 1970. — Вып. 1. — С. 353—374.

[104] См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова (1606—1607 гг.). — М., 1951. — С. 48.

[105] См.: Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). — М., 1967. — С. 104—105, 113—114.

[106] См.: *Либерзон И. З.* У истоков формирования крупной феодальной вотчины // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. — Киров, 1979. — С. 54—57.

[107] См.: *Дмитриев В. Д.* Национально-колониальная политика царизма в Среднем Поволжье во второй половине XVI—XVII веке // Вопросы

www.perm-book.ru

Переселение из этих районов обычно принимало форму бегства или принудительного перевода.

Переписи населения Верхнего и Среднего Прикамья конца 70—90-х годов, несмотря на всю их неполноту (не сохранились переписи по всем монастырским и строгановским владениям, по Кайгородскому уезду, отписанному в 1586 г. к Перми Великой) [108], дают возможность статистического анализа изменений в составе населения, определения основных районов выхода переселенцев. Через 48 лет после переписи И. Боброва население Приуралья по переписям И. Яхонтова, Аристова и Палицына выросло всего на 17—20% (2,6 тыс. душ мужского пола), что, видимо, объясняется сохранением военной опасности с востока и юга до конца XVI в.

Наиболее населенным оказался самый северный—Чердынский уезд (68% — более двух третей всего населения, а наименее — округа Ново-Никольской слободы — менее 4%). Средняя плотность населения составила около 0,1 чел. на 1 кв. м (0,09). Плотнее всех был заселен окологородный стан Чердынского уезда (2,5 чел. на 1 кв. м) и небольшой Соликамский уезд (0,6 чел. на 1 кв. м), а слабее всех (0,015 чел.) — отхожий округ Чердынского уезда (однако, возможно, что в переписи по этому округу не было учтено основное население — коми-пермяки, а переписывалось только русское население). Т. е., по неполным данным (табл. 3), плотность населения в начале массовой русской колонизации в Приуралье (без Вятской земли и Башкирии) была не больше, чем в Австралии до начала массовой европейской колонизации.

Наши расчеты примерно совпадают и с данными других исследователей [109]. За 44 года (1579—1623) русское население Среднего Урала выросло в 2,7 раза, причем наиболее быстро заселялись вотчины Строгановых и округа Ново-Никольской слободы, население которых выросло в 3,8 раза. После падения Сибирского ханства и уменьшения военной опасности началось массовое переселение крестьянства и посадских людей.

Русские крестьяне осваивали преимущественно свободные земли, еще не освоенные местным населением. Лишь 11 русских сельских поселений XVI в. возникли на месте поселений родановской культуры XIV—XV вв., однако многие из них были поставлены неподалеку от коми-пермяцких городищ и

социально-экономической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. — Чебоксары, 1973. — С. 23—27.

[108] См.: ВВЛ. — С. 267.

[109] См.: *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. — М., 1954. — Т. 1. С. 131; *Власов Ю. А.* Картография Среднего Урала в дореволюционный период: Автореф. дис. ...канд. геогр. наук. — Пермь, 1967. — С. 21.

www.perm-book.ru

Таблица 3

Плотность населения в Приуралье в XVI в. (1579—1596 гг.) [110]

Территория	Кол-во дво-ров	Число душ муж. пола	Численность всего населения	Пло-щадь, кв. км	Средняя плотность, чел. на кв. км
Чердынский уезд					
Окологородный стан, включая г. Чердынь	545	613	1 839	720	2,5
Верхний стан	400	435	1 305	4 320	0,3
Нижний стан	370	420	1 260	4 104	0,3
Отхожий округ	178	233	699	45 216	0,015
Всего по уезду	1 493	1 701	5 103	54 360	0,09
Соликамский уезд, включая Соликамск	352	407	1 221	2 020	0,6
Вотчины Строгановых, включая Орел-городок	209	240	720	13 104	0,06
Ново-Никольская слобода (Оса)	48	92	276	5 618	0,05
Всего по Приуралью	2 102	2 440	7 320	75 102	0,09

[110] ГБЛ.— Ф. 256.— Д. 308; *Дмитриев А. А.* Пермская старина.— Пермь, 1892.— Вып. 4; 1900.— Вып. 8 (прил.).

селищ, а часть из них сохранили нерусские названия (см. табл. 1). Больше всего их было в Чердынском уезде (около 50%) и меньше всего — в Соликамском (16,2%), в котором меньше всего обнаружено и поселений родановской культуры. Этнический состав ряда поселений был смешанным — русские крестьяне жили вместе с коми-пермяками. Раскопки Кудымкарского могильника XVI в. показали, что в антропологическом типе захороненных в нем людей, в деталях погребального обряда и в составе вещей наблюдалось сочетание русских и коми-пермяцких черт [111]. По переписи 1579 г. по д. Кудымкар при преобладании русских имен и прозвищ встречаются и коми-пермяцкие.

Переписи 1579 и 1596 гг. говорят о том, что большинство крестьян переселялись в Приуралье из северного Поморья

[111] См.: *Оборин В. А.* К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI—XVII веках // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки.— М., 1977.— С. 165—167.

www.perm-book.ru

(Двина, Холмогоры), в том числе из местностей, населенных коми-зырянами (Мезень, Вычегда, Вымь, Вилядь) и из центрального Поморья (Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Вага) и реже — из западного Поморья. Они заселяли верховья Камы и ее притоки до р. Тулвы на юге, а с конца XVI в. часть их северным путем направлялась за Урал до Оби. Большинство русских топонимов XVI в. на Урале имеют севернорусское происхождение[112]. Из Поволжья и центральных уездов (Калуга, Углич, Москва) переселенцы поднимались вверх по Каме до Тулвы и Чусовой и проникали за Урал южным путем — с Камы на Белую и Уфу и с ее верховьев — на Исеть и Миасс. Со времен похода Ермака использовался водный путь по р. Чусовой. Переселение с севера на юг преобладало на обоих склонах Урала.

Во второй половине XVI в. начинается внутреннее переселение русского и нерусского населения в пределах Урала. Из малоплодородных северных уездов оно, оставляя старые места, перемещается в более плодородные районы Среднего Прикамья и восточного склона Урала. В 1579 г. в Чердынском уезде уже запустело 11 дворов, в Орле-городке 7, в Соликамском уезде 2, а в Ново-Никольской слободе более трети всех крестьян были выходцами из Чердынского и Соликамского уездов и один — из Кайгородского.

В конце XVI в. в Верхнем и Среднем Прикамье насчитывалось 223 сельских населенных пункта (табл. 4). Здесь преобладал приречный тип расселения. Как и на русском Севере, поселения обычно ставились на южных склонах речных берегов, защищенных от северных ветров лесными массивами. Появляется водораздельный тип — заселяется междуречье Камы, Вишеры и Колвы. Древнейшим был пригородный тип. В окологородном стане Чердынского и в Соликамском уезде почти все поселения располагались в радиусе 10—20 км от городов, по одному берегу реки. В отхожем округе Чердынского уезда господствовал редкоочаговый тип, когда небольшие группы поселений находились на значительном расстоянии друг от друга. Сложившись в XVI в., эти типы расселения сохранились в основном до настоящего времени[113].

Самые крупные сельские поселения — погосты — в XVI в. были только в Чердынском уезде. Этот тип поселений[114] харак-

---

[112] См.: *Бординских Г. А., Оборин В. А.* Русская топономия как источник по истории колонизации Урала // Методы топонимических исследований. — Свердловск, 1983. — С. 58—59.

[113] См.: *Чепкасов П. Н.* География населения и населенных пунктов на севере Пермской области // Учен. зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1967. — Вып. 168. — С. 67—70.

[114] См.: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. — М., 1962. — С. 7, 159—160, 184.

www.perm-book.ru

Типы сельских поселений Перми Великой в XVI в. (1579—1596 гг.), их размещение и численность дворов [115]

Таблица 4

Территория	Погосты, слободы					Деревни							Починки			Всего населенных пунктов
	общее число	число дворов				общее число	число дворов						общее число	число дворов		
		до 20	20—40	40—50	свыше 50		1	2—5	6—10	11—20	20—30	свыше 30		1	2—4	
Чердынский уезд																
Окологородный стан	2	—	1	—	1	13	2	8	—	1	1	1	10	7	3	25
Верхний стан	4	—	2	1	1	19	—	4	8	5	2	—	6	3	3	29
Нижний стан	3	1	1	—	1	28	—	8	13	6	1	—	15	9	6	46
Отхожий стан	2	2	—	—	—	22	—	13	5	4	—	—	3	3	—	27
Всего по уезду	11	3	4	1	3	82	2	33	26	16	4	1	34	22	12	127
%	8,6	27	37	9	27	64,7	2,4	40,7	31,7	19,2	4,8	1,2	26,7	64,7	35,3	100
Соликамский уезд	—	—	—	—	—	23	5	13	1	2	1	1	11	11	—	44
%	—	—	—	—	—	77,3	21,5	57	4,3	8,6	4,3	4,3	22,7	100	—	100
Вотчины Строгановых	—	—	—	—	—	18	4	14	—	—	—	—	33	33	—	51
%	—	—	—	—	—	35,7	22	78	—	—	—	—	64,7	—	—	100
Ново-Никольская слобода	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего по Перми Великой:	12	3	4	2	3	123	11	60	27	18	5	2	78	66	12	223
%	5,3	27,3	30,3	15,1	27,3	59,8	8,9	49	21,9	14,6	4	1,2	34,9	74,7	25,3	100

[115] ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1892. — Вып. 3; 1900. — Вып. 8.

www.perm-book.ru

терен для русского Севера. По классификации М. В. Витова, он имел два значения: погост — место (населенный пункт) и погост — округ. Они были центрами общинного самоуправления и религиозными центрами, в которых обычно находились церковь и кладбище, крупными населенными пунктами, имевшими в среднем более 20 дворов (две трети погостов в 1579 г.), а погост Вильгорт 83 двора. В большинстве из них кроме пашенных были беспашные и бобыльские дворы, принадлежащие обычно сельским ремесленникам. Рядом с ними находились мельницы (в Вильгорте 13 мельниц-колотовок) и рыбные ловли. Погосты — места были промыслово-торговыми центрами.

Погосты — центры сельскохозяйственной округи располагались неравномерно по территории уезда. В окологороднем стане они были удалены друг от друга на 10—12 км, в нижнем — на 15—20, в верхнем — на 30—35, а в отхожем округе от 70 до 100 км. К ним тяготело одно (Покча, Анисимов, Вильгорт) или несколько «гнезд» поселений (табл. 5) — от 2 до 6. В каждом «гнезде» было от 2 до 6 поселений. Меньше всего «гнезд» было в окологороднем стане, и они находились на небольшом удалении (0,5—5 км) друг от друга. Больше всего «гнезд» было в округе погостов, расположенных на более плодородных землях нижнего стана и в отхожем округе, где расстояние между «гнездами» было до 15—30 км и более, а внутри «гнезд» от 7 до 15 км. Каждое «гнездо» (особенно небольшое), вероятно, было местом обитания одной сельской общины — «мира».

Слободами назывались на первых порах некоторые строгановские городки. Однако их уже в XVI в. нельзя было считать чисто сельскими поселениями. Полностью оправдывала это название только Ново-Никольская слобода, в которой в 1596 г. было 48 дворов с мужским населением около 100 человек, в том числе 3 ремесленника-кузнеца. Слобода имела органы мирского самоуправления и была религиозным центром — в ней находилась церковь.

Основным типом сельских поселений были деревни. Так же как и в северном Поморье, это понятие включало не только жилые и хозяйственные постройки, но и весь комплекс сельскохозяйственных угодий, примыкавший к ним. Почти половина деревень были небольшими и имели от двух до пяти дворов, реже (9%) встречались однодворные. Две деревни (Вотцкая в Чердынском и Кулаково в Соликамском уездах) имели более 30 дворов. Самые крупные деревни находились в Чердынском и Соликамском уездах, самые мелкие — в вотчинах Строгановых. Часть из них возникла задолго до переписи 1579 г., о чем говорит наличие в них уже запустевших дворов.

www.perm-book.ru

Таблица 5

Погосты Чердынского уезда в 1579 г. и их округа[116]

Стан, погост	Ко-во деревень	Ко-во починков	Всего населенных пунктов	Кол-во «гнезд»	Максимальное удаление в пределах «гнезда», км	Максимальное удаление от ближайшего погоста, км
Окологородный						
Округ г. Чердыни	4	4	8	1	3	5
Анисимов	7	3	10	1	4	7,5
Покча	2	3	5	1	2,5	7,5
Верхний						
Вильгорт	3	1	4	1	12	12
Искор	4	1	5	3	10	17
Янидор	6	3	9	2	15	20
Кулчук	6	1	7	1	13	10
Нижний						
Губдор	15	11	26	6	14	10
Пянтег	5	—	5	3	8	12,5
Редикор	8	4	12	3	5	12,5
Отхожий						
Гайны	13	2	15	4	12	50
Обва	6	1	7	5	15	150
Нижняя Коса	3	—	3	2	7,5	50

[116] ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 16 об. — 43.

Большинство русских названий деревень XVI в. происходит от личных имен и прозвищ первопоселенцев[117], причем некоторые из них еще проживали в основанных ими деревнях (д. Захарово — Митя и Панко Захаровы, д. Трясеницына — Михалко, Иванко и Микулка Трясеницыны и т. д.). Первые деревни были основаны большими крестьянскими семьями. К концу XVI в. во многих из них поселяются выходцы из других семей и кроме имен и прозвищ первопоселенцев появляются другие имена и прозвища. Некоторые крупные деревни становятся экономическими центрами внутри своего «гнез-

[117] См.: *Оборин В. А.* Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI—XVII веков. — С. 75.

www.perm-book.ru

Таблица 6

Соотношение городского и сельского населения в Приуралье в XVI в. (1579—1596 гг.) [118]

Город, уезд	Городское население			Сельское население		
	число дворов	число людей муж. пола	в средн. мужчин на 1 двор	число дворов	число людей муж. пола	в среди. мужчин на 1 двор
г. Чердынь	290	326	1,1	—	—	—
Чердынский уезд	—	—	—	1 203	1 375	1,1
г. Соликамск	190	201	1	—	—	—
Соликамский уезд	—	—	—	162	206	1,2
Орел-городок	90	93	1,1	—	—	—
Вотчины Строгановых	—	—	—	199	147	1,1
Ново-Никольская слобода (Оса)	—	—	—	48	92	2
Всего городского	570	620	1	—	—	—
Всего сельского	—	—	—	1 532	1 820	1,3

[118] ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1892. — Вып. 4; 1900. — Вып. 8 (прил.).

да». В них сосредотачиваются мельницы, оброчные рыбные ловли, беспашенное население, часть которого занимается ремеслом (Цидва, Лимеж, Амбор и др.). В начале XVII в. они превращаются в погосты.

Почти все починки возникли на новых местах, не связанных с древними местными поселениями. Абсолютное большинство их (91% в Чердынском и Соликамском уездах) имели русские названия по личным именам первопоселенцев, которые проживали в основанных ими поселениях (например, Мочалов, Красноперов в Чердынском, Тимашев — в Соликамском уезде). В починках с нерусскими названиями встречаются только русские фамилии. Три четверти всех починков имели по одному двору. Однако некоторые из них постепенно разрастаются до двух-четырех дворов. В Чердынском уезде они составили более трети всех поселений этого типа. Из них выделяются новые починки. Появляются по два починка с одинаковыми названиями (Теплово и Орефин). Это выселки, образованные при разделе больших крестьянских семей. Часть починков были выселками из деревень и погостов. Крупные починки превращаются в XVII в. в деревни, а некоторые и в погосты (починок Теплово — погост Бондюг).

Ведущая роль крестьянской колонизации отразилась и в соотношении сельского и городского населения (табл. 6).

www.perm-book.ru

К концу XVI в. сельское население Верхнего и Среднего Прикамья составляло 74,6% всего населения. Наиболее крестьянским был Чердынский уезд (80,9%). В Соликамском уезде на долю сельского населения приходилось чуть более половины (50,5%) всего населения, тесно связанного экономически с городом. Абсолютное большинство сельского населения занималось земледелием (89,9%) и лишь десятая часть его не имела пашни (10,1%). Больше всего беспашенного населения было в Соликамском уезде (11,7%) и меньше всего (4,3%) — в Ново-Никольской слободе (табл. 7). Значительный процент беспашенного населения в северных уездах говорит о сохранении традиций промысловой поморской деревни.

Большинство крестьянских дворов принадлежало ближайшим родственникам — отцу с сыновьями, родным братьям с сыновьями, реже — дядям с племянниками (табл. 8). При освоении новых земель сохранялись нераздельные семьи из двух поколений. Преобладали дворы, принадлежащие одному хозяину (87,2%), особенно в районах «старой» колонизации — в окологороднем и верхнем станах Чердынского уезда. Дворы с несколькими хозяевами (2—3) чаще встречаются во вновь осваиваемых районах — отхожем округе Чердынского уезда и в Ново-Никольской слободе. На уже освоенных землях большие нераздельные семьи начали дробиться на малые крестьянские хозяйства, как и в Двинском уезде в XVI в.[119]. В двух случаях дворами владели женщины — вдовы с сыновьями. Редко хозяевами тяглого двора были неродственники или родственники вместе с неродственниками. Это были обычные для Поморья складнические хозяйства, вызванные необходимостью кооперации мужского труда в одном хозяйстве при освоении новых лесных районов и меньшей долей тягла на каждого работника. В Прикамье таких складнических хозяйств было меньше (около 1%), чем в уездах северного Поморья (от 0,5 до 4,5%).

Русские феодальные города сыграли важную роль в общем процессе колонизации[120] и уральские города не были исключением в этом отношении, хотя имели и ряд особенностей в сравнении с другими регионами. Прежде, чем перейти к характеристике этих особенностей, необходимо определить критерии отнесения тех или иных населенных пунктов к поселениям городского типа. Мы считаем, что градообразующую роль играл не один какой-то фактор, а целый комплекс фак-

[119] См.: *Копанев А. И.* Крестьянство русского Севера в XVI веке. — С. 119—122.

[120] См.: *Яцунский В. К.* Некоторые вопросы методики изучения феодального города в России // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 89.

www.perm-book.ru

Таблица 7

Соотношение пашенного и беспашенного населения Перми Великой в XVI в. (1579—1598 гг.) [121]

Город, уезд, крупный населенный пункт	Общее число дворов	Число пашенных дворов	%	Число беспашенных дворов	%
г. Чердынь	290	52	18	238	82
Чердынский уезд					
Окологородный стан					
пог. Анисимов	46	36	78,3	10	21,7
д. Вотцкая	45	31	69	14	31
д. Блиново	8	5	62,5	3	37,5
пог. Покча	60	47	76,7	13	23,3
Всего в стане	253	213	74,2	40	25,8
Верхний стан					
пог. Вильгорт	83	56	67,4	27	32,6
пог. Искор	28	20	71,5	8	28,5
пог. Кулчуг	29	21	72,5	8	27,5
Всего в стане	400	357	89,3	43	10,7
Нижний стан					
пог. Губдор	64	40	62,5	24	37,5
д. Язьва	13	8	61,6	5	38,4
д. Вильва	16	12	75	4	25
пог. Редикор	32	26	81,3	6	18,7
Всего в стане	370	331	89,5	39	10,5
Отхожий стан	178	178	100	—	—
Всего по уезду	1 201	1 079	89,9	122	10,1
г. Соликамск	190	55	29	135	71
Соликамский уезд					
д. Скрыпинская	8	5	62,5	3	37,5
д. Зубковская	8	6	75	2	25
д. Кулаково	36	31	86,1	5	13,9
д. Боровая	22	13	59,1	9	40,9
Всего по уезду	162	143	88,3	19	11,7
Ново-Никольская слобода	48	46	95,7	2	4,3
Всего по уездам, без городов	1 411	1 268	89,9	143	10,1

[121] ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 308, *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1900. — Вып. 8 (прил.).

www.perm-book.ru

Таблица 8

Данные о количестве и семейном составе дворовладельцев-крестьян в Перми Великой и в Зауралье в XVI в. — первой четверти XVII в. (1579—1623 гг.) [122]

Уезд, стан	Общее число дворов	Кол-во мужчин во дворе				Степень родства дворовладельцев							
		1	2	3	4—6	отец и сыновья, мать и сыновья	родные братья	отец, его брат и сыновья	тесть и зять	дядя и племянник	братья и зять	дядя, племянник и неродственники	неродственники
1579 г.													
Чердынский уезд													
Окологородный стан	253	239	14	—	—	5	7	—	—	—	—	—	2
Верхний стан	400	371	29	—	—	13	14	—	—	—	—	—	2
Нижний стан	370	323	46	1	—	17	24	1	—	2	—	—	3
Отхожий округ	178	139	36	3	—	13	19	2	1	—	—	—	4
Всего по уезду	1 201	1 072	125	4	—	48	64	3	1	2	—	1	11
Соликамский уезд	162	130	28	4	—	14	12	2	—	—	—	—	3
Ново-Никольская слобода	48	27	11	8	2	15	5	—	—	—	1	1	—
Всего по трем уездам	1 411	1 229	164	16	2	77	81	5	1	2	1	1	14
%	100	87,1	11,7	1,1	0,1	5,4	5,7	0,3	0,06	0,12	0,03	0,08	0,9

www.perm-book.ru

Уезд, стан	Общее число дворов	Кол-во мужчин во дворе				Степень родства дворовладельцев							
		1	2	3	4—6	отец и сыновья, мать и сыновья	родные братья	отец, его брат и сыновья	тесть и зять	дядя и племянник	братья и зять	дядя, племянник и неродственники	неродственники
						1621—1623 гг.							
Чердынский уезд	2 296	2 166	84	41	5	63	51	9	—	1	—	1	9
Соликамский уезд	389	302	73	12	2	54	26	4	—	—	—	1	2
Вотчины Строгановых	654	286	206	102	60	99	93	8	—	1	—	—	51
Верхотурский уезд	278	223	28	16	11	25	20	4	—	1	—	1	4
Всего по трем уездам и вотчинам	3 617	2 977	391	171	78	241	170	25	—	3	—	3	66
%	100	82,4	10,8	4,7	2,1	6,6	4,7	0,7	—	0,08	—	0,08	1,8

[122] ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 308; ЦГАДА. — Ф. 214. — Кн. 5. — Ф. 1111. — Оп. 4. — Д. 1; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1892. — Вып. 4; 1900. — Вып. 8 (прил.).

www.perm-book.ru

торов, из которых на разных этапах развития города одни имели ведущее значение, а другие — подчиненное[123].

Вслед за другими исследователями мы считаем, что на ранних этапах заселения и освоения Урала основным градообразующим фактором были военно-административные функции городов[124]. Города Урала возникли в условиях внешней военной опасности со стороны соседних феодальных государств и немирно настроенной части нерусского населения края. Под защитой укреплений городов на первых порах только и было возможно земледельческое освоение свободных земель. Даже те из городов, которые возникали как неукрепленные, постепенно обзаводились укреплениями и гарнизонами. Военная функция городов переплеталась с административной, поскольку все они были центрами управления уездами или вотчин.

Однако одни военно-административные функции не обеспечивали устойчивой городской жизни, даже если статус города был признан официальными документами и был закреплен на географических картах того времени. Первые города Урала были и экономическими центрами — торговыми и торгово-ремесленными. В одних городах экономическая функция возникла сразу при сооружении города, иногда еще до приобретения им военно-административной функции (Соликамск), в других она развивалась постепенно. Затухание экономической функции вело большей частью к превращению городов в сельские поселения, а возрастание ее — к перерастанию сельских поселений в городские.

Города Урала возникали как центры сельскохозяйственной округи, с которой они были связаны как административно, так и экономически (рынки сбыта сельскохозяйственной продукции и центры поставки ремесленной продукции в деревню). Они становились и крупными религиозными центрами, в которых концентрировались церкви и монастыри, что обеспечивало идеологическое воздействие феодального города на русскую деревню и нерусское население края. Они были наиболее крупными поселениями, превосходящими по численности населения даже крупные сельские поселения. Рост населения при наличии других градообразующих функций обес-

---

[123] См.: *Оборин В. А.* Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV—XVII веках (на примере Урала) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII — начале XIX века. — Томск, 1978. — С. 121—143.

[124] См.: *Иофа Л. Е.* Города Урала. — Т. 1. — С. 7—13; *Сергеев В. И.* Первые сибирские города, их военное, культурное и хозяйственное значение — С. 120—124; *Сахаров А. М.* О термине «город» в источниках XVI века // Общество и государство феодальной России. — М., 1975. — С. 62—66.

www.perm-book.ru

печивал устойчивость городского поселения, а сокращение численности населения вело к затуханию городских функций.

Города отличались от сельских поселений своей планировкой (деление на «город»-кремль и «посад», большое значение торговых площадей и т. д.). В их состав иногда входили сельские поселения, сохранявшие свою обычную планировку, а сельские поселения, перераставшие в города, имели планировку, которая была близка к городской. Города Урала, как и другие города России, были центрами феодальной культуры с элементами демократической культуры, впитавшей в себя народную крестьянскую культуру. Как и на других окраинах России, здесь происходил синтез культуры старых городских центров, перенесенной в новые районы, с культурой, выработанной применительно к местным условиям и впитавшей в себя культуру нерусского населения. В городе складывались некоторые специфические особенности быта, отличающиеся от сельских. Этнические процессы здесь происходили быстрее, чем в деревне, что вело к более быстрому сближению культуры разных этнических групп с формирующейся русской национальной культурой [125].

В отличие от Среднего Поволжья русские города Урала были первыми городскими поселениями, в то время как в Поволжье существовали города Волжской Булгарии, а затем — Казанского ханства. Племенные центры местного населения, в которых иногда сосредоточивались ремесло и торговля, в настоящие города так и не переросли. Русские города Урала нередко возникали на месте древних укрепленных центров местного населения или рядом с ними, сохраняя их названия, так же как города северо-восточной Руси [126]. Нерусские поселения и население входили в их состав с самого начала их возникновения.

Развитие городов Урала было связано с крестьянской колонизацией края. На раннем этапе города иногда возникали раньше, чем их сельскохозяйственная округа, но их население стихийно пополнялось за счет русского и нерусского крестьянства. Крестьянское происхождение значительной части населения накладывало отпечаток и на экономику городов. Многие горожане наряду с ремеслом, торговлей и несением военной и другой службы занимались сельским хозяйством. В переписях они назывались крестьянами. Крестьяне — выходцы из черносошных уездов северного Поморья влияли и на формы городского самоуправления (сбор налогов по образцу крестьянской общины-«мира» в посадской общине, выбор-

[125] См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. — С. 3—13, 67—73.

[126] См.: *Горюнова Е. И.* К истории городов северо-восточной Руси // КС ИИМК. — М., 1955. — Вып. 59. — С. 11—20.

www.perm-book.ru

ность части городских властей и т. д.). Относительная однородность города и уезда была в свое время отмечена М. М. Богословским для всего Поморья [127], включая и Приуралье.

В отличие от Среднего Поволжья, где многие города возникли в окружении земель, захваченных русскими феодалами, большинство городов Урала строилось на землях, заселенных черносошными крестьянами. В их экономике большую роль играло солеварение, многолетний опыт которого, как и опыт в металлургии и металлообработке, был перенесен из северного Поморья в связи с переселением из этих районов квалифицированных мастеров.

В то время как в центральных районах государства частновладельческие города как пережиток периода феодальной раздробленности постепенно затухают, в Прикамье в условиях военной опасности возникают новые поместные, а затем и вотчинные городки Строгановых. Первые строгановские городки назывались в переписях слободами, хотя, как и Ново-Никольская слобода, имели укрепления в виде острогов. Это, видимо, объясняется несколькими причинами: 1. Строгановы имели право призывать «охочих людей», селившихся по собственной воле — свободно. 2. Основная часть населения называлась «крестьянами», как в сельских поселениях. 3. Поселения еще не имели «города»-кремля, который появился в начале XVII в. Однако нельзя считать строгановские городки крестьянскими - соледобывающими слободами, как это делает Ф. М. Мансурова [128]. Они были военно-административными и религиозными центрами, в которых проживали сами Строгановы, представители их администрации, стояли небольшие гарнизоны, и не только центрами солеваренного производства, но и центрами торговли, ремесла и сельскохозяйственной округи, — подчиненных им деревень и починков (однако не входивших в их состав, как считает Ф. М. Мансурова).

Нельзя согласиться с утверждением Ф. М. Мансуровой, что Чердынь и Соликамск возникли из отдельных сельских поселений, а их крепости-кремли стояли в стороне от формирующихся посадов [129]. Чердынь как город сложилась вокруг кремля, который был окружен посадом с трех сторон. Соликамский кремль возникает позже посада, но рядом с ним. Посад формируется сразу как промыслово-торговое поселение городского типа, которое в XVI в. еще не включило в себя сельские поселения [130]. Не могу согласиться и с В. А. Шмыро-

[127] См.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском севере в XVII веке. — М., 1909. — Вып. 1. — С. 124—126.

[128] См.: *Мансурова Ф. М.* Рост городов Прикамья. — С. 217.

[129] См. там же. — С. 215—217.

[130] См.: *Оборин В. А.* Возникновение и ранняя история г. Чердыни (XV—XVII вв.) // Из прошлого Чердынского края. — Пермь, 1974. — С. 5—7; *Он же.* Возникновение и ранняя история Соликамска // Мат-лы

www.perm-book.ru

вым, считающим, что Чердынь до конца XVI в. была лишь эмбрионом города [131]. К этому времени она уже была военно-административным центром самого большого уезда Верхнего Прикамья, торгово-ремесленным и религиозным центром, т. е. имела все функции развитого феодального города.

В результате переселения и естественного прироста в 1579 г. городское население Перми Великой составило 620 душ мужского пола, или четвертую часть всего населения (см. табл. 6). В именах и прозвищах городского населения хуже отразилось его происхождение, чем в сельской округе. Очевидно, его большинство сформировалось давно, прозвища, отражавшие места выхода первопоселенцев, превратились в обычные фамилии или заменялись безликим термином «приходец», говорившим о недавнем поселении. По сохранившимся прозвищам-фамилиям можно видеть, что и здесь преобладали выходцы с посадов поморских городов (Вологда, Устюг, Тотьма), в Соликамске временно проживали московские купцы.

В Соликамске жила почти половина населения уезда (49,5%), а в Чердыни — одна пятая (19,1%). Большинство населения городов занималось ремеслом, торговлей, солеварением и другими промыслами. В Чердыни беспашенное население (см. табл. 7) составляло более четырех пятых всего населения (82%), а в Соликамске около трех четвертей (71%). Относительно высокий процент пашенного населения в Соликамске и в зауральских городах, вероятно, был связан для горожан с необходимостью в значительной степени обеспечивать самих себя продовольствием, поскольку сельская округа была еще развита слабее, чем в Чердынском уезде.

По писцовой книге 1579 г. по Соликамску можно выявить состав посадских семей. Абсолютное большинство дворов (88,4%) имело по одному хозяину, десятая часть—по два и лишь три двора — по три дворовладельца. Большинство совладельцев было родственниками — чаще всего отец с сыном или сыновьями, вдовы с сыновьями, родные братья. Только в двух дворах совладельцы не были родственниками. В сравнении с деревенскими семьями число дворов с одним хозяином в городе было выше. Необходимость сохранения большой семьи здесь была меньше, чем в деревне. Четче проявлялось стремление передать по наследству торгово-промысловые заведения, поэтому и неродственное складничество было более редким и временным явлением [132].

науч. конф., посвящ. 550-летию Соликамска. — Соликамск, 1980.— С. 7—10.

[131] См.: *Шмыров В. А.* Города Верхнего Прикамья в XV — начале XVIII века. — С. 8.

[132] См.: *Рабинович М. Г.* Этнография русского феодального города.— С. 178.

www.perm-book.ru

Вместе со служилыми людьми посадское население сыграло большую роль в обороне от внешних врагов, обеспечивая заселение сельской округи. Во второй половине XVI в. городам Верхнего Прикамья пришлось выдержать неоднократные набеги сибирских ханов и их вассалов (1572, 1573, 1581, 1582, 1592 гг.) [133]. Из всех городов врагам не удалось ни разу взять только Чердынь. Остальные почти все подвергались разорению. Силами посадских людей и крестьян окрестных деревень города быстро восстанавливались, строились новые укрепления, создавались новые соляные промыслы, торговые и ремесленные заведения. Стихийная народная колонизация обеспечила дальнейшее экономическое развитие заселяемых земель Урала.

3.4. МИГРАЦИИ НЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Во второй половине XVI — начале XVII вв. продолжались миграции нерусского населения, как аборигенов края, так и вновь втянутых в этот процесс выходцев из других регионов. Они были тесно связаны с русской колонизацией и сыграли определенную роль в освоении Урала.

Миграции нерусского населения изучены пока очень слабо, так как письменные источники крайне скудно освещают эти процессы. По писцовым книгам трудно выделить нерусское население, часть которого приняла христианство и в его среде распространились христианские имена и прозвища. Легче поддаются расшифровке этнонимы и этнотопонимы (типа «зыряне», «вогуличи», «черемисы») в русском оформлении, хотя некоторые из них и являются спорными по этнической интерпретации (например, «остяки», «пермяки»).

На основании фамилий, производных от этнонимов, можно выделить часть нерусского населения, проживавшего в окружении русских. Другая часть выделяется по расшифровке фамилий и прозвищ нерусского происхождения из местных языков, а также по данным топонимики. В этой работе историки должны опираться на определения специалистов — лингвистов [134]. Небольшую часть можно выделить еще по термину «новокрещен», сопутствующему русским прозвищам и фамилиям местного населения. Писцовые книги дают представление об основных тенденциях миграций нерусского населения — путях и направлениях переселений, районах расселения, формах хозяйственной деятельности, в какой-то степени

[133] См.: СКМ, РФ. — Д. 2152. — Л. 5—8.

[134] См.: *Кривощекова—Гантман А. С.* Откуда эти названия? — Пермь, 1973; *Матвеев А. К.* Нёройки караулят Урал. — Свердловск, 1976; и др.

www.perm-book.ru

об интенсивности миграций. Однако они не дают точных сведений количественного порядка, точных дат самих миграций.

Нерусское население обычно переселялось стихийно (передвижения чаще всего совершались вопреки воле царской администрации, а иногда и местной знати), небольшими группами, даже индивидуально («розно»), преимущественно в родственную этническую среду. По социальному содержанию эти миграции были ближе всего к народной — крестьянской (большинство переселенцев вливалось в состав крестьянства) и посадской колонизации (нерусские имена и прозвища встречаются во всех городах Урала). Это было внутреннее перемещение в пределах Урала и прилегающих к нему районов. Часть нерусского населения переселялась в одном потоке с русским [135]. Направление миграций нередко определяло, как и у русских, стремление к переходу из районов с тяжелыми формами эксплуатации (строгановская и монастырская барщина) в места с более прогрессивными формами ренты (денежный оброк на черносошных землях). Местное население вместе с русским с конца XVI в. переселялось на новые земли и в принудительном порядке («казанские переведенцы» в Верхотурском уезде).

У миграций нерусского населения были и свои особые причины. Одной из них был уход с земель, захваченных русскими дворянами в Среднем Поволжье и Башкирии, где к тому же проводилась насильственная христианизация. Другой причиной было бегство, вызванное злоупотреблениями царской администрации. В 1599 г. пелымские вогуличи писали в челобитной, что «ясак» велик не в меру», таборинские татары и вогуличи жалуются на разорение в связи с принуждением к «государевой пашне» и насилиями служилых людей, в результате чего многие из них «разбежались, живут по лесам в незнаемых местах» [136]. На миграции влияли и экстенсивные формы хозяйства (освоение полукочевыми башкирами новых пастбищ в Тулвинском поречье, расселение промыслового охотничьего коми-зырянского и мансийского населения). Небольшие группы нерусского населения поселялись рядом с русскими деревнями для удобства торговли, а в голодные годы — для получения пищи.

Несмотря на ряд негативных моментов в действиях царской администрации, в ходе совместного заселения и освоения новых земель между русским и местным населением преобладали мирные, дружественные отношения. Этому отчасти способствовала и государственная политика, ограждавшая

[135] См.: *Оборин В. А.* Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI—XVII веках // История СССР. — М., 1974. — № 4. — С. 63—77.

[136] РИБ. — Т. 2. — С. 145—146.

www.perm-book.ru

ясачное население от чрезмерных поборов местной администрации для того, чтобы обеспечить сбор ясака в государственную казну [137].

Основными путями переселения нерусского населения были реки. Местное население было лучше, чем русские, знакомо с географией края и шире использовало сухопутные пути — охотничьи тропы, перевалы через Уральский хребет, которые стали использоваться и русским населением.

Наиболее значительными во второй половине XVI в. были переселения коми-зырян вместе с русскими в Верхнее и Среднее Прикамье в родственную этническую среду коми-пермяков [138] и в русские поселения. Эти переселения шли по путям, проложенным их предками. Еще до переписи 1579 г. возникли две деревни с названиями Зыряново и Зырянка. В Соликамском уезде упоминается и речка Зырянка [139]. Коми-зыряне расселяются небольшими группами в деревнях и погостах Чердынского уезда со смешанным русским и коми-пермяцким населением. В 1579 г. в девяти населенных пунктах уезда встречаются прозвища-этнонимы «зырян» [140]. В разных станах уезда число переселенцев коми-зырян составляло от 33 до 75% по отношению к русским новопоселенцам. Они вливались в среду черносошного крестьянства и лишь один поселился в вотчине Пыскорского монастыря. Переселенцы-коми направляются также в южные районы расселения коми-пермяков — в строгановские вотчины (Орел-городок) [141], на Иньву и Обву, на юге доходя до Тулвинского поречья (Ново-Никольская слобода). Большинство их носят христианские имена.

После падения Казанского ханства и захвата русскими помещиками части плодородных земель Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья начинается отлив нерусского населения на север — навстречу потоку русской колонизации. В том же направлении идет расселение башкирского населения [142].

---

[137] См.: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII века. — С. 21—28, 42—46, 51—52, 93—94 и др.

[138] См.: *Оборин В. А.* Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI—XVII веках // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского севера России (до 1917 года). — Сыктывкар, 1981, — С. 81—82; *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. — М., 1982. — С. 97—100.

[139] См.: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Вып. 3. — С. 170, 173.

[140] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 18, 19 об., 22, 23, 25, 27 об., 33, 37 об., 41 об.

[141] См.: ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7. — Л. 3.

[142] См.: *Воробьев Н. И.* Казанские татары. — Казань, 1953. — С. 20; История Чувашской АССР. — Чебоксары, 1966. — Т. 1. — С. 78; Очерки истории Марийской АССР. — Йошкар-Ола, 1965. — С. 102; *Козлов В. И.* Расселение мордвы // ТИЭ. — М., 1960. — Т. 63. — С. 14—15; *Кузеев Р. Г., Шитова С. Н.* Башкиры. — Уфа, 1963. — С. 22.

www.perm-book.ru

Большая часть татар и башкир оседает на плодородных землях и пойменных лугах Тулвинского и Сылвенско-Чусовского поречий [143], где иногда сохраняя кочевой тип хозяйства, они входили в контакт с угорским (вогульским) и сибирско-татарским населением, частично ассимилируя его [144], а башкиры и сами подвергаясь ассимиляции татарским населением [145]. Отдельные переселенцы из Поволжья проникают далеко на север в Чердынский и Соликамский уезды [146], в среду не только крестьянского, но и посадского населения. В русских поселениях Верхнего Прикамья встречаются отдельные представители мари (Черемисин, Черемиска — г. Чердынь, Черемиска — д. Тонец, Соликамского уезда) и чувашей (д. Чувашева в Чердынском уезде) [147].

Внутри уральского региона было наиболее значительным перемещение коми-пермяцкого населения с Камы и Колвы на Косу, Лолог, Иньву и Обву — в отхожий округ Чердынского уезда, где появляются новые деревни с коми-пермяцкими названиями, дублирующими такие же названия, ранее встречавшиеся в верхнем и нижнем стане (Ныров, Чазева, Очга, Вильгорт и др.) [148] Усиливается приток коми-пермяков в русские города и сельские поселения, вместе с русскими они начинают осваивать плодородные земли Среднего Прикамья. В 1596 г. среди крестьян Ново-Никольской слободы встречаются коми-пермяцкие фамилии (Жуневы, Туневы и др.) [149]

Слабее прослеживаются миграции угорского населения. В отличие от коми вогуличи и остяки редко селились вместе с русскими. Однако были случаи образования смешанных по национальному составу населенных пунктов. В 1579 г. в Чердынском и Соликамском уездах были две деревни Остяцкие [150]. В погостах Редикор и Анисимов жили Михалко и Ивашко Югрины, фамилии которых явно происходят от этнонима «югра» [151]. В 1578 г. в Чердынском уезде была д. Вотцкая [152], название которой связано с этнонимом удмуртов. Уд-

---

[143] См.: *Исхаков Д. М.* К истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. — Казань, 1983. — С. 14.

[144] См.: *Кузеев Р. Г.* Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ.— Т. 4. — С. 29.

[145] См.: *Оборин В. А.* Выступление на научной сессии по этногенезу башкир //АЭБ. — Т. 4. — С. 338.

[146] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 27 об., 29, 33, 34, 36 об., 37; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Вып. 3. — С. 170.

[147] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 13 об. — 14; *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Вып. 3. — С. 171.

[148] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 38 об., 40 об., 43.

[149] См.: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Вып. 3. — С. 136.

[150] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 35.

[151] См. там же. — Л. 17 об., 36.

[152] См. там же. — Л. 18.

www.perm-book.ru

муртские имена и топонимы также упоминаются писцовыми книгами в этом уезде[153]. Удмурты чаще селятся в местах обитания коми-пермяков, в более или менее родственной этнической среде.

Русская колонизация не нарушила традиционных направлений миграций местного населения. В ходе их продолжались процессы этнической консолидации. Коми-пермяки в результате переселения на более компактную территорию по Косе и Иньве с их притоками и ассимиляции мигрировавшего в эти же районы коми-зырянского и удмуртского населения сформировали основное ядро народности, которая до сих пор занимает эту же территорию[154]. Во второй половине XVI в. продолжался процесс формирования удмуртской и башкирской народностей, сближение двух основных этнических групп (северных и южных) в результате миграций удмуртов и марийцев на Чепцу и с Чепцы на Каму, а башкир — из южных районов в северные[155]. Происходило сближение их диалектов, антропологических типов, элементов материальной и духовной культуры, появление общих этнонимов для всей народности.

Миграции татарского, башкирского и марийского населения в Сылвенское и Тулвинское поречья привели к образованию значительных этнических групп-землячеств, оторванных от основной этнической территории, но сохранивших свое этническое своеобразие в окружении преобладавшего русского населения. То же происходило и с коми-зырянами, оседавшими на восточном склоне Урала, в окружении угорского и русского населения. Отход части угорского населения с западного склона Урала из районов русской колонизации на восточный склон способствовал его консолидации на более компактной территории, однако в меньшей степени, чем у населения с производящими формами хозяйства, поскольку сохранение охоты и рыболовства в качестве основы экономики вызывало необходимость рассредоточения.

В процессе совместного заселения и освоения Урала происходило взаимодействие хозяйства, культуры, быта и языка русского населения с нерусскими народностями и этническими группами, которое вело к взаимному обогащению их куль-

---

[153] См.: *Кривощекова—Гантман А. С.* Откуда эти названия? — С. 39.

[154] См.: *Оборин В. А.* Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков// Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. — Пермь, 1972. — С. 138.

[155] См.: *Акимова М. С.* Краниологический очерк удмуртов // Вопр. антропологии. — 1962. — № 10; *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. — Ижевск, 1958. — С. 117; *Семенов В. А.* Южные удмурты в XVI веке // Вопросы этнографии Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 69—70, 79; *Кузеев Р. Г.* Краткий очерк этнической истории башкирского народа // АЭБ. — Уфа, 1973. — Т. 5. — С. 59.

www.perm-book.ru

тур и языков[156]. Русское население в ряде уездов Приуралья постепенно стало численно преобладать. Происходила консолидация культуры и языка разных по происхождению групп русского населения, усилилось влияние культуры центра Российского государства. Русское старожильческое население стало составной частью великорусской народности.

3.5. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII В.

Более высокий уровень земледельческой культуры русского крестьянства в сравнении с местным способствовал общему подъему сельского хозяйства на Урале. Повсеместно распространяется более совершенное, чем местное рало, орудие — русская соха с ассиметричными сошниками и перекидным отвалом. Сошники найдены в раскопках Нижнего Чусовского городка. На подсечных землях стали применяться более производительные типы русских лесорубных топоров, а для уборки урожая сильно изогнутые железные серпы с большим, чем у местных, коэффициентом полезного действия. Однако сохраняются и старые орудия труда (мотыги, бороны-суковатки, косы-горбуши и др.)[157]

Преобладающей системой земледелия постепенно становится паровое трехполье. Крестьянские акты XVI в. упоминают посевы яровых и озимых культур и пар, удобрение почвы навозом, исчисляя пашню в трех «жеребьях», а переписи — в трех полях. В северных уездах сохранялась подсека как средство введения земли в хозяйственный оборот. В актах часто упоминаются «гари» и «чертежи»[158]. В залежи при лесном перелоге в Перми Великой находилось около одной пятой всех хозяйственных угодий, а пашня занимала половину освоенных земель (табл. 9). Пашенный лес — резерв леса под пашню — составлял около 10%.

Основной земледельческой культурой была рожь (озимая и яровая[159]. Из яровых культур сеяли овес, ячмень и редко — пшеницу, из технических — лен, коноплю и хмель. В пригородных деревнях развивается огородничество. Выращивали капусту, лук, репу, свеклу. Улучшилось хранение и перера-

---

[156] См.: *Преображенский А. А.* Об историческом взаимодействии народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVII—XVIII веках // Исследования по истории и историографии феодализма. — М., 1982. — С. 248—261; *Матвеев А. К.* Топонимия Урала. — Свердловск, 1985. — С. 61—74.

[157] См.: *Оборин В. А.* Сельское хозяйство Перми Великой в XVI—XVII веках // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1966. — С. 66—67.

[158] ЦГАДА. — Ф. 281. — Оп. 17. — Д. 11146/4 и др.

[159] См.: ЦГАДА. — Ф. 281. — Оп. 17. — Д. 11138/6, 11152/20.

www.perm-book.ru

Таблица 9

Соотношение видов сельскохозяйственных угодий и качество пашенной земли в Перми Великой в XVI в. (1579—1596 гг.) в % [160]

Территория	Качество пашни			Пашня	Перелог	Сенокос	Пашенный лес
	худая	средняя	добрая				
Чердынский уезд							
Окологородный стан	100	—	—	50,1	26,8	15,6	7,5
Верхний стан	83,3	16,7	—	49,7	27,6	12,3	10,4
Нижний стан	37,5	62,5	—	56,2	22,1	13,6	8,1
Отхожий округ	49,9	50,1	—	51,5	16,2	18,1	14,2
г. Чердынь	100	—	—	44,6	17,8	29,9	7,7
Всего по уезду	78,3	21,7	—	45,1	21,3	21,1	12,5
Соликамский уезд	66,8	33,2	—	55,2	13,1	17,4	14,3
г. Соликамск	100	—	—	56,6	15,9	25,9	1,6
Всего по уезду	83,4	16,6	—	55,9	14,5	21,7	7,9
Вотчины Строгановых	15,2	71,8	13	46,4	8,2	34,1	11,3
Ново-Никольская слобода и ее округа	—	—	100	51,3	—	48,7	—
Всего по Перми Великой	87,1	9,7	3,2	44,9	19,8	25,8	9,5

[160] ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 308; ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1891. — Вып. 3; 1892. — Вып. 4; 1900. — Вып. 8 (прил.).

ботка урожая. В каждом крестьянском хозяйстве были гумна — места для обмолота и хранения немолоченного хлеба, соломы и мякины, житницы и амбары [161]. На смену ручным жерновам приходят водяные мельницы. В Чердынском уезде в 1579 г. было 37 мельниц-колотовок и пять — в Соликамском. Они были почти во всех погостах и крупных деревнях [162].

В целом земледелие развивалось экстенсивно за счет расширения запахиваемых площадей, расчистки их из-под леса («новорасчисти», «причисти»), при большом количестве залежей. Только в Ново-Никольской слободе не было перелога и пашенного леса, поскольку там сначала осваивались земли,

[161] См.: ЦГАДА. — Ф. 281. — Оп. 17. — Д. 11138/6.

[162] См.: *Оборин В. А.* Сельское хозяйство Перми Великой в XVI—XVII веках. — С. 68.

www.perm-book.ru

свободные от леса. Невысокая урожайность (кроме первых лет на подсеке) на малоплодородных почвах приводила к тому, что Верхнее Прикамье обеспечивало хлебом только самих крестьян и потребности растущего беспашенного населения в городах.

Продолжало развиваться и скотоводство. Кормовая база расширялась медленно за счет освоения лесных и пойменных лугов. В северных уездах Прикамья под сенокосы иногда шли заброшенные пашни. Сенокосы составляли в среднем четвертую часть всех освоенных земель (см. табл. 9). Среди костей домашних животных, обнаруженных в раскопках Лозьвинского городка, преобладали кости свиньи, затем шел крупный и мелкий рогатый скот. Лошадь использовалась как тягловая сила [163]. Больше всего скота было во владениях Строгановых, в Ново-Никольской слободе и Верхотурском уезде. Около деревень и городов находились «животинные выпуски». Много рабочего скота было у Строгановых, имевших большие скотные дворы и конюшни. В крестьянских хозяйствах содержался рабочий и мясомолочный скот. Русские привели с собой новые лучшие породы скота. Возрастает роль свиноводства, овцеводства и разведения домашней птицы, в том числе водоплавающей.

Важным подспорьем в крестьянском хозяйстве были охота и рыбная ловля. Основным орудием охоты оставались лук и стрелы. Русские переняли у местного населения некоторые приемы и способы лова. В русских говорах Среднего Урала насчитывается до 70 заимствований охотничьей терминологии из языка коми [164]. Часть охотничьей добычи продавалась на местных рынках, а ценные меха вывозились в другие районы Русского государства. Крестьяне и горожане занимались рыбным промыслом для продажи и уплачивали с него денежные оброки. Жителям Чердыни принадлежало семь крупных оброчных рыбных ловель, а в уезде они находились в 33 деревнях и погостах. Самые большие ловли имели «лучшие» посадские люди: Я. Могильников на р. Толыче и братья Гриша и Ерш Ивакины на р. Чудовке. Оброчные платежи с рыбных ловель у чердынцев составляли 9% всех денежных платежей в казну. Основным способом лова рыбы был сетевой. В раскопках Орла-городка, Лозьвинского и Нижнего Чусовского городков и других русских поселений XVI в. часто встречаются рыболовные крючки, глиняные грузила, берестяные и деревянные поплавки от сетей.

---

[163] См.: *Пархимович С. Г.* Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири. — С. 141.

[164] См.: *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Учен. зап. Урал. ун-та. — Свердловск, 1959. — Вып. 32. — С. 41.

www.perm-book.ru

Под влиянием русского крестьянства у местного земледельческого населения внедряется паровая система, появляются новые орудия труда, удобрение почвы, новые породы скота, более совершенные постройки для хранения зерна и содержания скота [165]. Часть скотоводческого башкирского населения в лесных районах заимствует земледелие от русских и постепенно переходит к оседлости.

Всего по Перми Великой к началу XVII в. было около 30 тыс. десятин сельскохозяйственных угодий (табл. 10). Степень освоения в основном соответствовала плотности населения в уездах и станах. Лучше всего были освоены окологородный стан Чердынского уезда и Соликамский уезд, а слабее всех — отхожий стан Чердынского уезда. Несмотря на заметные успехи, хозяйственное освоение края еще только начиналось.

В уральской деревне начинает развиваться и ремесло. Перепись 1579 г. упоминает всего о 15 деревенских ремесленниках. Большинство из них жили в деревнях, близко расположенных к городам и в погостах. В Чердынском уезде почти все ремесленники (9 из 10) были беспашенными, в Соликамском — все были связаны с сельским хозяйством. Один из них — Неклюдко Кузнец в д. Остятцкой вместе с сыном имел 14,5 десятин пашни, 6 десятин перелога, 3 — пашенного леса, 12 — сенокосов и мельницу-колотовку. Деревенские ремесленники составляли менее 1% населения. Среди них были представители семи профессий — плотники (5), ведерники (2), кузнецы (3), мельники, сапожники, серебряники, овчинники. Часть крестьян Чердынского уезда вместе с посадскими людьми владела соляными варницами за р. Вишерой — на реках Толыче и Усолке. В целом деревенское ремесло в Перми Великой было развито слабо. Ремесло как работа на заказ было для крестьян только подсобным занятием [166].

Крупное производство и торговля развивалась в городах. Солеварение вышло на уровень мануфактурного производства и по существу стало первой отраслью горнозаводской промышленности Урала. Его продукция выходила на многие рынки России. Крупнейшим солеваренным центром с XV в. стал Соликамск. В 1579 г. в его уезде работало 17 варниц, в Орлегородке 13, в Чердынском уезде 7. В начале XVII в. у Строгановых были варницы в Нижнем Чусовском и Яйвенском городках и слободе Новое Усолье. По размерам оброчных пла-

---

[165] См.: *Жеребцов Л. Н.* О русских заимствованиях в хозяйственных занятиях коми // Вопросы социально-экономической истории Коми края. — Сыктывкар, 1980. — С. 4—5.

[166] См.: *Оборин В. А.* Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XV—XVII веках // Исследования по истории Урала. — Пермь, 1970. — Вып. 1. — С. 9—11.

www.perm-book.ru

Таблица 10

Сельскохозяйственные угодья Перми Великой (дес.) и степень освоенности территории (%) в XVI в. (1579—1596 гг.) [167]

Территория	Пашня в трех полях (с перелогом)	Сенокосы	Пашенный лес	Общее количество угодий	Степень освоенности
Чердынский уезд					
Окологородный стан	3 160,5	644,5	309	4 114	6,2
Верхний стан	4 383	696,5	581	5 660,5	1,4
Нижний стан	3 546	620	390	4 556	1,2
Отхожий стан	1 503	402	315	2 220	0,05
г. Чердынь	1 009,5	511,5	157	1 668	—
Всего по уезду	13 602	2 874,5	1 752	18 228,5	0,3
Соликамский уезд	1 597,5	409,5	336	2 343	—
г. Соликамск	856,5	308,5	20	1 185	—
Всего по уезду	2 454	718	356	3 528	1,9
Вотчины Строгановых	2 943	2 302	722	5 976	0,5
Ново-Никольская слобода и ее округа	258	1 826	—	2 083	0,4
Всего по Перми Великой	19 256	7 719,6	2 830	29 805,5	0,4

[167] ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 308; ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1891. — Вып. 3; 1892. — Вып. 4; 1900. — Вып. 8 (прил.).

тежей с соляных промыслов на первом месте был Орел-городок, где налоги с них составляли почти две трети всех казенных платежей. Большинство варниц (65%) принадлежало посадским людям. Концентрация производства в одних руках была еще невелика. В Чердыни все варницы имели по одному владельцу. В Соликамске началось укрупнение промыслов. С. Никитин владел тремя «лучшими» варницами, М. Ряха — 2,5, А. Клестов — 2. Самым крупным солеваром в XVI в. стал Н. Г. Строганов, которому принадлежало 13 варниц, причем все они находились в одном месте — «у острога» Орла-городка. В Соликамске варницы стояли «у посада», в худшем положении были чердынские солевары, варницы которых находились более чем в 30 км от города — на р. Толыч.

www.perm-book.ru

В городах Прикамья продолжает развиваться ремесло. По писцовым книгам 1579 г. в трех основных городах насчитывалось 112 ремесленников 33 профессий (табл. 11). В Чердыни их было 66, в Соликамске 17, в Орле-городке 29. Однако это соотношение не отражает полной картины, так как в переписи не учтено участие населения в солеваренном производстве, которое было развито во всех трех городах. Если учесть профессии, связанные с солеварением (не менее 6 — повара, подварки, трубники, цыренщики, солоносы, дрововозы) и профессии, которые можно установить по археологическим данным — косторезы, медеплавильщики, мастера по производству изразцов [168], то общее число профессий городских ремесленников было более 40, т. е. в шесть раз больше, чем в деревне. Большая часть ремесленников занималась обработкой железа и других металлов (кузнецы, медники, серебряники, котельники), изготовляла орудия труда и предметы быта, обслуживала потребности солеварения, речного судоходства и гужевого транспорта, производила оружие и доспехи (пищальники, лучники, бронники).

Высокой степени специализации достигли в городах переработка сельскохозяйственного сырья и производство пищевых продуктов. Здесь сложились профессии, почти не встречавшиеся в деревне, такие как хлебники, калачники, солодовники, пивовары, сусленники, винокуры. Обработкой кожи занимались сапожники, кожевники, овчинники, скорняки, шубники, хомутники; обработкой дерева — плотники, бочарники, ведерники, смольники, токари.

Чердынский и новый Верхотурский уезды стали центрами речного судостроения. Лодейные мастера строили суда для перевозки соли и других товаров, «сибирских запасов». Изготовление их шло на основе простой кооперации — в артели объединялись несколько мастеров разных специальностей. Суда изготовляли на заказ и на продажу. В конце XVI в. у Строгановых зарождается кирпичное производство и производство изразцов, покрывавших кирпичные печи и здания. По своей организации оно явилось простой кооперацией с участием нескольких мастеров разных профессий.

С приходом русских в ремесле распространяются более совершенные орудия труда, гончарный круг. Постепенно происходит переход от работы на заказ к работе на рынок. На заказ и местный рынок работали горшечники, кишенники, изготовлявшие холщовые мешки, швецы — «портные мастера», жерносеки и другие ремесленники. Продукция пермских кузнецов (земледельческие орудия, оружие, ножи) вывозились в

---

[168] См.: *Оборин В. А.* Орел-городок // СА. — 1957. — № 4. — С. 143, 152.

www.perm-book.ru

Таблица 11

Профессия и численность городских ремесленников Перми Великой в XVI в. (1579 г.) [169]

Профессия	Чердынь	Соликамск	Орел-городок	Всего
Кузнец	8	4	3	15
Серебряник	2	1	—	3
Котельник	3	—	—	3
Удник	1	—	1	2
Плотник	3	—	3	6
Бочарник	1	—	—	1
Токарь	1	—	—	1
Лучник	2	1	1	4
Лодейщик	1	1	1	3
Ведерник	—	1	—	1
Смольник	1	—	—	1
Сапожник	2	1	1	4
Кожевник	4	3	1	8
Овчинник	1	—	1	2
Скорняк	1	—	—	1
Шубник	1	—	—	1
Хомутник	4	—	1	5
Кокошник	2	—	—	2
Портной мастер-швец	1	—	1	2
Рыболов и рыбник	10	3	3	16
Мясник	4	1	4	9
Масляник	1	—	—	1
Хлебник	—	—	1	1
Калачник	1	—	5	6
Солодовник	1	—	—	1
Кишенник	3	—	—	3
Пивовар	1	—	—	1
Сусленик	—	1	—	1
Мельник	2	—	—	2
Жерносек и жерноков	2	—	—	2
Горшечник	1	—	—	1
Гусельник	1	—	1	2
Зелейники	—	—	1	1
Всего	66	17	29	112

[169] ГБЛ, РФ. — Ф. 256. — Д. 308; ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7.

www.perm-book.ru

сибирские города. По количеству ремесленников и их специализации уральские города значительно уступали старым русским городам [170]. Большинство ремесленников были свободными людьми и лишь небольшая их часть — вотчинными ремесленниками Строгановых. В городах Зауралья появляются казенные ремесленники на государственном жаловании.

В городах сосредотачивались разные типы торговых заведений (лавки, амбары, полки, прилавки). Самым крупным торговым центром в XVI в. была Чердынь, в которой было 67 лавок, третья часть их была отнесена к разряду «лучших». В ней лавок было в 1,5 раза больше, чем в Соликамске и Орле-городке вместе взятых. Чердынцы торговали с нерусским населением Урала и Сибири вплоть до Тюменского волока, в северном Поморье и Вятской земле. Торговое значение Соликамска возрастает после прокладки Бабиновской дороги [171], а торговая роль Чердыни, оставшейся в стороне от главного пути в Сибирь, постепенно снижается. Удельный вес торговли в пермских городах был относительно невелик, поскольку оброчные платежи с торговых заведений составляли всего 11% всех платежей.

Большая часть торговых заведений (60,1%) принадлежала беспашенному населению, т. е. занятие торговлей, как и ремеслом, чаще всего было связано с отрывом от земледелия. Частью лавок владели торгующие крестьяне. В Чердыни четвертая часть лавок принадлежала «пашенным людям», которые одновременно называются и «торговыми людьми». В Соликамске в устье р. Усолки была судовая пристань «посадскимъ людямъ и проезжим торговым». Торговля в основном была мелкой (не считая торговли солью и пушниной). Две трети этих лавок имели по одному владельцу, а в Чердыни одна лавка имела двух владельцев — пример складничества в торговле. Здесь встречаются примеры семейного складничества (два брата Тарковых, Михаил Артемьев с пасынком имели по семь лавок). Все лавки располагались в центре городов на площадях «у посаду».

Жители уральских городов занимались и сельским хозяйством, распахивая пашню около города или заводя отхожие пашни и сенокосы в уезде. Зажиточные посадские люди использовали их для обеспечения продовольствием работных людей на своих соляных промыслах. В Соликамске они имели восемь отхожих пашен, на которых работали половники и пашенные холопы. Вклад городского населения в сельскохозяйственное освоение края был довольно существен. В Прикамье

[170] См.: *Пронштейн А. П., Задера А. Г.* Ремесло // Очерки русской культуры XVI века. — М., 1977. — Ч. 1. — С. 99—136.

[171] См.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 462—463.

www.perm-book.ru

на его долю приходилось более 10% пашни, а в Соликамском уезде — более трети и около половины всех сенокосов уезда. Горожане первыми начали развивать огородничество, которое затем проникло и в деревню. В раскопках Орла-городка найдены зерна мака, оковки деревянных лопат и сечка для рубки капусты.

Занятие горожан сельским хозяйством и промыслами было характерно в XVI в. не только для уральских городов. В отличие от старых городов государства, где их значение было только подсобным [172], в Прикамье оно становилось важным средством существования, но было еще в меньшей степени товарным. Еще большее значение оно имело для служилого населения зауральских городов, где сельскохозяйственная округа только начала создаваться. Почти две трети казенных платежей городов взималось с их земельных угодий и лишь более трети — с торговли и промыслов.

Роль монастырей в сельскохозяйственном освоении края была ничтожной: им принадлежало менее 1,5% пашни и перелога, 5,5% сенокосов, 2,6% пашенного леса. Несколько выше была их роль в развитии промыслов. Они владели двумя третями самых крупных — колесных мельниц, пятой частью рыбных ловель. Самый крупный из них — Пыскорский монастырь в 1579 г. имел 133,5 десятин пашни и перелога, 193 десятины сенокосов, 45 десятин пашенного леса, варницу, две колесных мельницы, три рыбных ловли, двор в Соликамске, где торговали монастырские «детеныши». В монастырской слободе находились конюшенный и коровьи дворы, в ней работали два ремесленника (кузнец и овчинник) [173]. Чердынский Иоанно-Богословский монастырь имел мизерные владения даже в масштабах уезда (48 десятин пашни — 0,3% уездной, менее 2% сенокосов). Однако в нем находилась единственная колесная мельница в уезде и ему принадлежало шесть рыбных ловель.

В XVI в. начинают складываться хозяйственные различия отдельных районов Урала, их экономическая специализация. В Чердынском уезде получают развитие товарные охота и рыболовство, речное судостроение, в Соликамском и вотчинах Строгановых — солеварение. Между этими районами устанавливаются, хотя еще и слабые, торговые связи. Развитию связей между отдельными частями уральского региона способствовало расширение путей сообщения. Основными попрежнему оставались водные пути: Кама, ее притоки и притоки Оби. Основными средствами сообщения были речные

[172] См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. — С. 56—66.

[173] См.: *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. — С. 162—165.

www.perm-book.ru

суда разных типов. Для обслуживания дальних перевозок используется труд транспортных рабочих-гребцов, чаще всего наемных. У городов появляются пристани, обрастающие складскими помещениями. В XVI в. прокладываются новые дороги, соединяющие группы поселений между собой, трансуральские дороги, основной из которых стала Бабиновская. Русские принесли новые средства передвижения — колесную телегу, грузовые сани, скоростные лыжи. Организуется их ремесленное производство. Развивается дорожное строительство. На Бабиновской дороге прорубались просеки, строились мосты через реки, гати через болота, некоторые участки получали деревянное покрытие. Движение по дорогам осуществлялось в течение всего года. По основным путям ставятся станции для смены лошадей и отдыха, появляется новая профессия транспортных рабочих-ямщиков, часть которых входит в особую категорию служилых людей.

Зарождение экономических связей между отдельными уездами создавало предпосылки для формирования единого хозяйственного комплекса всего уральского региона. Освоение новых путей сообщения способствовало развитию массовой колонизации Урала. Существенную помощь в этом оказывало русским местное население края. Недаром северная сухопутная дорога через Урал долго называлась «зырянским тесом».

3.6. УКРЕПЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В XVI в. завершилось формирование феодальной собственности и основных классов феодального общества — русских и местных феодалов, русского и местного крестьянства. Сформировались посадское и церковно-монастырское население как особые сословия. В состав феодального класса вошли представители царской администрации, служилые люди «по отечеству» — наместники, воеводы, руководители военных отрядов, князья, бояре, «дети боярские» — дворяне и коллективные землевладельцы — духовные феодалы-монастыри. Часть зажиточной верхушки посада приобретала земли и обрабатывала их с помощью половников или людей, работавших по найму. Испомещение служилых людей на Урале проводилось в более ограниченных масштабах, чем на других колонизуемых окраинах государства. Наиболее крупными феодалами стали Строгановы. Административный аппарат Перми Великой в XVI в. был невелик и состоял из наместника, тиунов, доводчиков и приставов. В 1572 г. наместничье управление заменяется воеводским, появляются дьяки и подьячие.

В середине XVI в. в Русском государстве проводилась земская реформа, являвшаяся серьезной уступкой купечест-

www.perm-book.ru

ву, промышленникам и зажиточному крестьянству, которая привела к созданию сословно-представительных органов местного самоуправления[174]. В Перми Вычегодской в 1554—1555 гг. наместничье управление было ликвидировано («волостелям не быти»), а местное самоуправление было передано в руки земских выборных органов. Была введена новая — поземельная система налогового обложения — писцы «пашни и перелоги меряли да пашни и люди в сошки развели, государевы дани в сошки ж положили»[175]. Старая единица обложения была сохранена для охотничьего ненецкого населения и крестьян-промысловиков, повинности которых раскладывались «полуковно».

Реформа была распространена и на приуральские земли. По распоряжению известного деятеля «Избранной рады» А. Ф. Адашева 26 декабря 1553 г. жителям Перми Великой по их челобитью была дана новая уставная грамота. Права наместников были ограничены, размеры «корма» четко фиксировались, сбор дани и корма был возложен на выборные органы самоуправления. Земские старосты и целовальники избирались «от всех градских людей и сельских» из числа «добрых» или «лучших»[176].

Основной единицей обложения уже в переписи 1579 г. стала «соха» — мера земельной площади в зависимости от качества земли в сельской местности и определенное количество дворов в городах (64). Введение поземельного обложения связано с ростом земледельческого освоения края. Устанавливался порядок, когда «сами наместники и тиуны и доводчики по погостам луков писати и корм брати не ездят, а разметывают пермяки межь себя корм по сохам, по дани». Натуральные сборы (кроме соляного налога) заменялись деньгами. Фактически наместники переводились на денежное жалование, собранное с жителей уезда.

Выборные земские люди принимали участие в суде, — «а наместнику ... без целовальников и без старосты и без лучших людей суда не судить, а целовальников пермяки выбирают у себя сами, кто им люб». Местом работы выборного органа стала «земская изба». От нерусского населения выбирались «десятники», собиравшие дань в соседских и родовых общинах. Грамота 1553 г. определяла компетенцию наместников, порядок судопроизводства и меры наказания за преступ-

---

[174] См.: *Носов Е. Н.* Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л., 1969; *Он же.* К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI века // Из истории феодальной России. — Л., 1978. — С. 60—76.

[175] ВВЛ. — С. 265—266.

[176] *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1889. — Вып. 1. — С. 178—195.

www.perm-book.ru

ления и проступки. Сохранилось правило круговой поруки общин-«миров» и уплаты «виры», если «мир» не разыщет убийцу. Суд наместника вершился в особой приказной избе (позднее — в воеводской). Наместник контролировал торговлю посадских людей с местным населением. Введение сословно-представительных органов управления, значительные льготы купечеству Перми Великой устанавливали здесь порядки, аналогичные порядкам в городах и уездах северного Поморья.

Сохранение в отличие от Перми Вычегодской наместнического управления в Перми Великой и замена его в 1572 г. воеводским [177] было вызвано сохранением здесь военной опасности до конца XVI в. Кормленщики сохранялись в это время и в других пограничных уездах Российского государства [178]. Основной функцией наместников и воевод оставалась организация обороны от внешних врагов, а в связи с этим сохранилась и роль их единоличной власти. Органы земского самоуправления фактически находились под контролем воевод и наместников, а в зауральских городах они вообще не были введены. Выборные должности таможенных и других «голов» и целовальников стали нелегкой формой повинности посадских людей и крестьян, целиком находившихся под контролем воеводского управления.

Особое положение занимали феодальные владения Строгановых. Летописи [179] и царские грамоты с самого начала называли эти владения «вотчиной», хотя особые льготы предоставлялись Строгановым за их службу по обороне восточных границ государства, освоению края и обеспечению проезжих служилых людей продовольствием и транспортом, т. е., учитывая все ограничения в распоряжении владениями, в правовом отношении приближали их к условному или поместному землевладению.

Однако новые царские пожалования Строгановым содержали больше привилегий, чем ограничений. С самого начала их возникновения владения передавались по наследству в роде Строгановых и практически это крупное поместье превратилось в настоящую вотчину. В 1566 г., учитывая большое промысловое значение этих земель, Иван IV взял их в опричнину. Царские грамоты предоставили Строгановым право феодального иммунитета — неподсудности пермским наместникам и воеводам: «нашим пермским наместникам и воеводам... Григория Строганова и... его городка людей и деревенских не судити им ни в чем... а ведает и судит Григорей своих слобожан сам во всем... наши все подати велети возити на

[177] См.: ДАИ. — Т. 1. — С. 175.
[178] См.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. — М., 1960. — С. 434—435.
[179] См.: ВВЛ. — С. 265—266; ПСРЛ. — 1987. — Т. 36. — С. 73, 181, 239,

www.perm-book.ru

Москву в нашу казну»[180]. Строгановы получили право беспошлинной торговли в своих землях, имели свое войско. Строгановские городки были вооружены лучше, чем некоторые обычные города. Они были центрами управления вотчин. В них жили сами Строгановы, служащие вотчинной администрации — приказчики, тиуны и приставы, которым подчинялись «мирские» старосты и десятники. Крестьяне вносили дань натурой и деньгами и выполняли государственные повинности. В вотчинном аппарате управления преобладали лично преданные Строгановым люди, для части которых служба стала наследственной.

По своим размерам вотчины Строгановых равнялись территории некоторых европейских государств. Накопив богатство в промыслово-торговой деятельности, они превратились в крупных феодалов-крепостников, расширявших сферу эксплуатации как принудительного, так и наемного труда не только в основной отрасли хозяйства — солеварении и торговле, но и в сельском хозяйстве, имевшем подсобное значение. Владения Строгановых были крупным крепостным промысловым комплексом, близким по типу к более поздним горнозаводским вотчинам Урала. Они заселяли свои земли, широко применяя внеэкономическое принуждение, опираясь на вотчинную администрацию. В их землях было освоено более 5,6 тыс. десятин различных угодий, построено около 50 населенных пунктов. Строгановы первыми на Урале (с 1581 г.) начали проводить своими силами сыски беглых, обращались за помощью к царской администрации[181].

В XVI в. завершилось формирование духовного феодального сословия — монастырского населения и служителей христианской церкви. Монастыри имели земельные владения, населенные феодально зависимыми от них крестьянами, обладали правом феодального иммунитета. Они начали захватывать крестьянские и посадские земли, что вызвало активное сопротивление крестьян и горожан, приобретавшее форму классовой борьбы, захватывали земли нерусского населения, встретив резкий отпор и с его стороны, как одну из форм национально-классовой борьбы. Земли, варницы, лавки и другие промыслы духовных и светских феодалов были «обелены» — не облагались государственными налогами. Это вызывало протест посадского населения, с которым они конкурировали. Удельный вес церковно-монастырского населения к концу XVI в. был еще очень невелик. На всем Урале было шесть монастырей, 20 церквей и около 100 человек, связанных с ними.

[180] *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1892. — Вып. 4. — С. 107.

[181] См.: *Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII веков. — С. 63—64.

www.perm-book.ru

На башкирских и удмуртских землях жили немногочисленные русские помещики-дворяне и башкирские и татарские феодалы, сохранившие собственность на земли и свои привилегии. На северном Урале часть племенной и родовой знати местного населения вошла в состав низшего звена русского феодального аппарата управления на положении близком к служилым людям, распоряжалась промысловыми угодьями и эксплуатировала труд сородичей, попадавших к ним в экономическую зависимость.

Особую социальную категорию составляли служилые люди «по прибору»: военные — стрельцы, казаки, пушкари, пищальники, воротники, сторожа, представители низшего звена администрации (приставы, доводчики, «толмачи»-переводчики, писцы), ямщики и казенные ремесленники. Они получали денежное и натуральное жалование от государства. В приуральских городах их было немного, а в зауральских они составляли основную часть населения. Кроме несения службы часть из них занималась ремеслом и сельским хозяйством, вела торговлю с местным населением, используя служебные командировки, что ставило их в более выгодное положение в конкуренции с посадскими людьми. Их земли и промыслы не облагались налогами, что также создавало им более выгодные условия в посадах. Некоторые из них, проживавшие в сельских военных поселениях — слободах, переходили с государственного жалования на самообеспечение — «служили с пашни».

Крестьянство Урала сформировалось из представителей разных национальностей. Нерусское крестьянство сближалось по своему правовому положению с различными категориями численно преобладавшего русского крестьянства, что имело прогрессивное значение: способствовало усилению влияния более развитых русской земледельческой культуры и быта, преодолению отсталых форм социальных отношений, сплачивало в борьбе с общими угнетателями. Наиболее многочисленной категорией на Урале были черносошные крестьяне (86,2% всего крестьянского населения). Они сохраняли общинные формы землевладения и землепользования поморской северной деревни с долевым (складническим) подразделением и свободой земельных сделок (купля, продажа, заклад, завещание, вклад, обмен и т. д.) [182]

Право владения и отчуждения земли имели не только взрослые мужчины, но и женщины — хозяйки дворов. Черносошным крестьянам принадлежало 78,2% всех освоенных земель, в том числе 85,4% пашни и 66,1% сенокосов (табл. 12).

---

[182] См.: ЦГАДА. — Ф. 281. — Оп. 17. — Д. 11134/2, 11152/20, 11136/4 и др.

www.perm-book.ru

Таблица 12

Основные социальные группировки крестьянства Перми Великой и их роль в освоении края в XVI в. (1579—1596 гг.) [183]

Социальная категория крестьян	Общее число душ муж. пола	%	Пашня		Перелог		Сенокосы		Пашен. лес		Всего зем. угодий	
			дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
Черносошные	1 673	86,2	10 059	85,4	4 351	79,7	4 567,5	66,1	1 931	61,3	20 908,5	78,2
Крепостные Строгановских вотчин	240	12,3	1 740	14,5	1 063,5	19,4	2 109	30,4	699,5	35,7	5 612	20,7
Монастырские	30	1,5	129,5	0,1	52,3	0,9	243	3,5	82	3,0	507	1,1
Всего (без посадского населения)	1 943	100	11 928,5	100	5 467	100	6 919,5	100	2 712,5	100	27 027,5	100

[183] ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308; ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1891. — Вып. 3; 1892. — Вып. 4; 1900. — Вып. 8.

www.perm-book.ru

В северных уездах крестьяне имели в среднем по 7—8 десятин на двор, а в Ново-Никольской слободе — по 4—5 десятин. Свобода земельных сделок создавала условия для обогащения одних крестьянских семей, приобретавших земли, постройки, мельницы и передававших их по наследству, и разорения других, временно или постоянно лишавшихся средств производства.

Постепенно растет беспашенное население (10,1% в Чердынском, 11,7% в Соликамском уездах, 4,3% в Ново-Никольской слободе). Особую группу беспашенных составляли бобыли, жившие в своих дворах, занимавшиеся ремеслом, иногда имевшие скот и небольшие сенокосы. Это были или недавние переселенцы, не успевшие обзавестись полным хозяйством, или разорившиеся и перешедшие к неземледельческим формам деятельности.

В XVI в. среди черносошных крестьян появляются половники[184], работавшие на земле зажиточных крестьян и посадских людей за половину урожая. Как и в северном Поморье, половье в деревне не вело к личной зависимости, не порождало феодальных отношений, положение половников было ближе к положению батраков[185]. Половничество — сложное и неоднозначное социальное явление. У монастырей и Строгановых из временной зависимости за полученную для обработки исполу землю половники переходили постепенно на положение феодально зависимых крестьян. У черносошных крестьян и посадских людей это была своеобразная форма найма. За полученную в долг денежную ссуду до уплаты долга половники обрабатывали землю заимодавца или свою же землю исполу. В первом случае это была своеобразная форма аренды земли. Иногда зажиточные крестьяне-предприниматели за ссуду брались обрабатывать землю заимодавца до уплаты долга тоже исполу, но не сами работали на ней, а в свою очередь нанимали работать на ней исполу деревенскую бедноту. Т. е. обычная феодальная категория половья в условиях сохранения крестьянского черносошного землевладения выступала в деформированном виде, принимая форму аренды и найма.

Основная часть повинностей черносошных крестьян выражалась в уплате денежных оброков — дани государству в размерах, зависевших от размеров земельного надела и качества земли (табл. 13). В 1579 г. дань составляла большую долю прямых налогов (82% в Чердынском и 89% в Соликам-

---

[184] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 19 об., 36.

[185] См.: *Носов Н. Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1968. — Вып. 1. — С. 247.

www.perm-book.ru

ском уездах), оброчные сборы 10% в Чердынском и 3% в Соликамском уездах, а «наместничий корм» 8% в обоих уездах. Наиболее обременительны были «сибирские отпуска», в которых сочетались отработочная и натуральная повинности[186]. И хотя правительство засчитывало собранный хлеб в расчет податей или расплачивалось за него деньгами (по низким ценам), с конца XVI в. возникли недоимки, которые продолжали расти в XVII в. Отвоз хлеба в сибирские города надолго отрывал крестьян, сопровождавших обозы, от своего хозяйства. Верхотурские воеводы накладывали на них дополнительные «изделья» — по заготовке строевого леса для судов, строительству житниц и другие.

В Ново-Никольской слободе и в зауральской деревне с конца XVI в. были введены государственные отработки («государева десятинная пашня»). Крестьяне сообща («взгоном») пахали специально отведенные участки земли, пропорционально размерам своих наделов, сеяли, убирали, молотили хлеб и сдавали его в государственные житницы. К «государевой пашне» приравнивалось выкашивание сенокосов и поставка сена в государственную казну для нужд служилых людей. Черносошные крестьяне привлекались к строительству и ремонту дорог и городских укреплений, перевозке дров на винокурни и воеводские дворы, драли лыко, сдавали хлеб для «подмоги» крестьянам, переселявшимся в Сибирь, соль с варниц, рыбу с улова. Они облагались сбором земских и приметных денег, на городовое, засечное и ямчужное дело (на военные нужды и содержание земского самоуправления), на содержание наместников и воевод и их аппарата[187]. Особо взималась подоходная плата с «оброчных статей» — за пользование варницами, мельницами, кузницами, рыболовными и охотничьими угодьями. Крестьянское «тягло» распределялось в общине пропорционально размерам и доходности дворовых хозяйств. Бобыли платили небольшой денежный оброк. В Ново-Никольской слободе в XVI в. он составлял десятую часть полного крестьянского тягла. В той же слободе крестьяне-новопоселенцы отрабатывали в пользу ее основателя — слободчика.

Строгановские крепостные крестьяне в XVI в. составляли 12% всех крестьян Урала. В феодальную зависимость они были втянуты разными путями — получив ссуду и попав в кабалу; насильно вместе с землей захваченные вотчинниками, принуждавшими их к работе на себя; беглые, укрытые Строгановыми от сыска или репрессий царской администрации;

[186] См.: *Мацук М. А.* Сибирские хлебные запасы (на материалах Яренского уезда 1558—1685 гг.) // Вопросы социально-экономической истории Коми края. — Сыктывкар, 1980. — С. 10—23.

[187] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 45.

www.perm-book.ru

Таблица 13

Государственные платежи крестьян Перми Великой в XVI в. (1579 г.) [188]

Название платежа	Чердынский уезд	Соликамский уезд	Вотчины Строгановых
Дань и пошлины с нее	245 руб. 15 алт. 1 д.	31 руб. 17 алт. 2 д.	53 руб. 15 алт. 3 д.
Оброки с мельниц, варниц, рыбных ловель с пошлинами	21 руб. 21 алт.	1 руб. 9 алт.	188 руб. 6 алт. 5 д.
Наместнич. корм (деньгами)	23 руб. 4 алт. 4 д.	3 руб. 1 алт. 2 д.	—
Всего	290 руб. 7 алт. 2 д.	35 руб. 27 алт. 2 д.	241 руб. 22 алт. 2 д.

[188] ГБЛ. РФ. — Ф. 256. — Д. 308; ПОБГ, РФ. — Д. 60539; ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7; *Дмитриев А. А.* Пермская старина, 1891. — Вып. 3.

www.perm-book.ru

пленные башкиры и калмыки и литовские пленные с Ливонской войны; лица, захваченные Строгановыми во время подавления народных восстаний или купленные у правительства. Кроме крепостных крестьян в вотчинах работали холопы («люди их»). Часть их обслуживала личные потребности феодалов, а некоторые даже становились чинами вотчинной администрации. Большинство же было пашенными холопами, работавшими на барской пашне [189]. Они не имели собственных наделов земли и других средств производства и находились на содержании феодалов.

На долю строгановских крестьян приходилось 14,5% пашни и 19,5% сенокосов — почти пятая часть всех освоенных земель. Государственные повинности строгановские крестьяне несли в денежной форме, пропорционально земельным наделам, за неземледельческие промыслы уплачивали подоходные оброки. Барская запашка у Строгановых была относительно невелика, поскольку сельское хозяйство имело подсобное значение. В среднем она составляла 40% по отношению ко всей пашне, а барские сенокосы 37,2% (табл. 14). Крестьяне имели наделы по 5—6 десятин. Кроме барщины они платили вотчинникам натуральные оброки — хлебом, сеном, рыбой, пушниной. Самой тяжелой повинностью была неземледельческая барщина на соляных промыслах — обслуживание варниц, погрузка и сплав соли в соляных караванах, заготовка и вывозка топлива и леса для строительства. Крестьяне обслуживали мельницы, конюшни и скотные дворы феодалов, перевозили приказчиков и других лиц вотчинной администрации. Усиление феодального гнета вызвало бегство строгановских крепостных в южные районы Прикамья, на восточный склон Урала и в Сибирь. В XVI в. среди строгановских крестьян еще не прослеживается заметного имущественного расслоения.

Роль монастырских крестьян в освоении края была незначительна. На их долю приходилось 2% пашни и 3,5% сенокосов. Их повинности в основном сводились к монастырской земледельческой и промысловой барщине. В Пыскорском монастыре монастырская запашка составляла более двух третей всей пашни. Крестьяне работали также на сенокосе, обслуживали конюшни и скотные дворы, а также варницу, мельницы, ловили рыбу для монастыря. «Монастырские детеныши» [190], воспитанные в монастыре, выполняли разные работы, в том числе на пашне («пашут ее монастырские детеныши»).

Небольшая часть крестьян находилась в экономической зависимости от посадского зажиточного населения. В трех де-

---

[189] См.: ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7. — Л. 2—3.

[190] *Дмитриев А. А.* Пермская старина. — Пермь, 1892. — Вып. 3. — С. 19.

www.perm-book.ru

Таблица 14

Соотношение барской и крестьянской запашки и сенокосов в вотчинах Строгановых в 1579 г., % [191]

Часть вотчины, округа, городка	Пашня		Перелог		Сенокос		Пашен. лес	
	барск.	крест.	барск.	крест.	барск.	крест.	барск.	крест.
Н. Строганов Орел-городок	74,2	25,8	—	—	88,2	11,8	50,8	49,2
С. и М. Строгановы								
Нижний Чусовской городок	8,2	91,8	—	100	32,2	67,8	—	100
Сылвенский острожек	37,8	62,2	49,5	50,5	39,1	60,9	26,1	73,9
Яйвинский острожек	72,8	27,2	—	—	40,2	59,8	100	—
В среднем по вотчине С. и М. Строгановых	39,6	60,4	24,8	75,2	37,2	62,8	42	58

[191] ПОБГ, РФ. — Д. 60539; ЦГАДА. — Ф. 1278. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 7.

ревнях на отхожих пашнях соликамского промышленника С. Никитина работали половники и пашенный холоп. На отхожей пашне чердынского «лучшего» посадского человека Я. Могильникова трудились половник и пашенный холоп с четырьмя сыновьями [192].

Посадское население Урала формировалось за счет переселенцев из поморских и центральных русских городов, местного и пришлого крестьянства. Писцовые книги и акты называют их «посадскими и торговыми людьми» и выделяют среди них «лучших», «средних» и «молодших» [193]. Они платили государственные налоги в денежной форме со двора, денежные оброки с торговых и ремесленных заведений, дань с посадских пашен и сенокосов. Города принимали участие в отправлении «сибирских отпусков», ямской гоньбе, строительстве дорог и укреплений. На посадах заметнее, чем в деревне, прослеживается имущественное расслоение. Верхушка посада сосредоточивает в своих руках промыслы, торговые заведения и земли.

Так, в Чердыни Якуш Могильников с сыном Иваном владели соляной варницей, оброчной рыбной ловлей, 23,5 десятинами пашни и 20 десятинами сенокосов в уезде, занимались

[192] См.: ГБЛ. — Ф. 256. — Д. 308. — Л. 36 об.
[193] АИ. — Т. 1. — С. 397.

www.perm-book.ru

винокурением. Зажиточные семьи передавали накопленное по наследству. В начале XVII в. семья Могильниковых расширяет свою предпринимательскую деятельность, приобретает новый соляной промысел недалеко от Соликамска, активизируется в торговле, ее представители занимают выборные должности земского самоуправления, назначаются таможенными головами. Они используют феодальные методы эксплуатации (труд половников и холопов) [194].

Зажиточные ремесленники, владевшие большими кузницами и другими заведениями, выделяются среди остальных. Среди «молодших», занимавшихся мелкой торговлей и ремеслом, появляются обедневшие люди, нанимающиеся на работу по заготовке дров и обслуживанию солеварен. В городах встречаются и полностью разоренные — «нищие», «скитаются меж двор», часть которых «живут мирской работой». Крепостнические порядки в конце XVI в. распространяются и на города. Горожане были прикреплены к посадскому тяглу и не могли его покинуть без разрешения царской администрации.

Особую категорию феодальнозависимого населения составляли ясачные люди. Это кочевое и охотничье-рыболовное нерусское население (башкиры, манси, ханты, ненцы), вносившие ясак в государственную казну мехами, медом, воском и другими продуктами с каждой территориально-племенной единицы (сотни, юрта, рода, волости, аймака). Кроме того, они несли повинности и своим феодалам и племенным вождям и старейшинам (уход за скотом, сдача скота, мехов, меда, рыбы и т. д.). Они были обязаны приносить «подарки» царю, воеводам и другим должностным лицам, чаще всего мехами. Если оседлое земледельческое нерусское население (коми, удмурты, остяки) было обложено фактически теми же феодальными повинностями, что и русское крестьянство, то ясачное население, у которого сформировалась своя феодальная и феодально-патриархальная знать, находилось по существу под двойным гнетом, отправляя как государственные повинности (ясак), так и повинности своим феодалам.

В XVI в. в результате русской колонизации на Урале сформировалась социальная структура феодального общества. Здесь преобладала система государственного феодализма, когда большая часть освоенных земель принадлежала феодальному государству, отражавшему интересы всего класса феодалов. Частное феодальное и монастырское землевладение было ограничено правительством. Феодальные и родоплеменные отношения местного населения вписывались в систему

[194] См.: *Оборин В. А.* Пермские посадские люди в XVI—XVIII веках (к вопросу о формировании торгово-промышленной верхушки) // Промышленность и торговля в России XVI—XVIII веков. — М., 1983. С. 29—30, 41—42.

www.perm-book.ru

русского феодализма. В системе государственного феодализма крестьяне пользовались большей свободой личности, чем в центре государства, правом свободы перемещения, свободы земельных сделок, что стимулировало их в быстрейшем заселении и освоении Урала. Здесь в этот период преобладали денежные формы повинностей, что было обусловлено большим удельным весом промыслов в крестьянском хозяйстве поморской и уральской деревни, возможностями получить деньги при продаже пушнины, рыбы, соли и других неземледельческих продуктов. Правда, доля отработок постепенно росла не только в монастырских хозяйствах и строгановских вотчинах, но и в черносошной деревне («десятинная пашня», «сибирские отпуска» и т. д.), а свобода передвижения по мере заселения отдельных районов постепенно ограничивалась.

В XVI в. продолжало развиваться административно-территориальное деление Урала. В Верхнем Прикамье было три уезда — Чердынский, Соликамский и Кайгородский. Чердынский уезд делился на четыре стана, а внутри станов выделялись погосты с их округой. В Соликамском и Кайгородском уездах было деление только на станы. Все эти уезды управлялись чердынским воеводой и подчинялись сначала земской четверти дьяка А. Я. Щелкалова, а в конце XVI в. были переданы в Новгородскую четверть. На восточном склоне Урала было два уезда — Верхотурский и Пелымский. Просуществовавший недолго Лозьвинский уезд был включен в состав Верхотурского. Они подчинялись Сибирскому приказу. Особые административные единицы составляли вотчины Строгановых, разделенные на округа во главе с городками и острожками, и Вятская земля, имевшая внутреннее деление на станы. Ново-Никольская слобода входила в состав дороги (деление на «даруги» — особые округа, возникло еще в период владычества монголо-татар). Основная территория Башкирии вошла в состав Уфимского уезда, который, как и Ново-Никольская слобода, подчинялся Казанскому приказу.

* * *

В конце XVI в. весь Средний Урал прочно входит в состав основной территории Российского государства и создаются условия для дальнейшего освоения Сибири. Завершается процесс укрепления феодальной собственности и системы феодальных отношений. На Урале в процессе формирования этой системы переплетаются отношения периода феодальной раздробленности (преобладание военно-административного начала над экономическим в условиях внешней опасности, создание вотчинных городков — формы градообразования, уже отжившей в центральных районах страны, раздача земель за службу феодалам, длительное сохранение системы наместни-

www.perm-book.ru

чества, дани) и отношения укрепившегося государственного феодализма (ограничение частного и развитие общинного землевладения, создание земского самоуправления, ограниченного властью воевод, формирование крупного производства в солеварении, промыслах и развитие их товарности, преобладание наиболее прогрессивной формы феодальной ренты — денежной — над отработкой и натуральными повинностями).

Со второй половины XVI в. на осваиваемых землях Урала происходит развитие феодализма не только вширь, но и вглубь. Вводится тяжелая для Приуралья повинность в виде «сибирских отпусков». В Зауралье начинает складываться разновидность государственных отработок, приближавшихся к крепостническим формам, — «государева десятинная пашня». В этот период складывается огромное по своим размерам феодальное хозяйство Строгановых, близкое по типу к поздним горнозаводским вотчинам.

При стихийном переселении из северных районов Поморья на Урал переносились многие формы хозяйственной деятельности и общественных отношений, характерные для этих районов, приспособляемые к местным условиям. Приуралье стало одной из составных частей севера Русского государства — восточным Поморьем. Этим в основном можно объяснить преобладание уже на этом этапе категории черносошных крестьян над частновладельческими, хотя немалую роль в этом сыграла и политика правительства, заинтересованного в быстрейшем освоении обширных восточных районов государства.

Своеобразием в сложении и развитии феодализма у нерусского населения Урала (а затем этот опыт распространен и на народы Сибири) было отсутствие ломки ранее сложившихся общественных отношений, приспособление их к системе русского феодализма и эволюция под влиянием ее дальнейшего развития. В основном это имело прогрессивное значение для экономического и этнического развития местного населения. Однако нельзя не отметить и некоторое тормозящее значение такого «вписывания» — консервацию отсталых форм общественного строя (родового, феодально-патриархального).

Наряду с процессами этнической консолидации нерусского населения происходило формирование русского старожильческого населения, ставшего основой для вхождения его в состав великорусской народности. Шло сближение его в языке, материальной и духовной культуре с населением основных районов расселения этой народности. Урал стал частью ее этнической территории.

Экономические результаты колонизации на этом этапе были еще весьма скромными, что объясняется медленным рос-

www.perm-book.ru

том населения в условиях сохранившейся до конца XVI в. военной опасности. Падение Сибирского ханства сняло основную военную угрозу, что обеспечило нарастание темпов колонизации на следующем этапе. К началу XVII в. лучше были освоены малоплодородные северные лесные районы. Плодородные земли Среднего и Южного Урала только начали осваиваться. Именно в этих районах и развернулась массовая русская колонизация в XVII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение исторических источников разных типов, большая часть которых впервые введена нами в научный оборот, а также основной дореволюционной и советской литературы, позволило глубже и полнее исследовать сложный многосторонний процесс заселения и освоения Урала русским и нерусским населением в период развитого и позднего феодализма и прийти к определенным выводам.

До прихода русских Урал был очень редко заселен предками народов и в настоящее время проживающих на его территории, людьми разными по языку, происхождению, типам хозяйства и уровню развития общественного строя. Обширные пространства в разных ландшафтных зонах оставались незаселенными. Расселение финно-угорского и тюркского населения шло по берегам крупных рек и их основных притоков. Большинство местного населения находилось на стадии разложения родового строя и перехода к классовому обществу, зарождения народностей на основе устойчивых союзов племен. Степень разложения была различна: До прихода русских раннеклассовые — феодально-патриархальные — отношения начинали складываться на Южном Урале у башкир. В IX в. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье сформировалось раннефеодальное государство Волжская Болгария. До прихода русских происходили миграции нерусского населения севера Европы (коми-зыряне, ненцы, манси) и Поволжья (мари, мордва, чуваши) в Приуралье, а затем и на восточный склон Урала. С конца XI в. началось продвижение волжских болгар вверх по Каме. Болгарская колонизация началась одновременно с русской, частично совпадала с ней по направлению (с юга на север) и шла ей навстречу.

Колонизация Урала был особым социальным процессом, особенности которого определялись общими закономерностями развития русского феодализма как вширь (перенос уже сложившихся феодальных отношений на новые, слабо заселенные территории), так и вглубь (внутреннее развитие этих от-

www.perm-book.ru

ношений на осваиваемых землях при взаимодействии с социальными отношениями местного населения). Этот процесс был частью общерусского процесса заселения и освоения окраин и имел свои региональные особенности. На него оказывали влияние классовая борьба и борьба религиозных течений (язычество, ереси) на основной территории русских княжеств, а затем и формирующегося государства. Отлив всех недовольных и преследуемых властями на окраины ослаблял обострение классовой борьбы в центре государства. Эти наиболее социально активные элементы народных масс и играли главную роль в заселении и освоении края.

Заселение и освоение Урала было процессом внутренней колонизации — расширения государственной территории и укрепления на ней обычных для Русского государства органов управления, установления прочных экономических связей. Основными причинами колонизации было наличие огромного фонда свободных земель, пригодных для освоения, и заинтересованность в этом всех классов и сословных групп русского общества. Численное преобладание русского населнеия, сложившееся в ходе освоения новых земель, способствовало преобладанию здесь отношений русского феодализма.

В отличие от западно-европейской колонизации здесь не было завоевания чужих земель даже на раннем этапе, когда для сбора дани применялись военные походы, обычные для периода феодальной раздробленности. Заселение и освоение происходило в основном мирным путем, поскольку главную роль в этом играли народные массы, прежде всего русское крестьянство, экономические (торговые) связи которого с местным населением начали складываться еще до переселения его на Урал. Был использован опыт мирного общения славянского населения с нерусским населением Севера, откуда в основном и шел поток русских поселенцев. До появления на Урале русские знали язык и особенности культуры и быта финно-угорского населения Севера, что облегчило им установление мирных отношений с родственным же ему населением Урала.

Русские крестьяне поселялись на одних поселениях с нерусскими, вступали с ними в смешанные браки. Прогрессивные черты более высокой земледельческой культуры и быта рано начали оказывать влияние на культуру и быт нерусских народов. Военно-административный аппарат, сложившийся после вхождения приуральских земель в состав Русского государства, был немногочислен, и основной его функцией долгое время было не столько подавление местного населения, сколько оборона восточных границ государства и защита русского и нерусского населения от разорительных набегов

www.perm-book.ru

соседних феодальных государств (Волжская Болгария, Золотая Орда, Казанское и Сибирское ханства) и кочевых феодалов.

В отличие от западно-европейской колонизации Урал вошел в состав Русского государства не как колония, а как его органическая часть, не как сырьевой придаток и рынок сбыта, а как самостоятельный экономический район, связанный с центром государства. Здесь не было истребления и ограбления нерусского населения края как государственной политики. Злоупотребления царской администрации на местах нередко одинаково касались как нерусского, так и русского населения. Как и русское население, оно получало право жаловаться царю на эти злоупотребления, иногда правительство принимало меры по ограничению и пресечению злоупотреблений, поскольку было заинтересовано в регулярном получении дани, ясака и других форм феодальной ренты от местного населения. Численность нерусского населения в ходе колонизации не сокращалась, а росла; не были нарушены направления миграций, сложившиеся у него до прихода русских и продолжавшиеся в одном потоке с ними, не производилось резкой ломки хозяйственной деятельности и социальной структуры, которые постепенно сближались с хозяйством и социальной структурой русского населения.

Народные массы русского населения не были господствующей нацией по отношению к нерусским народам. В правовом отношении они мало отличались друг от друга, выполняя одинаковые повинности по отношению к одним и тем же эксплуататорам (феодальное государство, Строгановы, монастыри), против которых вели совместную классовую борьбу. Лишь часть ясачных людей испытывали двойной гнет русских и нерусских феодалов и их классовая борьба иногда приобретала форму и национальной борьбы, чем умело пользовалась реакционная часть нерусских феодалов и мусульманского духовенства, натравливая народные массы против русских людей, раздувая недовольство отдельными фактами злоупотреблений, насильственной христианизации. В целом же степень эксплуатации нерусского населения на Урале в период феодализма была мягче, чем в период капитализма.

Сложность колонизационного процесса на Урале состояла в том, что он имел разные стороны своего проявления:

а) *демографическую* — опережающий рост населения за счет миграций над естественным приростом населения, преобладание мужского населения средних возрастов на ранних этапах заселения, взаимодействие разных этнических общностей и рост смешанных браков, длительное сохранение больших семей в связи с необходимостью семейной кооперации при освоении края;

www.perm-book.ru

б) *экологическую.* Большинство переселенцев на Урале было выходцами из северных районов Поморья, осваивавшими природную среду севера Урала, сходную с местами их первоначального проживания, по привычным водно-волоковым путям, улучшая их и прокладывая новые. Позднее осваиваются наиболее удобные районы для дальнейшего развития сельскохозяйственного (более теплый климат, плодородные почвы, обширные луга) и промышленного производства (выходы полезных ископаемых; причем первыми осваиваются соляные богатства, приемы разработки которых были хорошо известны в Поморье). Увеличивается емкость природных ландшафтов за счет введения в оборот расчищенных от захламленных лесов земель, искусственного повышения плодородия почвы за счет удобрения и внедрения прогрессивных систем земледелия, новых земледельческих и технических культур и пород скота, разработки полезных ископаемых. Однако, наряду с положительным влиянием на изменения природной среды, постепенно дают себя знать и отрицательные факторы экстенсивного освоения: вырубка и выжигание лесов, ведущие к обмелению рек и эрозии почвы, вторжение земледельцев в охотничьи рыболовные угодья и массовые методы добычи — к сокращению лесной дичи и рыбы, распашка пастбищ — к сокращению кормовой базы для скота, недостаток удобрений — к истощению почвы, поверхностное использование руд и соли при примитивной технике — к истощению их запасов. Хищнические методы хозяйствования применяли феодалы и промышленники. Наиболее рациональные приемы использования природной среды вырабатывало старожильческое население, передававшие накопленный им опыт последующих поколениям [1];

в) *экономическую.* Основным результатом освоения края было сложение на месте пустовавших земель экономически развитых районов с четко наметившейся специализацией производства, связанных между собой торговым обменом. Значительный прогресс наблюдался в хозяйственной деятельности нерусского населения, также втянутого в товарное производство;

г) *социальную.* К началу XVII в. на Урале сформировались и укрепились феодальные отношения, прошедшие стадию развитого феодализма и вместе со всей страной вступившие в стадию позднего феодализма. Заселение края в основном из черносошных земель северного Поморья (в то время, как Среднее Поволжье и южные окраины заселялись из крепостнического центра), ограничения правительством разви-

[1] См.: *Оборин В. А.* Освоение территории и природная среда в период феодализма. — С. 113—116.

www.perm-book.ru

тия частного и монастырского землевладения привели к преобладанию здесь системы государственного феодализма с государственной феодальной собственностью на землю, в которую вписывались феодально-патриархальные и патриархально-родовые отношения нерусского населения;

д) *этническую*. В ходе заселения и освоения края главными стали процессы этнической консолидации — переселение в родственную этническую среду, заселение более компактной этнической территории, сближение разных этнических групп между собой. Процесс формирования народностей нерусского населения ускорился, у некоторых уже завершился, и это было безусловно прогрессивным явлением. Происходила этническая консолидация русского населения, сформировавшегося из выходцев разных районов страны, усилились его связи с основной территорией формирования великорусской народности, органической частью которой стало уральское население. Одновременно в русской и нерусской среде проходили процессы дифференциации, сформировались устойчивые этнические группы — землячества (население Вятской земли — вятчане, зюздинские и язьвенские коми-пермяки, марийцы на Сылве, бесермяне на Каме) происходила этническая ассимиляция (русскими — небольших групп нерусского земледельческого населения, татарами — башкир и манси, удмуртами — части татар и т. д.), причем ассимиляция проходила мирным путем, без подавления одной этнической группы другой, без насильственной русификации. Усилилось взаимное влияние материальной и духовной культуры разных народов, обогащение и сближение их между собой при ведущей роли в этом процессе культуры русского населения.

В заселении и освоении Урала одновременно принимали участие разные классы и социальные группы, взаимодействующие между собой. Главной из всех форм была крестьянская колонизация, как наиболее массовая, питавшая из своей среды и другие формы, определившая пути и темпы миграций, сыгравшая главную роль в освоении края. Посадская и служилая колонизация на ранних этапах обеспечили безопасность и массовость крестьянской, сыграли немалую роль в хозяйственном освоении. Русские города были первыми на Урале и быстро прошли путь развития от раннефеодальных до позднефеодальных. Правительство пыталось регулировать все формы колонизации, шло на определенные ссуды и льготы. Но не только крестьянская, а отчасти и посадская колонизация проходили стихийно, вопреки воле правительства. Монастырская колонизация шла вслед за крестьянской и существенной роли в заселении и освоении края не сыграла.

Заселение и освоение Урала было трудовым подвигом народных масс ——крестьянства, посадских и служилых людей,

www.perm-book.ru

превративших эту слабозаселенную окраину в один из важнейших экономических районов страны. В те годы начали создаваться предпосылки для превращения его в горнозаводский центр России — начата разработка полезных ископаемых, созданы первенцы горной промышленности в солеварении, освоены водные и сухопутные пути сообщения. Средний Урал стал центром заселения и освоения Сибири, Северного и Южного Урала, был выработан опыт освоения обширного лесного края с немногочисленным нерусским населением, который был использован при освоении Сибири и дал возможность провести это освоение более быстрыми темпами, чем освоение Урала.

Заселение и освоение Урала в период феодализма имело большое прогрессивное значение для развития всего Российского государства, для дальнейшего экономического, социального и культурного развития нерусских народов Урала. С этих времен начинают складываться основы дружбы народов, совместно осваивавших край и боровшихся против своих угнетателей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты археографической экспедиции
АИ	— Акты исторические
АО	— Археологические открытия
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВВЛ	— Вычегодско-Вымская летопись
ВИ	— Вопросы истории
ВИМК	— Вопросы истории материальной культуры
ВОИДР	— Вестник Московского отделения общества истории и древностей Российских
ГАПО	— Государственный архив Пермской области
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГБЛ РФ	— Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва) Рукописный фонд
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР
ИИЯЛ	— Институт истории языка и литературы
КА	— Кабинет археологии
КАЭ	— Камская археологическая экспедиция
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КС ИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР

www.perm-book.ru

ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАР — Материалы по археологии России
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-востока
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЛСМИ — Новгородская летопись старшего и младшего изводов
ПВЛ — Повесть временных лет
ПГВ — Пермские губернские ведомости
ПГУ — Пермский государственный университет
ПОБГ — Пермская областная библиотека им. А. М. Горького
ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
СКМ — Соликамский краеведческий музей
СПб — Санкт-Петербург
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТПУАК — Труды Пермской ученой архивной комиссии
УдГУ — Удмуртский государственный университет
УЛС — Устюжский летописный свод
УрГУ — Уральский государственный университет (Свердловск)
ЧКМ — Чердынский краеведчсекий музей
ЦГАДА — Центральный государственный архив Древних Актов
ЦГИА(Л) — Центральный государственный архив (Ленинград)

www.perm-book.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Историография. Источники. Географическая среда 3

Глава I. МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО УРАЛА В IX—XV вв.

1.1. Этногенез народов Среднего Урала и их расселение 33
1.2. Хозяйство местного населения Среднего Урала 47
1.3. Общественный строй и религия 51
1.4. Миграции местного населения Урала 57

Глава II. ПРОНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА УРАЛ. ВХОЖДЕНИЕ ПРИУРАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (конец XI — середина XVI в.)

2.1. Начало проникновения русского населения на Урал 61
2.2. Влияние монголо-татарского нашествия на освоение Урала 67
2.3. Вхождение приуральских земель в состав единого Русского государства 70
2.4. Язычество и христианство на раннем этапе колонизации Урала 83

Глава III. ВХОЖДЕНИЕ ВСЕХ УРАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И НАЧАЛО ИХ МАССОВОГО ЗАСЕЛЕНИЯ (вторая половина XVI — начало XVII в.)

3.1. Политика правительства по регулированию колонизации Урала 96
3.2. Поход Ермака и начало строительства русских городов на восточном склоне Урала 105
3.3. Стихийная народная (крестьянская и посадская) колонизация 114
3.4. Миграции нерусского населения и их влияние на этнические процессы 131
3.5. Хозяйственное освоение Урала во второй половине XVI — начале XVII в. 136
3.6. Укрепление феодальных отношений 145

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 159

Список сокращений 164

www.perm-book.ru

ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ ОБОРИН

ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ УРАЛА В КОНЦЕ XI — НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Редактор *З. П. Межецких*
Младший редактор *Н. С. Песчинская*
Художественный редактор *Н. В. Алсуфьев*
Технический редактор *С. А. Бессольцева*
Корректор *А. С. Меркурьев*

www.perm-book.ru

ИБ № 694
Сдано в набор 6.02.90. Подписано в печать 23.11.90. Формат 60×90 1/16. Бумага типограф. № 3. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 10,3. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 505. Цена 2 р. 40 к. Темплан 1990 г., поз. 8.

Издательство Иркутского университета, 664000, г. Иркутск, центр, бульвар Гагарина, 36.

Типография Пермского университета.
614600, Пермь, ул. Букирева, 15

www.perm-book.ru